

Министерство образования и науки Республики Таджикистан

Худжандский государственный университет

имени академика Б.Гафурова

На правах рукописи

Сангинова Шахноза Абдурашидовна

**Функционально-семантическая
категория посессивности в таджикском и
английском языках**

**Специальность: 10.02.20 - Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание**

**Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
профессор Усмонов Каримджон**

Душанбе 2016

Оглавление:

Введение.....	4
Глава I. Теоретические аспекты категории посессивности в таджикском и английском языках.....	14
1.1 . О понятии посессивности и её видах (на материале английского и таджикского языков)	15
1.2 . Об особенностях категории посессивности и средствах её выражения в таджикском и английском языках.....	24
Глава II. Непредикативные средства выражения посессивности в таджикском и английском языках.....	46
2.1. Сравнительно-сопоставительный анализ посессивных конструкций с предлогом <i>of</i> в английском и изафетом <i>-и</i> в таджикском языке.....	47
2.2. Посессивные конструкции с формантом <i>-s</i> и их таджикские соответствия.....	61
2.3. Реализация значения посессивности местоимениями в таджикском и английском языках.....	77
2.4. Притяжательная конструкция N_1N_2 английского языка и её таджикские эквиваленты.....	94
Глава III. Предикативные средства выражения посессивности в таджикском и английском языках.....	103
3.1. Сравнительно-сопоставительный анализ конститuentов ФСК посессивности с глаголами <i>to have</i> и <i>доштан</i> в английском и таджикском языках.....	104
3.2. Категориальные значения обладания в посессивных конструкциях с глаголами <i>to have</i> и <i>доштан</i> в английском и таджикском языках.....	112

3.3. Субкатегориальные значения посессивных конструкций с глаголами <i>to have</i> и <i>доштан</i>	117
3.4. Предикативные посессивные конструкции с глаголами <i>to possess</i> , <i>to belong</i> , <i>to own</i> и их таджикские соответствия.....	129
3.4.1. Глагол <i>to possess</i> и его эквиваленты в таджикском языке.....	127
3.4.2. Глагол <i>to belong</i> и его таджикские эквиваленты.....	135
3.4.3. Глагол <i>to own</i> и его таджикские эквиваленты.....	142
Заключение	148
Библиография	156

Введение

Актуальность выбора темы. Язык представляет собой сложную знаковую систему, в которой имеются разноуровневые единицы, объединяемые на основе общности функции. Лингвисты до первой половины двадцатого века больше интересовались изучением единиц каждого уровня языка, почти не учитывая взаимоотношение между единицами уровней языка, хотя было известно, что эти единицы находятся в тесной связи и взаимозависимости. В сфере грамматики внимание большинства языковедов было направлено на исследование морфологических категорий языков и на структуру словосочетаний и предложений, а также на семантические отношения между их компонентами. Только начиная с конца шестидесятых и начала семидесятых годов двадцатого века, внимание лингвистов заострилось на исследовании трёх сторон языковых единиц – их формы, их значения и их функции. Обращение внимания на функциональный аспект единиц языка выявило, что у разноуровневых единиц языка могут быть тождественные функции. В результате, возникло новое направление в исследовании языка и его назвали функционально-семантическим подходом. О том, что такой аспект изучения языка возник в семидесятые годы, свидетельствуют два факта, во-первых, в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой [9], отсутствуют такие термины, как «функционально - семантическое поле», «функционально - семантическая категория», «поле локативности», «поле темпоральности», «поле посессивности» и др. Во-вторых, ни в одном лингвистическом источнике по таджикскому языку двадцатого века не встречаются вышеуказанные термины. Даже в академическом издании «Грамматикаи адабии забони ҳозираи тоҷик», вышедшем в 1986 году не встречаются термины, связанные с теорией поля, куда входит и функционально-семантическая категория посессивности. В некоторых источниках по таджикскому языку изучаются отдельные средства, выражения значения притяжательности. В частности, А.Л.Бухаризода[21] в

своей диссертации исследует функцию местоименных суффиксов современного таджикского языка. С.Дж. Арзуманов и С. Халимов написали главу о местоимениях для учебника «Забони адабии ҳозираи тоҷик» ч.1, в которой они кратко остановились на посессивной функции личных возвратных и энклитических местоимений таджикского языка [6,219-220]. С.Абдурахимов в своей работе, посвященной субстантивным словосочетаниям таджикского языка, анализирует образования типа существительное + и + существительное, существительное + и + личное местоимение и существительное + и + возвратное местоимение, между компонентами которых он выявляет некоторые типы посессивных отношений [1,с29-34]. Б.Сияев в работе, посвященной местоимениям таджикского языка, указывает на роль личных и энклитических местоимений в выражении значения притяжательности [93,162].

Иранист Е.К.Молчанова в своей статье, посвященной анафоре и притяжательности исследует функцию энклитического местоимения *-аи* на материале таджикской разговорной речи. Главную функцию энклитического местоимения *-аи* в разговорной речи таджиков она видит не в выражении им лица или притяжательности, а на указании в пред- или пост информацию, т.е. на его анафорическую функцию [73,132].

Как явствует из этого обзора литературы, в таджиковедении понятие притяжательности освещено как частные значения отдельных разрядов местоимений, а также семантическое отношение между двумя именами существительными, образующими субстантивные словосочетания. Значение притяжательности находит своё выражение не только при помощи некоторых местоимений и сочетанием двух имён существительных, но также и при помощи ряда глаголов типа доштан, сохиб будан, мансуб будан, дору будан, тааллуқ доштан, аз они худ кардан и некоторыми грамматическими средствами, которых крайне недостаточно. Эти средства исследованы в современном таджикском языке. Кроме того, в таджикском

языке даже отсутствует термин «категория притяжательности» или «посессивности», не говоря уже о необходимости исследования данной категории с применением теории поля, так как по некоторым другим функционально-семантическим категориям написаны отдельные работы. В частности, подвергались исследованию функционально-семантические категории темпоральности, аспектуальности, эмотивности, цветообозначения, квантитативности и др. В этой сфере языковой системы предстоит провести соответствующие исследования.

Такое положение дел в нашей лингвистической науке связано, очевидно, с тем, что проблема теории поля в лингвистике стала разрабатываться в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов в советском языкознании, на которое опирались таджиковеды при исследовании своего родного языка. А книги, посвященные изучению современного таджикского литературного языка, написаны на основе положений, отраженных в русских грамматиках, изданных до восьмидесятых годов двадцатого века.

Исходя из этого, можно констатировать, что изучение явлений притяжательности в таджикском языке в свете теории поля является требованием времени.

Категория посессивности и её различные стороны исследованы как в общелингвистическом, так и в частнолингвистическом планах. Общие вопросы категории посессивности отражены в работах В.Ш.Арсланова [7], К.М.Барановой [12], Р.М.Бирюковича [16], А.В.Бондарко [18, 19], Е.М.Вольф [28], А.В.Головачевой [31], Л.Н. Головачевой [32], П.В.Гращенко [33], И.Б.Долининой [38], Т.А.Ивановой [41], М.А.Журинской [47], А.Е.Кибрика [51], В.Ю.Копрова [52], М.А.Кумахова [58], Л.И.Лухт [64], Т.М.Николаевой [78,79], К. Писарковой [82], О.Н.Селивёрстовой [91], К.Г.Чинчлей [104,105,106], Г.Шухардт [107], В.Н.Ярцевой [108] и др.

Категория посессивности в английском языке исследована в значительной степени подробно и глубоко. Ей посвящено несколько диссертационных работ, к которым относятся исследования В.Ш. Арсланова [7], Й. Й. Григальюнене [35], А.В.Короткова[55], Н. И. Лихошерст [62], И. В. Тропиновой [99]. Категории посессивности в английском языке посвящены также монографии К. М. Барановой [12], Н. А. Васильченко [24], С.А.Лутина [63], но отдельные её аспекты остаются до сих пор спорными или недостаточно исследованными.

Частные вопросы категории посессивности в английском языке исследовали С.П.Балашова [11], Т.В. Булыгина [20], О.А.Вальдман [23], Г.И.Виноградова [25, 26], Г. Н. Воронцова [29], Й.Й.Григальюнене [34,35], Р.Е.Ежкова [39], А.А.Корсаков [56], Л.К.Латышев [61], Н.И.Лихошерст [62], Н.Н.Матвеева [68], В. Д. Метакса [69], А. М. Мухин [76], Э.Г.Раппопорт [84], Л.В.Рипинская [86].

Из работ, посвящённых исследованию общей теории категории посессивности и её реализации в английском языке, нам известны исследования американских и английских лингвистов W.S.Allen[110], В.Altenburg [111], I.Baron [113,114], E.V.Clark [118], W.W.Cook [119], R.Hawkins [126], R.W.Lanacker [132], J.A.Lander [133], J.Lyons [135], G.Seiler [140], R.Ultan [144].

Данная категория английского языка исследовалась также в сопоставительном плане с узбекским языком М.Т.Ирискуловым [45] и Д.Мусаевой [74], с русским - О. Н. Селивёрстовой [91] и О. Н. Исаевой [46], с аварским - М. А. Магомедовой [66], с азербайджанским языком - И. Х. Рустамовым [87].

По категории посессивности в русском языке написано несколько диссертационных работ и статей, которые приводятся в нашей библиографии. Как явствует из этого обзора, категория посессивности

получила достаточное общетеоретическое освещение. В английском языке также она исследована на должном уровне. Проводилось также сопоставительное изучение этой категории английского языка с некоторыми другими языками. Имеется ряд работ по категории посессивности в русском языке. Однако в таджикском языке нет ни одной работы, которая охватила бы все аспекты данной функционально–семантической категории посессивности. Отсутствует также специальная работа, посвященная сравнительно-сопоставительному исследованию функционально-семантической категории посессивности в таджикском и английском языках.

Таким образом, отсутствие специальной работы, посвященной функционально-семантической категории посессивности в таджикском языке, а также необходимость сопоставительной интерпретации данной категории английского и таджикского языков, вызываемой практическими целями перевода с английского языка на таджикский и преподавания английского языка в таджикской аудитории, обосновывают актуальность выбора темы нашего исследования.

Объектом исследования являются лексические, грамматические и синтаксические средства выражения категории посессивности.

Цель работы. Опираясь на общетеоретические положения и накопившиеся в англистике и русистике знания по функционально-семантическому полю посессивности, в сравнительно-сопоставительном плане исследовать данную категорию в английском и таджикском языках и тем самым заложить основу для дальнейшего подробного исследования категории посессивности в таджикском языке.

Для достижения данной цели в работе ставятся следующие задачи:

- охарактеризовать понятие посессивности и определить её виды;

- раскрыть особенности категории посессивности и определить средства её выражения в английском и таджикском языках;
- проанализировать непредикативные средства выражения посессивности в английском и таджикском языках и выявить их изоморфные и алломорфные свойства.
- изучить предикативные средства выражения категории посессивности в английском и таджикском языках и выявить черты сходства и различия в этой зоне данной категории;
- на фоне сопоставительного исследования представить языковую картину функционально-семантического поля посессивности в таджикском языке;

Научная новизна работы. Категория притяжательности изучена в свете теории поля. В связи с этим в таджикский язык вводятся новые термины и понятия, связанные с исследованием данной категории.

В таджикском языке обобщаются все известные способы выражения значения притяжательности и выявляются новые способы реализации категории посессивности.

Проводится сопоставительный анализ непредикативных средств выражения функционально-семантической категории посессивности, куда входят конструкции типа $N_1 \text{ of } N_2$, $N_1 + N_2$, $N_1 \text{ 's } N_2$, PP (Possessive pronoun)N, $N_1 \text{ with } N_2$ в английском языке и конструкции $N_1 \text{ 's } N_2$, N^{II} PP (Personal pronoun), N-ам, -ат, -аш, -амон, -ашон, N^{II} Reflexive pronoun (худ), N^{II} худ- ам, -ат, -аш, -амон, -ашон - в таджикском .

В английском языке выявлены новые типы посессивности: установленная посессивность, приобретенная посессивность, релятивная, или бенефикативная, посессивность. Эти виды посессивности охарактеризованы также на материале таджикского языка.

В таджикское языкознание введены понятия «предикативная посессивность» и «непредикативная посессивность». Конструкции, выражающие эти два типа посессивности в английском и таджикском языках, проанализированы в сравнительно-сопоставительном плане.

Выявлены сходные и отличительные свойства в сфере предикативных и непредикативных средств выражения посессивности в английском и таджикском языках.

Теоретическая основа исследования. В качестве теоретической базы для исследования функционально-семантической категории посессивности послужили работы А.В.Бондарко[19], И.Б.Долининой[38], Дж.Лайонса [60], О.Н.Селивёрстовой[91], К.Г.Чинчлей, И.Берона[105,113], Е.В.Кларка[118], Р.В.Ланакера[132], а также статьи, посвященные данной категории в сборнике «Категория бытия и обладания»[28,50, 64,89, 108].

Материалы исследования собраны из англоязычной и таджикоязычной художественной литературы, а также из публицистических источников. Для выявления эквивалентности на уровне посессивных конструкций английского и таджикского языков была использована переводная литература из английского языка на таджикский. Некоторые примеры английского языка были переведены автором диссертации, а также информантами, в качестве которых выступили кандидаты филологических наук М. И. Юсупова, М. Усманова, Р.А. Ибрагимова, владеющие обоими языками.

Метод исследования. В ходе работы мы использовали сравнительно-сопоставительный метод, были применены приёмы трансформационного метода, методы дистрибуции, а также метод моделирования. Английский язык выступал в качестве языка-эталона, так как данная категория здесь получила более подробное освещение. Материалы каждого из этих языков

проанализированы с точки зрения их системы и системы одного языка по отношению к другому.

На защиту выносятся следующие положения: Понятие посессивности в таджикском языке, также как и в английском, охватывает разноуровневые единицы и поэтому составляет функционально-семантическую категорию (ФСК).

Функционально – семантическая категория посессивности в обоих языках входит в разряд понятийных категорий, так как у неё имеется единая онтологическая основа.

Следует разграничивать три вида посессивности: установленная, приобретенная и релятивная посессивность. Эти три вида посессивности в сопоставляемых языках реализуются при помощи предикативных и непредикативных синтаксических конструкций. В таджикском языке кроме таких конструкций участвует особая словоформа с соответствующими морфемами притяжательности, которая отсутствует в английском языке.

Четыре типа непредикативных посессивных конструкций английского языка передаются в таджикский язык посредством четырёх синтаксических структур и одной морфологической единицы.

Предикативные посессивные конструкции в сопоставляемых языках передаются при помощи трёх облигаторных компонентов, состоящих из двух имён существительных и личной формы ряда глаголов обладания.

Наряду с посессивной семантикой между компонентами посессивных конструкций и с категориальным значением притяжательности проявляется ряд субкатегориальных значений, что зависит от семантического типа номинантов субъекта и объекта обладания.

Число предикативных и непредикативных посессивных конструкций в таджикском языке значительно больше, чем в английском.

В структурном плане между посессивными конструкциями английского и таджикского языков обнаруживается больше различий, а в содержательном плане наблюдается почти полное сходство, так как у этой категории имеется единая понятийная и онтологическая основа.

Теоретическая значимость работы. Данное исследование несколько расширяет понятие посессивности в языке. Оно обогащает наше типологическое языкознание. Полученные результаты в сфере таджикского языка можно использовать при написании новой научной грамматики современного таджикского языка.

Практическая значимость исследования. Результаты нашего исследования можно применить в практике перевода с таджикского языка на английский и, наоборот, в процессе обучения таджиков английскому языку, как в средней, так и в высшей школе нашей республики. Ими могут пользоваться студенты и магистранты высших школ при написании своих курсовых, выпускных и дипломных работ. Наши выкладки могут быть использованы при чтении теоретического курса «Сопоставительная грамматика английского и таджикского языков».

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования представлены на традиционных научных конференциях преподавателей и ученых факультета иностранных языков ХГУ имени академика Б. Гафурова в 2015 и 2016 годах, а также на теоретическом семинаре общеуниверситетской кафедры иностранных языков ХГУ имени академика Б. Гафурова.

По теме диссертации опубликовано 5 статей, три из которых напечатаны в научных журналах, зарегистрированных ВАК - ом Российской Федерации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, одной теоретической главы и двух исследовательских глав, заключения,

библиографии и списка источников иллюстративного материала. Во введении обосновывается актуальность выбора темы исследования, определяются цель и задачи, отмечается научная новизна работы, перечисляются положения, выносимые на защиту, указываются методы исследования, определяются теоретическая и практическая значимость.

В первой главе рассматриваются теоретические аспекты категории посессивности.

Вторая глава посвящена сопоставительной интерпретации непредикативных средств выражения ФСК посессивности.

В третьей главе на основе сопоставительного анализа предикативных конструкций английского и таджикского языков выявляются изоморфные и алломорфные свойства посессивных конструкций этих языков.

В заключении подводятся итоги исследования.

Библиография включает 145 наименований научной литературы на русском, английском и таджикском языках.

Список источников иллюстративного материала состоит из 50 наименований литературы из произведений английских и таджикских авторов. Здесь имеется также и переводная литература.

Глава 1. Теоретические аспекты функционально-семантической категории посессивности

(на материале таджикского и английского языков)

В мире существуют различные предметы и явления, которые составляют его материальные компоненты, включая человека. Между элементами материального мира возникают различные типы отношений, проявляющиеся в форме действий, состояний и процессов. Человек как активная и сознательная часть материи посредством собственных органов чувств отражает в своём сознании существенные признаки и свойства предметов, явлений, процессов, с которыми он сталкивается. В результате, в его сознании образуются понятия и представления о них. Этот процесс составляет понятийную онтологию категорий экзистенциальности, которая считается категорией первого порядка. В неё включаются объекты телесной и нетелесной природы. Понятие бытия в духовном мире индивида занимает центральную позицию. Разграничиваются реальное бытие и идеальное существование. В частности, понятия типа «сулҳ - peace», «дӯстӣ - friendship» указывают на идеальное бытие, а слова типа «apple - себ», «girl – духтар» называют реальное бытие. Они образуют диалектическое единство противоположностей.

Философская категория бытия, будучи объёмным в концептуальном плане, в содержательном и мыслительном ракурсе отражается в разноуровневых единицах языков мира. Поэтому она входит в разряд функционально – семантических категорий языка и находит своё выражение, прежде всего, при помощи глагола «будан (ҳаст)» в таджикском и оборота «there +to be» в английском языке: Дар ин деҳа 211 ҳавлӣ ҳаст – There are 211 houses in this village. Дар долон танҳо як тиреза буд - There was only one window in the corridor (153, 57).

Наряду с понятием бытия в социальной философии известно также понятие обладания, которое вслед за идеей бытия составляет категорию второго порядка, так как обладанию предшествует бытие, о чем свидетельствуют слова трёх германистов – М.Герслунда, И.Берона, Ф. Соренсона, которые утверждают, что «понятие посессивности берет своё начало в понятии существования, которое является первичным по отношению к понятию посессивности» [128,12]. Поэтому понятия «быть» и «иметь» представляют собой два диаметрально противоположных явления смысла жизни человека. «Быть» - это значит реализовать для себя такую программу жизнедеятельности, которая бы отвечала духовным потребностям человека, его истинной сути. «Иметь» - это, с одной стороны, то, чем и в каком количестве я обладаю, а с другой стороны, то, как принадлежащие мне вещи обладают мной[59,135-136]. Следовательно, обладание находится в тесной связи с понятием бытия предметами материальной, духовной собственности, а также с идеей принадлежности одного предмета другому предмету. Например: дили ман - my heart, падари онхо – their father (предметы неотторжимой собственности). Ё автомашинаи нав дорад. – He has a new car. Сорес пули бисёр дорад.- Sores has got much money. (предметы материальной собственности). Дониши мо – our knowledge, бахти волидайн – the relatives happiness (предметы духовной собственности); решаи ин дарахт – the root of this tree, девори хона – the wall of the house (принадлежность одного предмета другому предмету). Кроме того, посессивность может покрывать релятивные отношения между предметами: шахри ман – my city, муаллими мо – our teacher.

1.1 О понятии посессивности и её видах

(на материале таджикского и английского языков)

Как известно, термин «посессивность» охватывает широкий спектр вопросов, связанных с понятием обладания, принадлежности, отнесенности и т.д.

Опираясь на взгляды ряда ученых, М.Ю.Сюткина детализирует участки концептуальной сферы категории посессивности и включает сюда ряд субкатегорий:

- 1) собственно владение - обладание материальными объектами, каким-либо конкретным видом собственности. Эта разновидность обладания основывается на отношении отчуждаемой принадлежности;
- 2) обладание частями и органами тела;
- 3) обладание психическими, физическими, эмоциональными свойствами и качествами, т.е. всем тем, что характеризует человека как физическую и психическую личность. Данная разновидность обладания характеризуется отношением неотчуждаемой принадлежности;
- 4) обладание семейно-родственными, социальными, функциональными и другими отношениями, характеризующими «личную сферу» человека.

Собственно обладание (материальное обладание) подразделяется, в свою очередь, на обладание собственника и обладание несобственника. Обладание собственника предполагает, что обладатель имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться обладаемым в пределах, установленных законом. Обладание несобственника предполагает, что, хотя он и имеет, пользуется и передаёт предмет другому лицу, он не имеет права распоряжаться этим предметом [96,56]

Из этих высказываний вытекает, что данная категория сугубо связана с понятием лица, т.е. некое лицо - субъект обладает каким-либо предметом или предметами, которые могут быть и одушевленными, и неодушевленными. Например: Ин духтар падари дорд – This girl has a rich father. Падараш корхонаҳои зиёде дорд – Her father has a lot of enterprises. Ҷ бозувони пурқувват дорд - He has strong arms.

Увязывание категории посессивности с категорией лица ассоциируется, очевидно, с точкой зрения А. Мейе о том, что появление глагола «иметь» связано с возникновением частной собственности [96,54]. С этой идеей никак нельзя согласиться, так как, по справедливому замечанию профессора В.Г. Гака, «трудно судить, вызвано ли к жизни понятие собственности / имущественности глаголом «иметь», но несомненно, что до него существовало понятие принадлежности, обладания, которое распространялось, если не на имущество, то на иные объекты, связанные с человеком (члены семьи, части тела, чувства) [96,54]. Понятие посессивности следует интерпретировать более широко, увязывая её с понятием нелиц. Человеческое сознание отражает реальный мир через субъективную призму своих органов чувств. При этом десигнатом такого отражения может быть принадлежность чего-либо или кого-либо кому-либо или же чему-либо, хотя эти два типа отношений не совсем идентичны, так как в первом случае за посессором закреплено особое право, а во втором - такое право отсутствует у обладателя. Тем не менее, и в случае принадлежности предмета лицу, и при его отнесенности к объекту – нелицу подразумевается идея обладания. В частности, в образованиях типа «the leg of the boy – поий писарбача», «the leg of the dog – поий саг», «the leg of the table – поий миз» выражено понятие принадлежности объекта (leg – поий, поий) и лицу, и животному, и неодушевленному предмету. Об этом дополнительно сообщает тот случай, когда субъектом обладания выступает неодушевленный предмет, а объектом обладания является лицо. Например: the workers of the plant - коргарони завод, the inhabitants of the city - сокинони шахр. Возможен также вариант “The plant has many workers” - Ин завод коргарони зиёд дорад. Исходя из этого, мы рассматриваем категорию посессивности в широком её понимании и вслед за Г. Зейлером под посессивностью понимаем отношения между двумя субстанциями [140,62]. Поскольку отношения между двумя субстанциями могут быть не только посессивными, мы, в отличие от Г. Зейлера, в понятие посессивности включаем только те отношения, которые выражают идею

вовлечения одного предмета (нескольких предметов) в распоряжение (власть) другого предмета или совместное существование двух субстанций в более или менее тесной связи и взаимоотношениях.

Понятие отторжимости (неотторжимости) также увязывается с принадлежностью предмета человеку, что зависит от возможности или невозможности отторжения части от целого. Например: меъдаи ин духтар – the stomach of the girl, бинии писарбача – the boy's nose (неотторжимая принадлежность); the girl's shoes – пойафзоли духтар, the boy's books – китобҳои ин писарбача (отторжимая принадлежность).

Следует отметить, что понятие отторжимости/неотторжимости применимо также и к нелицу, даже и к неодушевленным существам. Например: аккоси саг – the dog's barking, шиками шер – the lion's stomach, девори хона – the wall of the house, решаҳои дарахт – the roots of the tree, нури офтоб – the rays of the sun. В этих примерах мысленно и реально невозможно отторгнуть (отчуждать) часть от целого, так как это становится причиной расформирования или уничтожения обладателя. Поэтому существование субъекта обладания непрерывно связано с существованием объекта обладания. В случае утраты обладаемого обладатель перестаёт быть тождественным самому себе и вне связи с объектом неммыслителя[47,194]. Если же взять понятие отторжимости/неотторжимости в плане его выражения языковыми средствами, то в исследуемых нами языках (английском и таджикском) оно никакой роли не играет, так как нет в этих языках специальных средств для выражения значений отчуждаемой /неотчуждаемой посессивности. Поэтому нам представляется, что нецелесообразно разграничивать отчуждаемую/неотчуждаемую посессивность. Англисты Pith (1971), Wierbick(1979), Seiler(1983) [125,175] также подвергли критике идею выделения данного типа посессивности. Сторонники взгляда о функционировании отчуждаемой/неотчуждаемой посессивности могут возразить нам, приводя примеры типа “She has a nose –

Ў бинӣ дорад”, которые являются неприемлемыми с логической точки зрения ввиду употребления здесь существительного «nose - бинӣ» с глаголом «has - дорад» для выражения неотчуждаемой посессивности, тогда как высказывание «She has a car - Ў автомашина дорад» является логичным. Нелогичность высказываний первого типа не связана с понятием неотторжимой/неотчуждаемой посессивности. Здесь действует другой фактор, связанный с актуальным членением предложения. Дело в том, что при предикативной посессивности, выражаемой глаголом «to have - доштан», объект обладания входит в рему высказывания. В предложениях типа «The woman has a nose – Ин зан бинӣ дорад» слово «nose - бинӣ» никак нельзя отнести в разряд ремы высказывания, так как общеизвестно, что у каждого человека, и в том числе у женщины. Поэтому такое обладание имеет вневременной характер. Следовательно, данное высказывание является семантически ущербным. Но, если сказать «The woman has a long nose – Ин зан бинии дароз дорад», высказывание считается логически правильным, так как здесь «long» выступает в качестве ремы высказывания. Это даёт нам основание прийти к заключению о том, что дифференциация отчуждаемой/неотчуждаемой посессивности связана с онтолого-логическими факторами, но ввиду отсутствия специальных средств для их выражения в языке она не играет никакой роли в лингвистическом плане.

В онтологическом ракурсе мы считаем целесообразным говорить о трёх видах принадлежности: 1) установленная посессивность (сохибияти бунёдӣ), 2) приобретенная посессивность (сохибияти дастовардӣ), 3) релятивная посессивность (сохибияти нисбӣ).

Следует отметить, что термин «установленная посессивность (inherited vs established possession)» введен в обиход Г.Зейлером [140,91]. Однако её суть не совсем понятна. Иногда под этим термином понимается различие между предикативным и атрибутивным способом выражения посессивного отношения, а в другом случае он в содержание этого термина

включает степень близости посессивного отношения, которое, по его мнению, является более далеким и менее интимным, а при неотъемлемой посессивности такое отношение представляется более интимным и тесным. В своей работе мы предлагаем другую интерпретацию термина «установленная посессивность».

Под «установленной посессивностью» мы понимаем такой объект обладания, который изначально закреплен за субъектом. Например: a cat's eyes – чашмони гурба, a child's head – сари кӯдак, trunk of a tree – танай дарахт, a bear's teeth – дандонҳои хирс, wave of a river – мавҷи дарё, the poet's mother – модари ин шоир, the sun's rays – нурҳои офтоб и т. д. Как видно из примеров, такой вид посессивности характерен как для одушевленных, так и неодушевленных субстанций.

Приобретенная посессивность связана с таким объектом, который добывается субъектом вольно или невольно в процессе его бытия. Ситуации приобретения объекта могут быть разнообразными: аренда, учёба, купля, выигрыш, дарение, наследство, авторство, находка, любовь, труд, уход, поездка, путешествие, избирание, назначение и др. Например: He has got deep knowledge – Ў дониши чуқур дорад. Здесь знание приобретено в результате учёбы. Now the boy has a new bicycle – Ҳоло писарбача дучархаи нав дорад. В этом предложении факт обладания велосипедом связан с актом дарения этого объекта кем-то. All of a sudden this student owned 200000 somonis – Ин донишчӯ якбора соҳиби дусад ҳазор сомони гардид. В данном случае обладание большими деньгами связано, очевидно, с выигрышем. Dilbar has a happy family – Дилбар оилаи хушбахт дорад. Здесь счастье семьи Дилбар зависит, по всей вероятности, от личных и уважительных отношений в семье.

Данный тип посессивности можно выражать при помощи непредикативных конструкций: асарҳои С. Айнӣ – S. Aini's works (ситуация авторства); ҷаҳонбинии ин мард – this man's outlook (ситуации учебы и

путешествий); сардори корхона – the head of the workshop (ситуация назначения или избирания); гулҳои ин дарахт – flowers of the tree (ситуация ухода за деревом).

В некоторых источниках, в частности в диссертационной работе И.В. Тропиновой, слова to receive – гирифтан, to take – гирифтан, to accept – кабул кардан, to cover – фаро гирифтан, to occur – ишғол кардан, to gain – ба даст овардан, to urn – ба даст овардан, to get – гирифтан, to buy – харидан, to collect – гирд овардан и несколько других включены в разряд посессивных глаголов [99,18], с чем никак нельзя согласиться. Эти глаголы входят в разряд таких процессуальных лексем, которые не выражают понятие обладания, принадлежности. Они указывают на различные способы приобретения объекта, а не на обладание. Глаголы обладания входят в группу статичных единиц, т.е. они не обозначают действие и процесс. А вышеуказанные глаголы, включенные И.В. Тропиновой в класс посессивных глаголов, выражают процесс, действие. Они не связаны непосредственно с понятием обладания и играют промежуточную роль как способ приобретения какого-нибудь объекта или объектов. Недаром Л.И. Подольская назвала свою диссертацию «Семантико – синтаксические свойства глаголов обладания и приобретения». Она правильно пишет, что глаголы со значением приобретения передают идею возникновения отношения обладания. Это отношение может появляться благодаря усилиям приобретения (в нашем понимании «вольно» - Ш.С.) и независимо от него (в нашей трактовке «невольно». – Ш.С.) В первом случае глагол обозначает преднамеренное действие, во втором – непреднамеренное. [83,85].

Объект обладания может носить временной и невременной характер. В частности, в предложениях типа «She has a good memory» (185, 527) - «Ў хотираи хуб дорад» (*наш перевод*), «Jiraffes have long necks (ibid)» - Зарофаҳо гардани дароз доранд» (*наш перевод*) объекты обладания «memory - хотира»

и «necks - гардан» обозначают невременные предметы. А в примерах «She (the steamboat) had some forty passengers on board (175, 118)– «Киштии буғй дар сахни худ тахминан чил мусофир дошт» (*наш перевод*), «You've got a cut in your chin(175, 572).- Дар манахатон шумо захм (чои буридагй) доред» (*наш перевод*) сообщается о двух объектах обладания, которые носят временную направленность. В первом примере говорится об обладании в определенное время в прошлом. А во втором примере речь идёт об обладании в момент речи.

Вслед за Подольской под невременным обладанием понимаем такое отношение между двумя субстанциями, когда объект находится в относительно длительном или постоянном владении субъекта и является его собственностью (в узком и широком понимании). А временное обладание обозначает такое отношение между субъектом и объектом, когда объект находится у субъекта в определённый момент времени и поэтому принадлежность этого объекта субъекту имеет случайный характер, и между ними существует временная связь [83,25].

В сфере категории посессивности определенную роль играет также фактор пространства. Для подтверждения этой мысли приводим следующие два примера: 1) This woman has two children – Ин зан ду кўдак дорад(перевод информантов). 2) This woman has a child in her arms- Ин зан дар дастонаш кўдаке дорад (перевод информантов).

В первом примере речь идёт о наличии двух собственных детей у данной женщины. А во втором примере имеется другой смысл: на руках у женщины есть ребёнок, который может принадлежать или не принадлежать ей. Такая неопределённость предмета обладания связана с наличием обстоятельства места в структуре второго предложения, чего нет в первом примере.

В следующем примере из таджикского языка также добавление локального сирконстанта становится причиной изменения смысла высказывания:

Рахим хочет занять деньги у своего друга Карима и спрашивает: - Пул дорӣ?

- Дорам....., дар бонк.

Как видно, в случае отсутствия обстоятельства места «дар бонк» Рахим сказал бы: «Ба ман 10 сомонӣ қарз деҳ». Так как Карим употребил оборот «дар бонк», Рахим не продолжит разговор, т.е. не попросит денег у Карима, поэтому пространство относится к наиболее архаичному субстракту посессивности. Отношение между этими двумя понятиями вытекает из того, что процесс притяжения подразумевает включение объекта обладания в сферу обладания. Это дало основание Дж. Лайонзу рассматривать посессивность как локализованное бытие, в таком понимании посессор трактуется как локализатор [135,390]. В современных языках отношения посессивности и локативности находятся в постоянном взаимодействии. Они взаимозаменяют друг друга, могут переливаться друг в друга.

Кроме установленной и приобретенной посессивности мы разграничиваем, и третий тип посессивности и называем её релятивной посессивностью. Здесь значение посессивности не сводится к понятию владения, обладания каким-то объектом, т.е. в данном случае X не выступает посессором какого-то предмета, на него не распространяется его власть. Этот объект не является составной частью X-а. Более того, он (объект) не носит установленный характер и не приобретает субъектом.

Суть этой посессивности заключается в том, что две субстанции находятся в определенных двусторонних отношениях, которые носят временный характер. В частности, в образованиях типа « муаллими ман – ту

teacher, ватани мо - our country, шоири дўстдоштаи ту - your favorite poet, дўсти вай - his friend, сокини шаҳр-the inhabitant of the city, офтоби сахарӣ-morning sun, гардиши пул - circulation of money» и т.д. денотаты имён существительных «учитель», «страна», «поэт», «друг», «город», «утро», «движение» ничьей собственностью не являются и таковыми быть не могут. Между вышеуказанными парами субстанций существуют определенные взаимоотношения. Например: учитель учит, а ученик учится; страна приютит нас, мы участвуем в жизни страны; поэт пишет хорошие стихи, и они мне нравятся, и я читаю их; деньги двигаются, и эти движения увеличивают их сумму. Следовательно, каждая из сторон извлекает определенную материальную или идеальную выгоду в результате такого взаимоотношения. Поэтому такую посессивность можно назвать также бенификативной.

Следует отметить, что, согласно О.Н. Селиверстовой, посессивное значение не сводится только к понятию обладания. Поэтому она разграничивает основные и периферийные посессивные отношения [91,239].

Мы относим данный тип посессивности к разряду периферийных. При периферийной посессивности нельзя сказать вместо «муаллими ман – муаллими Собиров», вместо «Ватани мо – Ватани падару писар», вместо «Шоирони мо – шоирони Аҳмаду Самад», вместо «шаҳри ман – шаҳри хоҳарам», вместо «morning sun – the sun of the morning», вместо «Summer vacation – Vacation of the summer» и т.д.

Таким образом, с логико-онтологической точки зрения следует дифференцировать три вида посессивности: установленная, приобретенная, релятивная. Установленная посессивность может быть отторжимой и неотторжимой, а приобретенная посессивность предполагает отторжимую принадлежность. Релятивная же посессивность исключает понятие отторжимости и неотторжимости, так как она основывается на условных взаимоотношениях двух субстанций.

2.1. Об особенностях категории посессивности и средствах её выражения в таджикском и английском языках

Категория посессивности относится к одному из важных направлений современной лингвистической науки, которое занимается системным исследованием средств и способов выражения семантических категорий на всех уровнях языка. Она играет важную роль в процессе проникновения в природу человеческого сознания и всего общества, так как концепт обладания носит общечеловеческий характер, ибо у любого индивида есть имущество, он характеризуется особым свойством и качествами и находится в родственных отношениях с некоторыми другими индивидами, у него имеются свои знания, свой кругозор и мысли и т.д. Это значит, что повседневную жизнь человека пронизывают посессивные отношения. Универсальность отношений обладания / принадлежности и их социальная значимость говорят об охвате данной категорией широкого круга проблем о принадлежности предметов и материальных средств индивиду, индивиду - некоторому сообществу, творения - его автору, а также восприятия индивида через призму того, чем он обладает.

Исходя из этого, не вызывает никаких сомнений универсальный статус этой категории, хотя отдельные лингвисты либо сомневаются, либо отрицают такой её статус, мотивируя тем, что в отдельных языках мира отсутствуют лексические средства её выражения, т.е. глагол типа “to have-доштан”. Упомянув о возникновении дискуссий на XI конгрессе лингвистов по этому поводу, А.В. Короткова совершенно верно отмечает, что подобные разногласия, очевидно, сводятся к тому, что понимается при этом под категорией посессивности - категория мышления (понятийная категория) или категория языка. Если связывать данную категорию с лексическими способами её выражения при помощи лексем типа «иметь» (to have-доштан), то речь будет идти о языковой категории. Если исходить из такого её понимания, то нельзя говорить об универсальности данной категории. Но не

надо забывать о том, что значение посессивности находит свою реализацию не только посредством глагола «иметь».

Как отмечает К.Г.Чинчлей, лингвистические средства, обычно соотносимые с понятием посессивности, крайне гетерогенны [103,7]. Если же эту категорию понимать в широком её понимании как категорию мышления, то посессивность представляет собой не только универсальное явление, но занимает одно из ведущих мест среди когнитивных категорий, так как это позволяет увязывать её с языковым сознанием определенного социума. Это говорит о том, что она находит своё место в любом языке. Поэтому С.Н. Цейтлин говорит о ключевой роли данной категории в грамматической системе языка [102,202].

В науке о языке ученые применяли разнообразные подходы к исследованию сферы посессивности. В частности, М.В. Милованова[68], Е.Ф. Нечаева [77] и др. изучили эту тему в лингвокультурологическом плане. Когнитивный подход был применен М.Херсландом [128], Р. Ланакером [132], И. Бероном,[113] Х. Зейлером[140], Е.В. Рахилиной [85], А.В. Бондарко[19], И.Б.Долининой [38]. С.А. Лутин [63], А. Мустайоки[75], К.Г.Чинчлей[104] и др. изучили этот вопрос в ракурсе функционально-коммуникативного явления. Н.Д.Арутюнова [8], О.Н.Селиверстова [91], Е.В. Падучева[81], С.Н. Цейтлин[102], Н.А.Васильченко[24] и др. применяли семантический подход при интерпретации категории посессивности. А.В. Короткова предприняла попытку изучить данную категорию с точки зрения её выражения в сложном синтаксическом целом [55,4].

Лингвокультурологический подход направлен на описание языковой картины мира с точки зрения посессивных отношений, и такое направление исследования даёт возможность раскрыть новые особенности тех или иных национальных картин, и помогает определить особенности национального сознания.

При применении когнитивного подхода, согласно А.В.Коротковой, создаются различные когнитивные модели, описывающие концептосферу посессивности, в которых вариативные оттенки посессивного значения организованы в виде фрейма, набора схем и др. [55,4].

При полевом подходе происходит процесс соотнесения средств выражения посессивности с ядром и периферией соответствующего значения. Именно такой подход применяется в нашей работе. Поскольку наше исследование носит типологический характер, особый интерес в нем представляет выявление средств и способов реализации посессивной семантики в таджикском и английском языках в сравнительно-сопоставительном плане.

Следует отметить, что в английском языке категория посессивности широко исследована в плане теории поля, так как выражаемые средства относятся к сфере и морфологии, и лексики, и синтаксиса или даже с точки зрения сложного синтаксического целого. В процессе изучения поля посессивности в указанных языках мы опираемся на идеи А.В.Бондарко о понятии функционально-семантического поля (ФСП), который предлагает систему разноуровневых средств того или иного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных лексико - синтаксических и т.д.), объединённых на основе общности и взаимодействия их семантических функций [18,36]. Следует отметить, что ФСК является двусторонним явлением, т.е. у неё имеются формы и содержание, выражаемые конкретными языковыми средствами, обладающими своей структурой и семантикой. У каждой ФСК есть своя основа, предполагающая определенную семантическую категорию, инварианты которой объединяют разноуровневые средства языка, которые взаимодействуют друг с другом.

Понятие ФСК связано с идеей группировки и моделирования системы разноуровневых, структурно разнородных языковых средств. Функционально-семантическая категория связывается с условным представлением о некотором пространстве, в котором имеется ряд ядерных и периферийных компонентов поля. В составе этого поля обнаруживаются точки пересечения с другими полями, т.е. в определенной модели отражаются семантические элементы других полей. В частности с полем посессивности пересекается поле локативности.

Как отмечает А.В. Бондарко, задача лингвиста заключается в том, чтобы определить структуру ФСП, т.е. установить его центральные и периферийные компоненты, связи между ними, их пересечение с другими полями. При решении этой задачи мы имеем дело не с абстрактной схемой семантических признаков, а с некоторой совокупностью двусторонних средств данного языка и определяем, есть ли в данной области разнородных языковых средств, системность и в чем она проявляется [18, 53]. Следуя этим высказываниям профессора А.В. Бондарко, в ходе работы мы предпримем попытку выявить центр и периферию ФСК посессивности в таджикском языке и связи между ними, так как данная проблема вовсе не исследована в нашем родном языке. А в англистике существуют разные точки зрения относительно компонентов поля посессивности, и поэтому приложим усилия для выбора из существующих взглядов наиболее адекватной и приемлемой теории, которая будет способствовать выявлению изоморфизма и алломорфизма в этой сфере сопоставляемых языков.

В соответствующих источниках по категории посессивности встречаются две интерпретации понятия посессивности:

1. Узкое его понимание. В частности, Р.Хокинс сводит посессивность к понятию владения, собственности, т.е. собственно посессивным признаются только такие случаи, когда некий объект является действительно

собственностью какого-либо субъекта. По Р.Хокинсу “John’s chair” обозначает, что стул является имуществом Джона [126,250].

2. Широкое его понимание, согласно которому под термином посессивности понимается отношение обладания, владения. Содержание этого отношения О.Н. Селиверстова сформулировала приблизительно так: «сфера посессивности X-а – это не то, на что распространяется «личность» X-а. Иными словами, это то, что попадает под временную или постоянную власть X-а (юридическую, физическую, нравственную, духовную), а с другой стороны, то, что несет в себе элемент самого X-а, причем этот элемент неотделим от X-а[91,180].

В определении О.Н.Селиверстовой, да и в других определениях понятия посессивности не учитывается содержание отношения между двумя субстанциями в примерах типа «устоди ман – my master- мой учитель, шахри ман – my city –мой город» и др. Такие атрибутивные сочетания не выражают ни значения конкретного владения, ни значения принадлежности, ни родственных отношений, ни отношения части и целого. Здесь чувствуются социальные отношения между двумя предметами, которые находятся в определенных взаимоотношениях. Суть этого отношения заключается в том, что каждая из сторон имеет выгоду из этого взаимоотношения. В частности, в случае «мой учитель» я приобретаю определенные навыки в процессе моего обучения учителем, а другая сторона (учитель) зарабатывает деньги. В примере «мой город» город даёт мне возможность жить в нем, а я в определенной степени участвую в жизни города. Это значит, что при таком типе посессивности обе стороны отношения извлекают выгоду друг от друга. Они являются взаимозависимыми. Поэтому в таких случаях следует говорить о релятивной или бенефкативной посессивности.

Отсюда следует, права Й.Й. Григалюнене, которая думает, что «в основе понятия посессивности, по-видимому, лежит некоторое

представление либо о вовлечении чего-то другого во власть посессора, либо о «распространении» посессора на что-то другое» [35,22] Нам представляется, что под «распространением» следует понимать вступление отдельного субъекта в какие-то отношения с некоторым самостоятельным объектом, в результате чего возникает определенная связь между ними, суть которой заключается в реальной или условной отнесенности второго первому. Это говорит о том, что посессивность предполагает отношение между двумя предметами материального мира. Такое отношение может носить либо однонаправленный, либо двунаправленный характер. В образованиях типа «мои мысли», «мой дом» отношения носят однонаправленный характер. Но в примерах типа «моё счастье», «мой сосед», «мой друг» и т.д. обнаруживается двунаправленное отношение, так как моё счастье зависит не только от меня, но также и от других лиц, условий и факторов. Мой сосед обозначает не только моё близкое расположение с кем-либо, но и близкое нахождение кого-то со мной. Мой друг значит, что кто-то находится со мной в хороших отношениях и я, в свою очередь, проявляю дружелюбие в отношении к нему. Именно такой тип отношения входит в релятивную посессивность.

К посессивным относятся и некоторые другие типы отношений. Если сказать «father's health – саломатии падар», то здесь выражено отношение между предметом и его свойством, которое неотделимо от посессора (отца), так как здоровье – это составная часть индивида. В словосочетании «My life in America – Хаёти дар Америка гузарондаам» между посессором и его жизнью имеется локативное и темпоральное отношение, так как посессор (I – му, ман) провел некоторый отрезок своей жизни в Америке.

Посессивные конструкции могут также выражать отношение посессора к его психическим потенциям: тафаккури духтар – the girl's mind, фикри ман -my thought.

Между посессором и предметом обладания может обнаруживаться отношение части и целого: дили шоир – the poet's heart, танаи дарахт – the trunk of the tree.

В образовании «the child's punishment –танбехи кўдак» имеется объектное отношение, т.е. smb. punished the child – касе кўдакро танбех додааст. Наоборот, в примере «баргашти хоҳар - the sister's arrival» обнаруживается субъектное отношение, т.е. the sister arrived.

В работах О.Н. Селиверстовой [91], Й.Й.Григалюнене[35], Г.Зайлера [140], О.Н.Исаевой[46], Е.М.Вольф [28], Г.Чинчлей [103], И.М.Сушковой [95], И.В.Тропиновой [99] и др. говорится о некоторых других типах отношений, выражаемых категорией посессивности. О них будет идти речь в последующих двух главах нашей работы.

В лингвистической литературе [91,186] относительно роли средств выражения категории посессивности ставится вопрос о том, связано ли проявление вышеуказанных посессивных отношений с семантикой слова, обозначающего объект обладания, или же с контекстом, посессивными конструкциями. Нам представляется, что здесь альтернативный подход неуместен. В одних случаях ведущую роль в выражении определенного типа отношения играет семантика слова, входящего в посессивную модель. Например, mother's ear-ring-гўшвори модар - логично, но father's ear-ring нелогично. Или же He has a cat at home – Ў дар хона гурба дорад – логично, но He has a river at home – Ў дар хона дарё дорад – нелогично. А в других случаях необходимое семантическое отношение большей частью привносится посессивной моделью. Например, the leg of the table –пояи мизверно, но the table's leg – мизи поя – недопустимо. В отдельных случаях то или иное посессивное семантическое отношение проявляется благодаря контексту. «She has a mole on the forehead – Ў дар пешонааш хол дорад» –

верно, но «She has a mole on the toe – nail – Ў дар нохуни пояш хол дорад» – неверно.

В различных языках мира в выражении категории посессивности участвуют, главным образом, два ряда языковых средств: 1) предикативные способы выражения; 2) непредикативные способы выражения или атрибутивные посессивные конструкции. Следовательно, функционально-семантическая категория посессивности зиждется на основе участия двух типов структур в его реализации.

К предикативным структурам относятся такие синтаксические образования, для которых характерна категория предикативности, выражающая отношение содержания высказывания к определенному лицу, времени и модальности. Под компонентом «лица» понимается то, что в любом высказывании говорится о действии или состоянии того или иного лица и предмета: He (Millicent) had on the whole an easy task (195,214). Дар маҷмӯъ ё вазифаи осон дошт (*перевод информантов*). Гӯсфанди харидааш тахминан ду пуд гӯшту равған дошт (155,231) -The sheep bought by him contained about two poods(32 rillograms) of meat and suet (*перевод информантов*). В этих высказываниях сообщается о Миллисенте и о баране. Следовательно, в этих предложениях компонент лица предикативности выражается существительными He (Mellicent) и Гӯсфанд (sheep).

Под компонентом времени понимается то, что в любом высказывании сообщается о каком-то действии или состоянии, которое происходило в определенное время: «Ба назарам, шумо имтиҳон дорад» (155,322) – To my mind, you have exam (*перевод информантов*). This house has three bedrooms (185, 572) - Ин ҳавлӣ се ҳуҷраи хоб дорад. В этих предложениях сообщаемые факты (наличие экзамена и спальни) относятся к сфере настоящего времени, тогда как в предыдущих примерах факты обладания «заданием, мясом и жиром» относились к сфере прошедшего времени. В

последних двух примерах компонент времени предикативности находит свою реализацию формами времени глаголов «have» и «доштан».

Компонент модальности категории посессивности связан с реальностью или нереальностью выражаемой идеи обладания, владения. Например, в предложении «Писари ман ҳамин хел соат дорад» (155,237) говорится о реальном факте обладания такими часами сыном говорящего. Но в предложении «..... агар мабодо сафарашон ба Арабистон таъхир ёбад, барои харчи майда маблаге дошта бошем»(155,129) образование «маблаге дошта бошем» обозначает нереальный факт обладания. Как видно, аспект модальности категории предикативности выражается формами наклонения глаголов-сказуемых. Кроме того, модальность может выражаться также и модальными словами типа «мабодо», «шояд», «эхтимол» и т.д.

Словом, под термином «предикативные структуры выражения посессивности» понимается предложение, которому обязательно свойственна предикативность, но не любое предложение, а предложение, где сказуемое выражается либо при помощи глагола «to have» в английском и «доштан» в таджикском языке, либо его синонимами типа «to own- соҳиб будан», «to belong –тааллуқ доштан», «to possess –доро будан, доштан», и др.

Некоторые другие языки значение «обладание», «владение» реализуют при помощи глагола «to be - быть». В частности, в русском языке говорят: «У меня есть дом», «У неё была хорошая должность».

Следовательно, в плане выражения категории посессивности предикативными конструкциями языка мира делят на две группы: 1) have – языки, 2) Be – языки [131(a)]. Английский и таджикские языки относятся к группе «have - языков», а русский язык входит в группу «Be-языков»[131(a),43-47] Ср.: I haven't had a card (195,239) - Ман барнома надоштам.- У меня не было программы (*перевод информантов*). I told Fotima

that I had a wife and six children in England (190, 275). - Ман ба Фотима гуфтам, ки дар Инглистон зан ва шаш фарзанд дорам.- Я сказал Фотиме, что в Англии у меня есть жена и шестеро детей (*перевод информантов*). Как видно из этих примеров, для выражения значения обладания английский и таджикский языки использовали эквивалентный глагол «to have - доштан», тогда как в русском переводе этих предложений вместо глагола «иметь» употреблен глагол «быть» в формах «было» и «есть».

В английском и таджикском языках в подобных посессивных конструкциях участвуют субъект обладания, объект обладания и понятие обладания. Разница между языками заключается только в том, что объект обладания в английском языке занимает третью позицию, тогда как в таджикском языке он стоит на втором месте: She has a good memory. (185,572)- Ў хотираи хуб дорад (*перевод информантов*).

Другим наиболее распространенным средством выражения категории посессивности в языках мира считаются атрибутивные конструкции (К.Рустамов [87], К.Г. Чинчлей [105], И.М.Сушкова[95], И.В.Тропинова [93], О.Н.Селиверстова[91], О.Н.Исаева[46], П.В.Гращекнов [33], М.Ю. Сюткина [96], М.А. Магомедова[66], М.В.Милованова [68]и др). В состав таких конструкций в английском языке входят образования следующего типа:

1) сочетание связанной формы притяжательного местоимения английского языка с одушевленными и неодушевленными существительными в обеих числовых формах. Такая конструкция соответствует в таджикском языке четырём конструкциям, в которых вопреки английскому языку номинант обладателя располагается в конце конструкции: My hand – дасти ман, дастам, дасти худ, дасти худам; His friend – дўсти ӯ, дўсташ, дўсти худ, дўсти худаш; Your thought – фикри ту, фикрат, фикри худ, фикри худаш; It's light - равшании он, равшанияш, равшании худ, равшании худаш;

2) комбинация двух имен существительных, связываемых при помощи морфемы –‘s. Первый компонент обычно обозначает одушевленный предмет. В таджикском языке такая конструкция передаётся соединением двух имен существительных при помощи изафета **-и**. При этом в таджикском языке вопреки английскому языку номинант обладателя стоит в постпозиции: teacher’s lesson – дарси муаллим , cow’s tail – думи гов, John’s son – писари Чон, the girl’s happiness - бахти духтар, the scientist’s ideas – фикрҳои олим;

3) сочетание двух различных семантических разрядов имен существительных, связываемых при помощи предлога “of”, у которого имеется только грамматическая функция образования субстантивного словосочетания. На первом месте располагается объект обладания, а на втором - субъект обладания. Такое словосочетание в таджикском языке конструируется опять-таки при помощи того же изафета **-и**. Это значит, что изафет **-и** соответствует и английскому **-‘s**, и предлогу **of**. Порядок расположения посессивной конструкции в сопоставляемых языках тождественен: the roof of the house – боми хона , the shoulder of the man - китфи мард, the rays of the sun - нурҳои офтоб, the president of the country – президенти мамлакат, the notion of freedom – мафҳуми озодӣ, the son of my neighbor – писари ҳамсоҷам;

4) последовательное расположение двух имен существительных, связываемых при помощи примыкания. Сначала идет название обладателя, за ним следует номинант обладания. И подобное образование передаётся на таджикский язык при помощи двух имен существительных, соединяемых посредством того же изафета **-и**. Однако вопреки английскому языку название объекта обладания располагается на втором месте: the university garden – боғи донишгоҳ, city library – китобхонаи шаҳр(ӣ) , a telephone call - занги телефон, house master – соҳиби хона, room corner – кунҷи хона;

5) сочетание двух имен существительных, связываемых предлогом «with», о чём пойдёт речь в конце второй главы.

Эти пять образований в работах вышеуказанных лингвистов называются атрибутивными посессивными конструкциями, так как один из их компонентов определяет другой компонент в плане принадлежности. Например: father's hat – кулоҳи падар. Здесь слово “father - падар” определяет слово “hat - кулоҳ”, так как от слова “hat - кулоҳ” исходит вопрос “whose hat? – кулоҳи кӣ?” Таким же образом к словосочетанию “a telephone call – занги телефон” можно поставить вопрос “What call? – кадом занг?”

Таджикские эквиваленты этих образований еще не исследованы как средства выражения категории посессивности. Более того, в таджикском языкознании вовсе не встречается термин «категория посессивности» в частности, и «функционально–семантическая категория посессивности (притяжательности)» в целом. Нам представляется, что такая категория функционирует и в таджикском языке, и следующие словосочетания можно считать атрибутивными посессивными конструкциями:

1) существительное + и + существительное: сухани раис – the chairman's speech, падари шоир – the poet's father, пойҳои харгӯш – the hare's legs, фикрҳои олим – the scientist's ideas;

2) существительное + и + личное местоимение: хоҳари ман – my sister, муҳаббати ӯ – his love, ғоибии онҳо – their absence, ҳавлии мо - our house.

3) существительное + и + возвратное местоимение «худ»: зани худ – своя жена – my (your, his) wife, сари худ – своя голова – my (your, his, her) head, бахти худ – своё счастье - my (your, his, her, our, their) happiness;

4) существительное + и + возвратное местоимение + формант притяжательности: китоби худам- my book, под которым следует понимать особые единицы, обозначаемые в таджикском языкознании двумя терминами: 1) в учебнике для вузов [48,219] их называют «бандакҷонишинҳои шахсӣ - соҳибӣ» (лично – притяжательные связочные местоимения) 2) в академическом издании «Основы иранского языкознания.

Новоиранские языки» их считают «энклитическими местоимениями». [80,116]

В одном источнике [48] их комментируют следующим образом: «У лично-притяжательных связочных местоимений имеется семантико–грамматическое значение. Они одновременно указывают и на принадлежность, и на лицо. Присоединяясь к концу имен существительных, они выражают, кому или какому лицу принадлежит тот или иной предмет. У этих местоимений имеется три лица и два числа:

Лицо	Единственное число	Множественное число
I	-ам (-ям)	-амон (-ямон)
II	-ат (-ят)	-атон (-яшон)
III	-аш (-яш)	-амон (-ямон)

[48, 219]

В этой таблице в III лице множественного числа вместо «– ашон (-яшон)», ошибочно написали –амон (-ямон). Кроме того, в этой работе не упомянут случай употребления этих единиц с возвратным местоимением «худ»: худаш, худат и т.д., о чем речь пойдёт позже.

Во втором источнике о них написано следующее: «Помимо рассматриваемых выше самостоятельных личных местоимений, в данных языках (персидский, таджикский, дари. – Ш.С.)» имеются энклитические местоимения (или местоименные энклитики), которые произносятся слитно с предыдущим словом, не принимая на себя ударение [80,116]. Далее говорится об их функции: «...Энклитические местоимения употребляются преимущественно в определительной функции: таджикский - китобам» [80,119]

Мы не склонны считать вышеуказанные единицы местоимениями, так как:

- 1) местоимение является словом, которое даётся и в толковых, и в двуязычных словарях, однако, эти единицы не приведены ни в одном словаре таджикского языка;
- 2) местоимение выполняет синтаксическую функцию члена предложения, а эти единицы не могут быть членами предложения;
- 3) местоимение в потоке речи может принимать логическое ударение, а на такие единицы вовсе ударение не падает;
- 4) местоимение обладает цельнооформленностью, и поэтому оно пишется отдельно, а эти единицы всегда пишутся слитно с другими словами;
- 5) термин «энклитическое местоимение» неприемлем к ним, так как, согласно О.С.Ахмановой, под энклизой понимается «акцентуационное примыкание безударного слога или слова к предшествующему ударному элементу с образованием одной акцентуационной единицы: на́берег, при́смерти» [9,526]. Как видно из примера О.С. Ахмановой, энклитическими элементами являются слова «берег» и «смерть», которые ударения не принимают, пишутся отдельно от данных предлогов и составляют одну акцентуационную группу вместе с ударными предлогами «на» и «при». Единицы «-ам», «-ат», «-аш» и др. не являются словами, подвергающимися энклизе. Понятие «энклизы» осуществляется в потоке речи для расчленения высказывания на смысловые группы, на синтагмы, а рассматриваемые единицы подобно падежным окончаниям являются единицами морфологического порядка. Поэтому мы их называем морфемами притяжательности, служащими для обозначения принадлежности какого-либо предмета другому предмету, т.е. они носят сугубо грамматическую функцию, а «местоимения в отличие от слов знаменательных не обозначают предметов, их признаков, количества или порядка по счёту, а лишь указывают на них» (86 (а),172). Единицы типа «-ам», «-ат», «-аш» и др. не согласуются с определением понятия «энклизы», данное профессором О.С.Ахмановой. Во - первых, энклитическая единица должна принимать словесное ударение, но в потоке речи его ударение переходит на

предшествующее слово. Единицы типа «-ам», «-ат», «-аш» и др. лишены словесного ударения, так как они как лексическая единица не фиксируются в словарях. В частности, в примерах О.С. Ахмановой единицы «берег» и «смерти» являются словами и принимают словесное ударение. Во-вторых, если бы «-ам», «-ат», «-аш» и др. были местоимениями, то они не смогли бы присоединяться к другому местоимению. А эти единицы способны примыкаться к возвратному, вопросительному и неопределенному местоимениям: худам, дигараш, кадомат и др. Они, скорее всего, относятся к разряду формообразующих морфем, т.е. являются грамматическими показателями категории посессивности. Об этом может свидетельствовать также следующее высказывание Б.А.Серебренникова: «Отношение посессивности в языке может выражаться притяжательными местоимениями или притяжательными суффиксами (подчеркнуто нами Ш.С.) [92,338]. С помощью суффиксов выражается, в частности категория посессивности в тюркских языках. К примеру, С.Н.Иванов пишет: «Аффиксы принадлежности выполняют в предложении функцию отнесения данного предмета к другому предмету»[43,36]. И.Х. Рустамов также подчеркивает, что «в азербайджанском языке категория притяжательности выражается .... с помощью аффиксов принадлежности в составе слова: китобым»[87,33]. В узбекском языке также говорят: китобим, китобинг, китоби, китобимиз, китобингиз, китоблари. В этих примерах «-им» соответствует таджикскому «-ам», «-инг» таджикскому «-ат», «-и» таджикскому «-аш» и др. Никто из тюркологов такие единицы энклитическими местоимениями не называет.

Таким образом, эти форманты таджикского языка наряду с личными местоимениями в образованиях типа «китоби ман» служат для выражения категории посессивности. Разница между «китоби ман» и «китобам», по словам К.Усмонова, заключается в том, что при «китоби ман» акцентируется слово «ман», а при «китобам» - слово «китоб»[87,48].

Следует отметить, что притяжательность в таджикском языке выражается при помощи этих морфем чаще, чем личными местоимениями.

Необходимо подчеркнуть, что при частоте употребления морфемы притяжательности таджикского языка «-ам», «-ат», «-аш», «-амон», «-атон» и «-ашон», которые не образуют атрибутивную конструкцию, превосходят атрибутивные образования типа «китоби ман», «китоби ту» и др. Поэтому мы не можем противопоставить в работе предикативные средства выражения значения принадлежности таджикского языка атрибутивным конструкциям, так как единицы типа «китобам», «китобат» и др., будучи словоформами, не составляют словосочетания с атрибутивным отношением. Исходя из этого, вместо термина «атрибутивные конструкции» мы используем термин «непредикативные конструкции» выражения категории посессивности. Следовательно, в работе в сфере ФСК предикативные конструкции противопоставляются непредикативным конструкциям, куда входят образования следующего типа: маоши коргар – a worker's wage, охири кӯча – the end of the street, ҳавлии мо – our house, қалами худ(ам) – my pencil, дастам – my hand и др. Они будут детально охарактеризованы в последующих главах работы в сопоставительном плане с соответствующими посессивными конструкциями английского языка.

Как было отмечено ранее, по способу своей актуализации семантические отношения посессивности образуют функционально-семантическую категорию. У ФСК имеются центр и периферии. При определении центра и периферии ФСК посессивности в англистике имеется две точки зрения. Одни [95,31 и 68,10] считают ФСК посессивности бицентрической категорией, а другие [99,172] в нем находят только один центр.

Сторонники бицентричности ФСК посессивности свою точку зрения обосновывают тем, что посессивные отношения, существующие в материальной действительности, находят своё отражение в языке предикацией и атрибуцией, каждая из которых реализуется соответствующими конструкциями.

Идея моноцентричности ФСК посессивности исходит из степени употребительности каждой посессивной конструкции. Согласно подсчетам И.В.Тропиновой, в английском языке наиболее употребительными являются конструкции с предлогом «of» типа «the top of the hill», «the room of my sister», «the manager of the apartment», где в качестве посессора выступают и одушевленные, и неодушевленные существительные. Поэтому такие конструкции составляют центр ФСК посессивности. Приядерное пространство занимают конструкции с –'s, остальные предикативные и атрибутивные посессивные образования составляют третий тип поля посессивности [99,172].

С такой расстановкой единиц поля посессивности нельзя не согласиться, за исключением места конструкций типа “the girl’s hand”. Они не могут занимать вторую позицию в поле посессивности, так как употребляются в текстах реже, чем конструкции типа N_1+N_2 . Наш подсчет показал, что на тех страницах художественного текста из источника (187), которые мы проанализировали, конструкция типа $N_1's+N_2$ употреблена два – три раза, тогда как образование разряда N_1+N_2 встречается 7 – 9 раз, а в научно – технических и публицистических текстах, о чем свидетельствует подсчет 50-ти страниц текста (174,5-55) его частотность ещё выше. Поэтому конструкция типа N_1+N_2 должна занимать приядерную позицию.

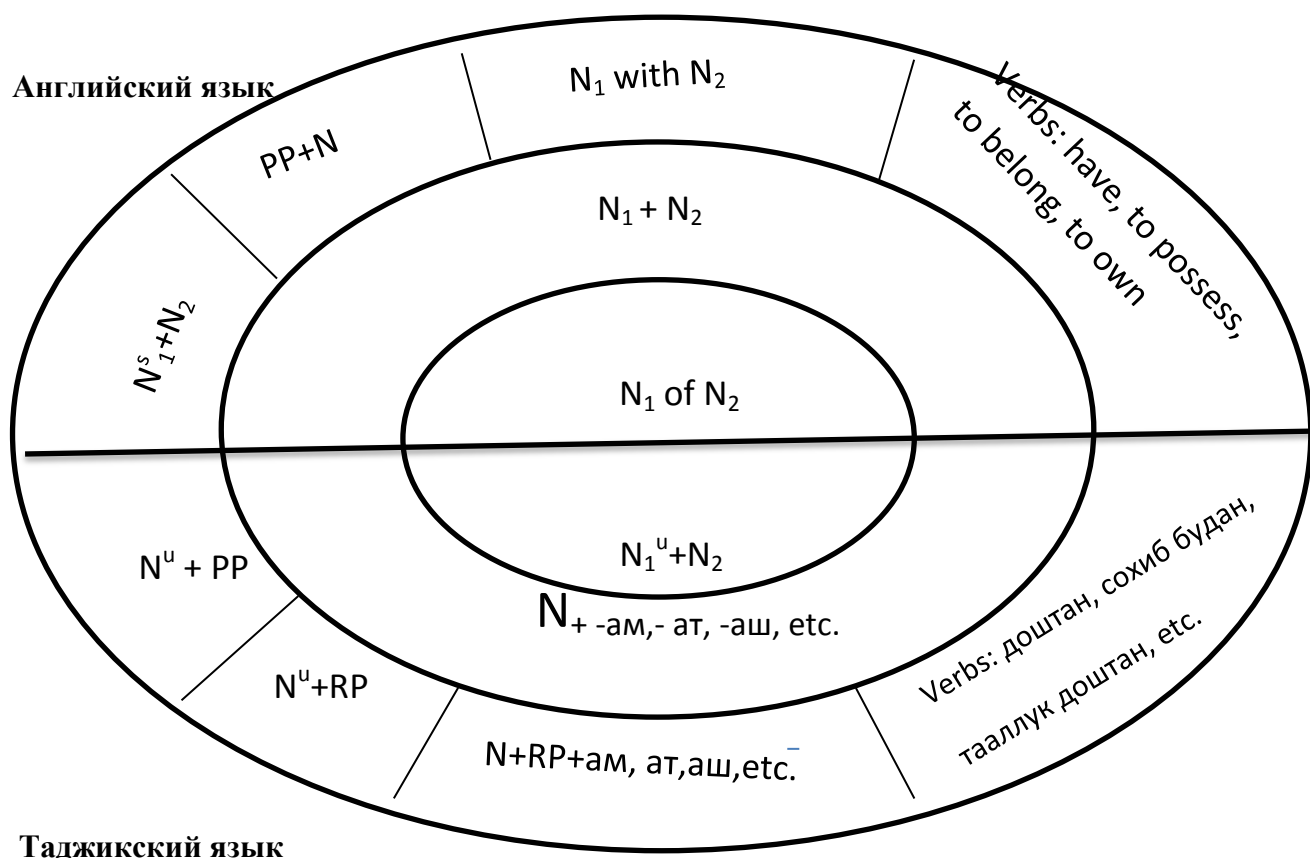
В таджикском языке ФСК посессивности является моноцентричным. Здесь в качестве ядра поля выступают непредикативные конструкции типа $N_1^n + N_2$: лонаи анкабут, дили модар, суханони омўзгор, дарозии кўча, барги дарахт, писари раис и др. Приядерную позицию занимают словоформы с суффиксами притяжательности: падарам, пуламон, хотираш, завчаат, хонаамон, дардашон и др. В третий круг поля посессивности следует разместить:

а) конструкции типа $N^n + Pp$ (Possessive pronoun): нохуни ман, хоҳари ту, дониши ӯ, ватани мо, гапи онҳо и др.;

б) предикативные конструкции с глаголами обладания типа «доштан, соҳиб будан, тааллуқ доштан, дахл доштан» и др.: Ман Искандар ном чӯраи ҳамкасаба дорам.(155,120) $\bar{U}$ соҳиби даҳ таноб замин мебошад (147,218). Аз вачоҳаташ фаҳмидам, ки ин гап ба $\bar{U}$ тааллуқ дорад (168,181).

в) конструкции N^u+RP (reflexive pronoun) с морфемой притяжательности или без неё: дӯсти худ (ам), амаки худ (ат), фикри худ(аш), дониши худ(амон), ҳамшаҳрии худ(ашон).

Таким образом, поле посессивности в сопоставляемых языках выглядит следующим образом:

Атрибутивные конструкции английского языка и непредикативные образования таджикского языка, а также предикативные конструкции английского и таджикского языков будут рассматриваться нами во второй и третьей главах нашей работы.

При анализе этих посессивных конструкций сопоставляемых языков в сравнительно-сопоставительном плане английский язык служит в качестве

языка-эталона, так как ФСК посессивности здесь исследована глубоко и подробно.

Выводы по первой главе

Категория посессивности носит универсальный характер. Она присуща, очевидно, всем языкам мира, так как у неё есть онтологическая основа. Она отражает существующие отношения между предметами и явлениями материальной действительности. Суть этого отношения заключается в том, что тот или иной предмет вовлекается или находится в распоряжении (власти) другого предмета или две субстанции существуют в более или менее тесной связи и взаимоотношениях. Это говорит о том, что она связана со способами существования бытия. Поэтому категории бытия и посессивности взаимно предполагают друг друга, и при этом первично бытие, а посессивность вторична. Понятие посессивности предполагает отношения между двумя субстанциями, одна из которых находится в распоряжении или составе другой, т.е. одна субстанция выступает в качестве субъекта, а вторая - как объект.

Возникновение субъектно-объектных отношений связано с тремя факторами:

1. Объект закрепляется за субъектом изначально, и они неотделимы друг от друга. Такой тип обладания называется установленной посессивностью;
2. Объект вступает во владение субъекта в результате его физических и умственных усилий, он будет находиться в его власти временно или постоянно. Поэтому данная категория тесно связана с локативными и темпоральными факторами. Такое отношение между двумя субстанциями называется приобретенной посессивностью;
3. Две субстанции могут находиться в определенных взаимоотношениях. Здесь нет отношения: ни обладания, ни владения, ни части целого. Это такое отношение между двумя предметами, в результате которого каждая из сторон добивается некоторой выгоды материального или духовного характера.

Такое семантическое отношение следует называть релятивным или бенификативным.

Эти три вида посессивности в сопоставляемых языках выражаются единицами и морфологического, и лексического, и синтаксического порядков. Поэтому посессивность в обоих языках составляет функционально-семантическую категорию. По своим структурно-семантическим особенностям единицы реализации ФСК подразделяются в английском языке на атрибутивные и предикативные конструкции. Разница между ними заключается в том, что конструкции первой группы лишены категории предикативности и они представляют собой словосочетание с субстантивным ядром. Здесь упоминается только обладатель и обладаемое. А в конструкциях второго типа номинируется и посессор, и объект, и понятие принадлежности. Ей присуща также категория предикативности, которая чужда атрибутивным конструкциям.

В таджикском языке посессивность выражается предикативными и непредикативными образованиями, последние из которых представляют собой либо словосочетание, либо словоформу.

ФСК в обоих языках состоит из центра (ядра) и периферии. В качестве центра поля в английском языке выступают конструкции, образованные от двух имен существительных, соединяемых при помощи предлога «of». А в таджикском языке ядром посессивных конструкций выступают словосочетания, состоящие из двух имен существительных, связанных при помощи изафета **-и**.

Приядерными средствами выражения посессивности в английском языке являются словосочетания, сконструированные при помощи двух имён существительных, связанных примыканием. А в таджикском языке в качестве таковых выступают словоформы имён существительных, образованные при помощи морфем притяжательности.

Третий ярус категории посессивности в обоих языках занимают предикативные и атрибутивные конструкции.

На периферии находится ряд имен существительных, обозначающих понятие владельца, а также некоторые глаголы, близкие по значению глаголам «to have» и «доштан».

Глава II. Непредикативные средства выражения посессивности в таджикском и английском языках

Как было отмечено в конце первой главы, к непредикативным средствам выражения посессивности в английском языке относятся субстантивные словосочетания, адъюнкт которых выражается либо притяжательным местоимением, либо именем существительным, связываемым либо при помощи форманта –‘s, либо предлогом “of”, либо посредством примыкания или же иногда при помощи предлога “with”.

В таджикском языке в разряд непредикативных средств выражения посессивности относятся синтаксические конструкции, состоящие из двух имён существительных, соединённых при помощи изафета –и или же сочетанием имени существительного и личного местоимения, которое связывается с существительным при помощи изафета –и. Кроме того, такие конструкции могут состоять из возвратного местоимения, употребляемого либо вместе с формантом притяжательности, либо без него, и в качестве средств связи выступает тот же изафет. В таджикском языке есть ещё одно образование посессивности, которое будучи словоформой, состоит из имени существительного и форманта притяжательности.

В этой главе будут подвергнуты сравнительно-сопоставительному анализу эти непредикативные средства выражения посессивности в английском и таджикском языках. Анализ начнём с конструкции, состоящей из двух имён существительных в обоих языках. Эти существительные связываются в английском языке при помощи предлога «of», а в таджикском языке - посредством изафета –и. Эти образования двух языков представляют собой ядро поля посессивности в этих языках.

Частота использования предлога «of» при выражении отношения притяжательности связана с тем, что показатель генетива –‘s характеризуется своей ограниченной употребительностью. Эта морфема в принципе, присоединяется к одушевленным существительным. А предлог «of» может

связывать и одушевленные и неодушевленные имена существительные для выражения значения притяжательности. Поэтому словосочетание с предлогом «of» считается аналитической формой родительного падежа, т.е. вариантной формой генетива [139,90].

Эквивалентом английского предлога «of» в таджикском языке является изафет **-и**, имеющий более широкое употребление по сравнению с предлогом «of». Он выполняет функцию и английского форманта **-s** и предлога «of». Широта его использования связана с отсутствием категории падежа в таджикском языке. В отличие от «of» и **-s**, изафет **-и** может устанавливать связь между двумя именами существительного (нури офтоб), и существительного с прилагательным (духтари зебо), и существительного с местоимением (китоби ман, бачаи дигар, фикри худ), и существительного с порядковым числительным (синфи дахум), и существительного с причастием (марди омадаистода) и др.

2.1. Сравнительно – сопоставительный анализ посессивных конструкций с предлогом of в английском языке и изафетом –и в таджикском языке

Наши наблюдения над фактологическими материалами сопоставляемых языков свидетельствуют о том, что конструкции $N_1 of N_2$ в английском языке и $N_1^u N_2$ в таджикском языке являются самыми распространёнными средствами выражения непредикативной посессивности. В составе таких конструкций английского языка её первый компонент может обозначать в одном случае субъект обладания, а в другом случае - его объект. Например: The handle of the door- дастаки дар. Здесь «handle» является объектом, а «door» - субъектом. В отдельных случаях первое имя существительное указывает на субъект обладания: A man of wealth – боигарии мард. В этом примере первое имя существительное выражает субъект обладания, второе - его объект.

В таджикском языке всегда первое имя существительное обозначает объект обладания, а второе – его субъект: барги дарахт - the leaf of the tree, сардори гурӯҳ - the leader of the group, тарки қатора – the departure of the train.

Предлог «of» может связывать два неодушевленных имён существительных. Например: the result of his first experient – натиҷаи таҷрибаи аввалин, a list of the things - рӯйхати чизҳо, a boat of life - киштии ҳаёт.

Как видно, функцию английского предлога берёт на себя таджикский изафет –и, в обоих языках в качестве объекта выступают вторые компоненты этих конструкций.

В конструкциях с предлогом «of» первые существительные могут обозначать неодушевленный предмет, а вторые существительные одушевленный предмет. Например: The condition of the people – шароити мардум, beak of a hen – нӯли мурғ, the opinion of a chairman – нуқтаи назари раис.

И в этом случае функцию английского предлога «of» берёт на себя тот же таджикский изафет –и. В обоих языках посессор занимает вторую позицию. Следует отметить, что такие конструкции в английском языке употребляются реже, так как одушевленные существительные, употребляются, как правило, с формантом –'s. Например: my father's house - хавлии падарам, a woman's voice - овози зан, King's soul – чони шох.

Как явствует из переводов этих конструкций, конструкция с –'s также передаётся в таджикском языке при помощи субстантивного словосочетания, образованного тем же изафетом –и.

Наш фактологический материал свидетельствует о том, что первый компонент конструкции с предлогом «of» может выражаться одушевленным именем существительным, а её второй компонент может быть выражен неодушевленным именем существительным. Например: a man of a garrison -

марди даруни қалъа (гарнизон), Queen of the castle - маликаи қалъа, the Duke of Cambridge – герцоги Кембрич.

В этих конструкциях в качестве номинанта посессора выступает второе существительное. В таджикском языке такие образования так же, как в английском, состоят из двух имён существительных, первое из которых обозначает одушевленный предмет, но он не является субъектом обладания, что наблюдается и в английском языке. В качестве посессора выступает второе имя существительное.

Как видно, и семантически, и структурно между этими языками наблюдается изоморфизм лишь с той разницей, что вместо предлога в таджикском языке употребляется изафет **-и** как средство связи двух имён существительных.

Между компонентами конструкций с предлогом «of» и их таджикскими эквивалентами обнаруживается ряд отношений.

1. Среди этих отношений, особое место занимает отношение конкретной принадлежности какого-либо предмета какому-либо лицу или нелицу. Например: the key of flat – калиди хона, the floor of the library - фарши китобхона, the hat of the Prince – кулоҳи шоҳзода, the arrival of the first woodpecker - омадани аввалин эзорсурхак.

В первом и втором примерах в обоих языках первые неодушевленные существительные (key-калид, floor–фарш) обозначают объект принадлежности, а вторые имена существительные (flat - хона, library - китобхона), будучи также неодушевленными, называют посессоров. В третьем и четвертом примерах второй компонент притяжательных конструкций выражен в обоих языках одушевленными существительными, которые репрезентируют посессоров, а первые существительные, называя неодушевленные предметы, обозначают объекты принадлежностей.

2. В конструкциях с предлогом «of» и их таджикских эквивалентах компонент, обозначающий посессора, может охарактеризоваться в аспекте

его состояния. Например: *failure of her son* – нокомии писари ў, *the faint of the sportsman* – азхушравии варзишгар, *the fall of Berlin* – шикасти Берлин.

3. Между компонентами посессивных конструкций в обоих языках наблюдаются также и агентивные отношения. Например: *the death of the hero* – марги қаҳрамон = *the hero died* – қаҳрамон ғавтид, *the arrival of the train* – омадани қатора = *the train arrived* – қатора омад, *the bark of the dog* – аккоси сағ = *the dog barked* – сағ аккос зад.

Как видно, в качестве субъекта посессивного отношения могут выступать в сопоставляемых языках и одушевленные, и неодушевленные имена существительные.

4. Между компонентами посессивной конструкции и в английском, и в таджикском языке может быть выражено локативное отношение. Такое отношение возникает в тех случаях, когда второй компонент конструкций с «of» обозначает такое понятие, которое связано с каким-либо местом, где может локализоваться денотат первого компонента рассматриваемой конструкции. Например: *the trees of this garden* – дарахтони ин боғ, *the inhabitants of the city* – сокинони шаҳр, *animals of this continent* – хайвоноти ин қитъа, *workers of this plant* – коргарони ин завод.

В конструкциях этого типа предлог «of» в некоторой степени служит для выражения локативного отношения и по функции приближается к предлогам *In* и *on* (дар). В некоторых конструкциях такого типа посессивное отношение может проявить оттенок локативности отношения. Например: *pages of this book* – саҳифаҳои ин китоб, *borders of Tajikistan* – сарҳади Тоҷикистон, *the depth of the Sir-darya* – чуқурии Сир – дарё.

5. Субстантивные словосочетания с предлогом «of» могут выражать пациентивные отношения. Суть этих отношений заключается в том, что один из участников отношения, выражаемого предлогом «of - phrase», послужит интересом для другого участника этого отношения. В таких конструкциях первый компонент обычно выражается абстрактным именем существительным. Например: *discovery of America* – кашфиёти Амрико, *the*

release of the prisoner – раҳоии асир, murder of the soldier – куштори аскар, treatment of the child – табобати кӯдак.

Эти примеры свидетельствуют о том, что первый компонент таких конструкций обозначает некий процесс, совершенный кем-то над денотатом имени существительного, употребленного в качестве второго компонента этой конструкции.

6. Конструкции с предлогом «of» могут выражать числовые, разделительные и партативные отношения. Например: a group of tourists – як гурӯҳи сайёҳон, a part of the country – як қисми мамлакат, a kind of flower – як намуди гул, a lot of problems – як қатор мушкилот.

7. Между компонентами «of - phrase» могут обнаруживаться квалификативные отношения, суть которых, заключается в том, что посессору приписывается некое качество, и это качество обозначает другой компонент данной конструкции. Например: a scientist of a deep knowledge – олими дониши чуқурдошта, a girl of an extreme beauty – духтари зебогии беандозадошта, a student of a great ability – донишҷӯи қобилияти калон дошта, a discovery of a great importance – кашфиёти аҳамияти бузург дошта.

Из этих примеров вытекает, что второй компонент подобных конструкций выражается абстрактным именем существительным.

Интересно то, что функция английского предлога «of» в таких словосочетаниях выражается в таджикском языке при помощи формы причастия глагола доштан (иметь), который лишний раз свидетельствует о посессивной функции предлога английского языка. В вышеприведенных примерах в качестве посессора выступают имена существительные, занимающие первую позицию в составе «of – phrase». В нашем материале есть и случаи, где посессор обозначает второй компонент рассматриваемой конструкции. Например: difficulty of this matter – мушкилоти ин масъала, necessity of his departure – зарурияти рафтани ӯ, happiness of our children – хушбахтии бачагони мо, proud of the family – фахри оила.

Наличие квалификативного отношения между компонентами таких словосочетаний английского и таджикского языков можно продемонстрировать при помощи метода трансформации. Например: *difficulty of this matter* = *The matter is difficult* - мушкилоти ин масъала = масъала душвор аст; *necessity of his departure* = *his departure is necessary* - зарурати рафтани ӯ = рафтани ӯ зарур аст; *happiness of our children* = *our children are happy* - хушбахтии бачагони мо = бачагони мо хушбахтанд; *proud of the family* = *the family is proud* - ифтихори оила = оила фахр мекунад.

В этих примерах предикативная часть именных сказуемых квалифицируют субъектов этих высказываний.

8. Между компонентами «of-phrase» может также проявляться темпоральное отношение. Такое отношение исходит из первого компонента «of-phrase», который обозначает понятия дней недели, определенную эпоху, какой-то период времени, название суток и т.д. Например: *the years of his imprisonment* – солҳои маҳбасии ӯ, *long days of summer* – рӯзҳои дарози тобистон, *the hours of his absence* – соатҳои ғоибии ӯ, *the quarrel of yesterday* – ҷанҷоли дирӯз.

9. В конструкциях рассматриваемого типа возможны также проявления инструментального отношения. Суть этого отношения заключается в том, что к значению обладания примыкает оттенок орудийности. Например: *repair of the building* - таъмири бино, *erection of a castle* - сохтмони қалъа, *the ring of the door* - занги дар, *strike of thunder* – заниши раъду барқ.

10. Между компонентами «of-phrase» может существовать объектное отношение, при этом первый компонент указывает на посессора, а второй компонент конструкции выражает объект обладания. Например: *the child's punishment* – танбеҳи кӯдак, *support of the poor* – дастгирии камбағалон, *treatment of the soldiers* – табобати аскарон, *exchange of money* – ивази пул.

В этих примерах первый компонент обозначает некое действие, которому подвергался денотат второго компонента этих конструкций, что можно подтвердить следующими трансформациями: *The child's punishment* =

the child was punished by smd; танбеҳи кӯдак= кӯдакро касе танбех додааст; support of the poor = the poor were supported by the state; дастгирии камбағалон = камбағалон аз ҷониби давлат дастгири карда шуданд; treatment of the soldiers= the soldiers were treated by doctors; табобати аскарон аз тарафи пизишкон = аскарон аз тарафи пизишкон табобат карда шуданд; exchange of money = the money was exchange; ивази пул = пул иваз карда шуд;

Данные трансформации показывают, что второй компонент рассмотренных конструкций указывает на объект.

11. Синтаксические конструкции с предлогом «of» могут служить также для выражения авторского отношения, т.е. субъект принадлежности указывает на понятие авторства. Например: the works of S. Ulugzoda – асарҳои С.Улуғзода, the speech of President – нутқи Президент, the milk of this cow – шири ин гов, the project of this architect – лоиҳаи ин меъмор.

В конструкциях такого типа её второй компонент большей частью выражается одушевленным существительным.

12. В определенных случаях в рассматриваемых конструкциях английского и таджикского языков может проявляться дескриптивное, или описательное, значение. Первый компонент в этом случае может выразатся и одушевленным, и неодушевленным существительным. Например: a nest of the dove – лонаи кабӯтар, a day of a summer – як рӯзи тобистон, a house of invalids – хонаи барҷомондагон.

Как отмечает И.В. Тропинова [99,128], конструкции N_1 of N_2 могут выражать некоторые другие значения:

1. понятие кратности, которая может быть единичной или повторной. Например: a look of the father – нигоҳи падар, a cry of the child – фарёди кӯдак, barks of the dog – аккоси сағ, rings of the telephone – зангҳои телефон;

2. незапланированность объекта обладания: the loss of the businessmen – зарари тоҷир, the godsend of the poor – доди худо ба камбағалон, the joy of the children–шодии кӯдакон. В подобных конструкциях сопоставляемых языков первый компонент выражается обычно абстрактным существительным;

3. запланированность объекта обладания: rise of the salary – баландшавии маош, the premier of the film – аввалин намоиши филм, the departure of the plain – тарки тайёра. И в данном случае в обоих языках первый компонент посессивной конструкции выражается абстрактным существительным;

4. постоянство объекта обладания: the outlook of the poet – ҷаҳонбинии шоир, the care of the mother – ғамхории модар, the light of the moon – рӯшноии моҳ. В конструкциях этого типа первое имя существительное обозначает абстрактное понятие.

Следует отметить, что субстантивное словосочетание с предлогом «of» может употребляться в так называемой конструкции double genitive и в таджикском языке компоненты таких конструкций связываются при помощи изафета *-и*. Например: a son of Mr. Johnson's – яке аз писарони ҷаноби Љонсон, the eyes of his brother's wife – ҷашмони зани бародари ӯ; the house of Hakim's cousin – ҷавлиии ҷияни Ҳаким.

Употребление предлога «of» вместо форманта -'s преследует коммуникативные цели. В случае употребления -'s выделяется обладатель, а в случае употребления of подчёркивается предмет обладания. Например:

You take your mother's washing-tub home again, and bring us a boat. (186, 210) = Ту тағораи ҷомашӯии модаратро аз нав ба хона бар ва ба мо завтрак биёр. You take the washing – tub of your mother home again, and bring us a boat = ту аз нав тағораи ҷомашӯии модаратро ба хона бар ва ба мо завтрак ор (*перевод информантов*).

Fear gripper Bart's heart. (173,227) – Дили Бардро тарс фаро гирифт. Fear gripped the heart of Bard – Тарс дили Бардро фаро гирифт (*наш перевод*).

From Euston I took the cheeses down to my Friend's house. (186,41) – Аз Юстон ман панирхоро рост ба хонаи дӯстам гирифта рафтам. From Euston I took the cheeses down to the house of my friend. – Ман панирхоро Аз Юстон гирифта рост ба хонаи дӯстам гирифта бурдам (*перевод информантов*).

Как видно из переводов предложений с конструкциями с «'-s» и с предлогом «of» на таджикский язык, обе эти единицы передаются при помощи изафета **-и**. Таджикский язык для акцентуации посессора и предмета обладания использует логическое ударение. В случае употребления «'-s» в таджикском языке предмет обладания получает логическое ударение, а при переводе конструкции с предлогом «of» на таджикский язык название предмета обладания получает логическое ударение.

Наш фактологический материал из сопоставляемых языков показывает, что и английский «of-phrase», и таджикская конструкция $N_1^u N$ не являются закрытыми структурами. Каждый из их компонентов может расширяться словами различных лексико – грамматических разрядов. В большинстве случаев такие модификаторы могут дать дополнительную информацию для усложнения содержательной структуры компонентов. Встречаются и случаи, когда модификатор выступает в качестве обязательного элемента в содержательной структуре и первого, и второго компонента. Сравните:

1. Continuing the democratic traditions of Australian literature and it's leading representatives Henry Archibald Lawson and K. Susannah Prichard, D. Cussack draws with deep sympathy the portraits of common people of Australia. (173,7)

2. Let your boat of life be light packed with only what you need a homely home and simple pleasures. (186,33).

В первом примере определение второго компонента «of - phrase», выраженное прилагательным «Australian», является обязательным компонентом данной конструкции. Его отстранение от структуры этого словосочетания невозможно, так как без этого слова смысл данного предложения становится непонятным. Читателю становится не понятным, представителями какой литературы являются перечисленные авторы. Кроме того, не совсем ясно, почему именно здесь говорится о простых людях Австралии.

Во втором примере определение слово «your» и «life» являются обязательными компонентами субстантивного словосочетания, «boat of

life»так как опущение слова «youг» причиняет неграмматичность этого словосочетания.

Такая же картина наблюдается и в таджикском языке, т.е. опущение модификатора любого компонента конструкции типа $N_1^n N_2$ становится причиной потери смысла всего предложения. Например:

1. Он факт, ки асарҳои нависандагони точик ба бисёр забонҳои халқҳои ҷаҳон ҷоп мешаванд ва ба ҳунарнамоии устодони санъати тоҷик дар бисёр шаҳрҳои мамлакатҳои Шарқ ва Ғарб кафкӯбӣ мекунанд, барои мо як воқеаи муқаррарӣ гардидааст (162,12).

2. Маданияти дуњявӣ (мамлакатҳои «исломӣ» асосан бар ҳилофи ислом, дар муборизаи гоҳ ниҳону гоҳ аҳён бо дин инкишоф ёфтааст (157, 29).

В первом примере исключение определения «тоҷик» из состава словосочетаний «асарҳои нависандагон» и «устодони санъат», а также эллиминация определения «Ғарб» и «Шарқ» из структуры словосочетания «шаҳрҳои мамлакатҳо» приводит к потере смысла этого предложения. Данные определения относятся ко второму компоненту этих словосочетаний.

Во втором примере нельзя опускать определение «дуњявӣ», относящееся к первому компоненту субстантивного словосочетания «маданияти мамлакатҳо», так как при опущении слова «дуњявӣ» смысл этого предложения становится логически неверным, потому что культура исламских государств не могла развиваться против ислама, а светская культура в исламских государствах развивалась против ислама иногда прямо, а иногда тайно.

Наоборот, в следующих примерах из сопоставляемых языков опущение определения любого компонента рассматриваемых словосочетаний в обоих языках не влияет на общий смысл следующих предложений. Например:

Қаҳрамони ҳамаи ин асарҳо синфи коргар, қисми пешқадами халқи меҳнаткаш мебошад (158,100).

The social notes in a small town paper are as rewarding as a packet of old love letters (181,44).

В данных примерах модификаторы «хамаи» и «old» можно легко опустить, так как они, будучи второстепенными, не влияют на общий смысл этих двух предложений.

Облигаторные и факультативные модификаторы компонентов рассматриваемых посессивных конструкций таджикского и английского языков могут выражаться разнопорядковыми лексическими единицами этих языков.

I. В качестве этих двух типов модификаторов могут выступать чаще всего прилагательные. Например:

1. The air of the little flat swept out at them like the breath of a steamy cavern (173, 67).
2. The country Council may alter the line of the new street (190, 90).

В двух английских примерах у второго компонента посессивных конструкций с предлогом «of» имеются факультативные модификаторы, выраженные именами прилагательными.

В таджикском языке также облигаторные или факультативные модификаторы могут выражаться именем прилагательным. Например:

1. Маҷлиси машваратии Хельсинки боиси ба таври амалӣ идрор намудани сабақҳои таърих гашт (162,12.)
2. Тақсимоти худуди миллӣ марҳилаи ҳарачу мараҷи этникиро ба поён расонд (157,35).

В данных примерах из таджикского языка прилагательные «машваратӣ», «миллӣ» и «этниқӣ» являются облигаторными модификаторами соответствующего компонента посессивных конструкций «маҷлиси Хельсинки», «тақсимоти худуд» и «марҳилаи ҳарачу мараҷ», так как опущение этих определений приведёт к искажению смысла этих предложений.

II. В качестве модификатора первого, второго или обоих компонентов посессивных конструкций английского и таджикского языков может выступать имя существительное. Например:

1. He got a copy of a home paper sent him by mail. (187,256)
2. The country was becoming transformed into a country of oil industrialists, wine merchants, grain and tobacco manufactures (174,20).

В первом примере в качестве факультативного модификатора второго компонента посессивных конструкций «copy of a paper» выступает имя существительное «home».

Во втором примере слова «wine», «grain», «tobacco», являясь именами существительными, функционируют в качестве факультативных модификаторов посессивной конструкции «a country of merchants and manufactures». Существительное же «oil» выступает в качестве облигаторного расширителя посессивных конструкций «a country of industrialists».

В таджикском языке, как покажут приведенные ниже примеры, имена существительные выступают в качестве факультативного или облигаторного элемента посессивных образований. Например:

1. Ин таассуроти ҳаяҷоновар ва навозишкоронаи оммаи халқи меҳнаткашро ҳар шоир бо таври дигаре ифода намудааст (154,195).
Қисмати осори санъату адабиёт дар интихоби рангҳои писандидаи таъби шахсии қаламкаш аст (149,141).

В первом примере существительное «халқ» выступает в качестве облигаторного компонента посессивного образования «таассуроти оммаҳо».

Во втором примере существительные «санъату адабиёт» функционируют в качестве облигаторных компонентов в словосочетании «қиммати осор».

III. В сопоставляемых языках имя числительное также может служить в роли облигаторного или факультативного члена посессивных конструкций. Например:

1. After the first shock of my grief had passed, I sought to keep him in my memory (187, 59).

2. The four weeks of his leadership had been just enough for him to show his hand (174,137). В приведённых примерах порядковое числительное «first» и количественное числительное «four» модифицируют первый компонент соответствующих посессивных конструкций. По степени необходимости для структурной полноты этих словосочетаний вышеуказанные модификаторы носят полуоблигаторный характер.

Таковую же роль могут выполнять и таджикские числительные в структурно-семантической организации посессивных образований с предлогом «of» в английском языке и изафета *-и* в таджикском. Разница между английским и таджикским языками в этой сфере заключается в том, что модификаторы, выраженные порядковым числительным, в таджикском языке располагаются после, тогда, как в английском языке такое числительное располагается перед определяемым словом. Например:

1. Ду девори нисбатан озодтари каъбаро низ эхромпӯшон бо либоси худ сафед карданд (155, 182). Ба эътибори мазмун, дарбаргирии воқиаҳои таърихӣ, тасвири бадеии он шеърӣ мазкурро аз асарҳои хуби назми солҳои сиюми тоҷик ҳисобидан ҷои аз аст (165, 254).

В первом примере числительное «ду» служит в качестве факультативного модификатора в посессивной конструкции «девори каъба». А во втором примере порядковое числительное «сиюм» является облигаторным модификатором посессивных конструкций «асарҳои назми солҳо».

IV. Модификаторы любого компонента посессивных конструкций английского и таджикского языков могут быть выражены различными разрядами местоимений. Например:

1. Let your boat of life be light packed with only what you need a homely home and simple pleasures (186,33).

2. At other downward flights of steps are other lamps? Marking the whereabouts of oyster cellars – pleasant retreats, say I (175, 91).

В первом примере зависимая форма притяжательного местоимения «your» выступает с функцией облигаторного компонента существительного «boat» в составе посессивной конструкции «boat of life». А во втором примере неопределенное местоимение «other» определяет существительное «flights» и выполняет функцию факультативного элемента посессивной конструкции «flights of steps».

В таджикском языке также модификаторы обоих компонентов посессивных конструкций могут быть выражены различными разрядами местоимений. Например:

1. Камина медонам, ки сарчашмаи хамаи ин овозаҳо радиои «Садои Америка», «Европаи озод» ва ғайра аст (155, 238).

На падару модари худаш, на дигар калонҳои қишлоқ ба муқобили раиси район баромад мегӯянд (152,34).

В первом примере местоимения «хама» и «ин» выступают модификаторами второго компонента посессивной конструкции «сарчашмаи овозаҳо». Эти местоимения служат в качестве факультативного модификатора. Во втором предложении неопределенное местоимение «дигар» модифицирует субстантивированное прилагательное «калон», которое составляет вместе с существительным «қишлоқ» посессивные конструкции. Местоимение «дигар» также выступает в качестве факультативного модификатора.

V. В английском языке в функции модификатора может выступать также Причастие I и II. Например:

1. Later, in the solitude of his room, he heard the hesitating patter of rain of the roof (189, 75).

2. The toy of the broken child lies upon the floor (175, 67).

В первом примере причастие I «hesitating» выполняет функцию факультативного модификатора первого компонента посессивных

конструкций. Оно играет факультативную роль в организации данного словосочетания. Во втором примере причастие II «broken» служит в качестве факультативного модификатора второго члена посессивной конструкции «the toy of the child».

В таджикском языке также не исключены случаи употребления причастия в качестве модификатора посессивной конструкции $N_1^n N_2$. Например:

1. Дар ин давра намунаҳои писандидаи жанрҳои калони адабиёт ба миён омаданд (148,241).
2. Меҳмони таклифкардаи падараш дертар омад (161,229).

В первом предложении прилагательное «писандида» функционирует как факультативный модификатор одного из компонентов посессивной конструкции «намунаҳои жанр». Во втором примере такую же функцию выполняет причастие предшествования «таклифкарда», которое модифицирует первый компонент посессивной конструкции «меҳмони падараш».

Наш фактологический материал из исследуемых языков свидетельствует о том, что не только основные компоненты посессивных конструкций сопоставляемых языков могут расширяться за счет модификаторов, но и модификаторы также могут определяться другими модификаторами, которые почти не играют определенной роли в структурно-семантической полноте посессивных конструкций. Поэтому мы сочли ненужным подвергать их анализу.

2. 2. Посессивные конструкции с формантом - 's и их таджикские соответствия

В английском языке в выражении значения принадлежности одного предмета другому участвует особый формант - 's:

Jan's heart soared, then the old depression overwhelmed her (173,252).

She was afraid of him because he was a deliver's son but she could by no means get rid of him (188, 66).

To Paul's surprise he spoke in a friendly tone (172,30).

О статусе этой единицы среди англистов нет единства взглядов. Традиционно -'s рассматривается формантом притяжательного падежа, противопоставляемого общему падежу, у которого имеется нулевая морфема.

Например:

I am not a fool, you know, although I am a woman, and have my woman's moments (182,272).

В этом примере словоформа «woman» имеет нулевую морфему, обозначающую общий падеж (Common case), а вторая словоформа woman's - уже форма притяжательного падежа (Possessive case). Такой точки зрения придерживаются англисты Чарльз Барбер [115], О.А. Вальдман[23], О.Есперсен [40], А.И. Смирницкий [94], О.Мутт[138], С.П. Балашова [11], Р.А.Клоуз[122], Л.С. Бархударов [14], Д.Лайонс [60], Л.В. Рипинская [86] и др.

Появление -'s И.П. Иванова, Л.П. Чахоян и Т.М. Беляева связывают с тем, что «... начиная от самых древних времен, существовала конструкция с притяжательным местоимением (типа Arthur his men = Arthur's men). Эта конструкция прослеживается ещё в XVII в.: The General his departure. Не исключена возможность, что форму притяжательного падежа – the General's departure – пишущие иногда принимали за сокращение типа the General(his) departure, и апостроф мог обозначать пропущенную часть местоимения [44,112]. Точка зрения о функционировании притяжательного падежа начала подвергаться сомнению с конца сороковых годов XX – го века. В частности, Г.Н. Воронцова не признаёт -'s как морфему падежа, мотивируя это пятью аргументами: 1) употребление -'s является факультативным, т.е. этот формант может заменяться предлогом **of**; 2) он используется с ограниченной группой имён существительных; 3) и для единственного, и для множественного числа он имеет одну форму, что не характерно для падежных окончаний в других языках; 4) он употребляется только с формой множественного числа имён существительных, образующих свою форму

множественного числа нестандартным путём: oxen's; 5) он не образует неразделимую структуру слова, т.е. он может находиться на расстоянии от существительного, к которому относится, и приводит следующий пример:

“Been reading that fellow what's his name's attacks in the 'Sunday Times'?”(Bennet)

Исходя из этого, она рассматривает -'s как послелог, служащий в качестве форманта синтаксической связи [29,13].

В 1957 году А.М Мухин также отрицал традиционную точку зрения относительно -'s как форманта падежа и пишет, что в системе существительных в современном английском языке родительный падеж своё место уступает новой категории – категории притяжательности[76,26]. Эту точку зрения поддерживают Ежкова Р.Е.[39,21-22], а также профессор В.Д. Аракин [4,114].

Мы не склонны называть английский -'s формантом категории притяжательности. Сомневаемся также называть -'s формантом генетива, так как если бы в английском языке функционировала морфологическая категория притяжательности, то формант -'s употреблялся бы со всеми разрядами имён существительных. Более того, этот формант не приняли бы наречия типа **today** в словосочетаниях типа **today's newspaper** и **else** в конструкциях типа **somebody else's duty**. Поэтому мы рассматриваем -'s как формант или как синтаксический элемент, служащий для установления связи между словами в структуре предложения, при этом он проявляет в большинстве случаев своё исходное значение, связанное местоимением **his**, о котором говорилось выше, т.е. значение принадлежности одного предмета другому. В зависимости от семантики имён существительных, образующих конструкции типа $N_1^s N_2$, значение притяжательности усложняется некоторыми другими типами семантических отношений между компонентами указанного типа образования.

Теперь проанализируем компонентный состав конструкции $N_1^s N_2$ в лексико – семантическом и синтаксическом планах. Одновременно будем

сравнивать и сопоставлять эти конструкции с их таджикскими эквивалентами.

Прежде всего, следует отметить, что в составе рассматриваемой конструкции английского языка первый компонент (N_1) обозначает субъект обладания, а следующая за ним единица -'s указывает на значение обладания. Последний компонент конструкции (N_2) называет объект обладания. При этом N_1 обозначает одушевленные предметы. Употребление -'s с исторической точки зрения, связано, очевидно, с тем, что носители английского языка в XVI – XVII веках, по-видимому, считали, что обладать чем-либо или кем-либо могут только живые существа. Поэтому -'s не стали употреблять с неодушевленными существительными в качестве показателя понятия принадлежности. Употребление этого форманта с неодушевленными существительными носит крайне ограниченный характер, и возможность использования -'s с неодушевленными существительными является, очевидно, продуктом более позднего этапа развития современного английского языка.

В зависимости от того, присущи ли компонентам рассматриваемых конструкций семантические признаки лица/нелица, одушевленности/неодушевленности к значению посессивности, выражаемое лицо -'s, приобщаются некоторые другие подкатегориальные значения. Эти значения проявляются в виде различных типов отношений между денотатами компонента рассматриваемой конструкции. И.В. Тропинова разграничивает 10 типов таких отношений [99,74].

1. Между компонентами $N_1^s N_2$ может быть выражено агентивное отношение. В этом случае N_1 большей частью выражается одушевленным существительным. Такое существительное, главным образом, указывает на лицо. Например: Bathsheba's disappearance (182, 41) –гайбзании Бетсшеба; Henry's hatred (189,189) – нафрати Генри; Errie's reach (175, 75) - дастёбии Эппи; Joe and Peg's visit (175,213)–ташрифи Чой ва Пег (*перевод информантов*). Как видим, в этих конструкциях первый компонент называет

лицо, которое является обладателем, а второй компонент является абстрактным существительным, обозначающим некоторые понятия процесса, поэтому первый компонент обозначает субъект обладания, а второй компонент указывает на некоторый его признак, подразумевающий определенный процесс. И эти конструкции можно трансформировать в предикативную группу: Bathsheba's disappearance = Bathsheba disappeared; Henry's hatred = Henry hated; Joe and Peg's visit = Joe and Peg visited; Eppie's reach = Eppie reached.

Данные трансформации показывают, что в указанных предложениях существительные «Bathsheba, Henry, Eppie, Joe and Peg» выполняют агентивную функцию, т.е. обозначают исполнителей действий «to disappear, to hate, to reach and to visit».

В таджикском языке также функционирует эквивалент английской конструкции $N_1 {}^s N_2$, им является конструкция $N_1 {}^n N_2$, о чём свидетельствует перевод вышеуказанных примеров из английского языка. Можно привести примеры из оригинальной таджикской художественной литературы. Например: Бозгашти Махмудчон (152,236) – Makhmudjon's return; таклифи чаноби духтур (155,94) – the doctor's suggestion; хитоби Самандар (152,126) – Samandar's exclamation. Как свидетельствуют примеры, в таджикском языке, вопреки английскому языку, существительное, обозначающее агенса, занимает вторую позицию в рассматриваемой посессивной конструкции, и здесь, также как и в английском языке, второе существительное указывает на лицо, а первое – на абстрактное понятие.

Всё это говорит о том, что в содержательном плане между сопоставляемыми языками обнаруживается полное тождество, а в структурном плане между языками наблюдается несходство, т.е. в английском языке субъект обладания занимает первую позицию в данной конструкции, в таджикском же языке наблюдается обратная картина, т.е. посессор стоит на втором месте. Английский -'s соответствует таджикскому

– и, который также выполняет синтаксическую функцию в средстве связи имени существительного с другим именем.

Такие таджикские номинативные конструкции можно трансформировать в соответствующие предикативные конструкции: Бозгашти Маҳмудчон = Маҳмудчон бозгашт; таклифи чаноби духтур = чаноби духтур таклиф кард; хитоби Самандар = Самандар хитоб кард;

2. Английский -'s может выступать как формант, выражающий реальное обладание чем-либо. Под реальным обладанием понимается такое отношение между двумя предметами, которое предполагает действительную принадлежность одного предмета другому. В этом случае отношение обладания не усложняется другими типами отношений. Посессивная конструкция с подобным семантическим отношением выражается при помощи двух имён существительных, обозначающих либо одушевленный, либо неодушевленный предмет. Например: Rowland's leg (181,44) – пойи Роулэнд; Paul's suit (172,57) - костюми Паул ; Lena's friend(172,56)–дӯсти Лена; Ship's deck (181,67) - сахни киштӣ (*перевод информантов*);

В перечисленных конструкциях второй компонент может обозначать либо отчуждаемую, либо неотчуждаемую собственность. В конструкциях этого типа первый компонент в большинстве случаев выражается именем существительным, обозначающим лицо, а второй компонент большей частью обозначает нелицо.

Профессор Л. С.Бархударов правильно отмечает, что «данная группа конструкций может быть возведена к ядерным предложениям с глаголом-сказуемым {have}»:

John's car	John has a car
My friend's room	My friend has a room
The bird's nest	The bird has a nest
Mary's father	Mary has a father
The old man's family	The old man has a family
Dick's enemy	Dick has an enemy

Исходя из семантики глагола {have}, семантику морфемы {-‘s} в данной группе конструкций с родительным падежом можно определить как «значение принадлежности» или «притяжательности» [14,89]. Слова Л.С. Бархударова можно отнести к таджикским конструкциям типа $N_1^u N_2$ в случаях их эквивалентности английским конструкциям типа $N_1^s N_2$, так как онтолого-понятийная основа данной категории носит общечеловеческий характер.

Как видно из перевода данных конструкций на таджикский язык, указанные семантические отношения проявляются в соответствующих синтаксических конструкциях этого языка.

И здесь так же, как в английском языке, компоненты посессивных конструкций находят своё выражение теми же семантическими разрядами имён существительных. И расположение компонентов посессивных конструкций этих двух языков резко отличается. В английском языке посессор занимает первую позицию, а в таджикском языке он занимает второе место. В таджикском языке функцию - ‘s выполняет изафет – и, о чем могут свидетельствовать следующие примеры из таджикского языка. Например: кисаи Насим(164,72)-Nasim’s purse; «Қй-Қй»- и мурғон(151, 62)-hens’crow; хоҳарзодаи занаш (164,64) – his wife’s niece; стули Буров(168,316) – Burov’s chair (*перевод информантов*);

Об эквивалентности таджикских конструкций $N_1^u N_2$ английскому образованию типа $N_1^s N_2$ свидетельствуют переводы вышеуказанных примеров таджикского языка на английский язык.

Отношение авторства также можно включить в разряд посессивных конструкций со значением реального обладания. Например: китоби Айнӣ (164,77) – Aini’s book; повести С. Улугзода (167,62) – Sotim Ulugzoda’s story; мусиқиҳои халқии 3. Шаҳидӣ (167,324) – the Shahidi’s Folk music (*перевод информантов*).

Как свидетельствуют примеры из сопоставляемых языков, в качестве посессора в обоих языках выступают имена существительные, обозначающие

лицо, а другой компонент посессивных конструкций большей частью выражается именем существительным, обозначающим нелицо.

Семантические отношения, выражаемые данными конструкциями английского и таджикского языков, являются тождественными. Различие между языками обнаруживается только в структурном плане, о чем шла речь выше.

3. Между компонентами посессивной конструкции в сопоставляемых языках могут проявляться и пациентивные отношения. Это происходит в том случае, когда в английском языке первый, а в таджикском языке второй компонент посессивной конструкции обозначает такой предмет, который подвергся воздействию извне, т.е. он обозначает не субъект, а объект. Например: гусели Саидчон Расулов (151,162) – S.Rasulov's seeing off; Arthur's arrest(193,140) – ҳабси Артур; ҷазои Айнӣ (146,158) – Aini's punishment(*перевод информантов*);

Как видно из этих примеров, первый компонент конструкции выражается в английском языке именем существительным, обозначающим лицо. В качестве такового в таджикском языке служит второй компонент конструкции.

О наличии пациентивного отношения между компонентами таких посессивных конструкций могут свидетельствовать следующие трансформации. Гусели Расулов =Расуловро касе гусел кардааст; -Rasulov's seeing off = Somebody saw Rasulov off; Arthur's arrest = Arthur was arrested by somebody; ҳабси Артур = Артур ҳабс карда шудааст, ё касе Артурро ҳабс кардааст; ҷазои Айнӣ = Айниро касе ҷазо додааст ; – Aini's punishment = Aini was punished by somebody или somebody punished Aini.

Иногда такие конструкции характеризуются двужначностью. В частности, конструкцию the girl's fear можно трактовать двояко: 1) The girl was in fear; 2) Somebody feared the girl.

Наш материал свидетельствует о том, что один из компонентов подобных конструкций выражается именем существительным глагольного

происхождения. В приведённых примерах в качестве таковых выступают существительные гусел - seeing off, ҳабс- arrest, ҷазо – punishment, которые восходят к глаголам гусел кардан –to see off, ҳабс кардан - to arrest, ҷазо додан - to punish

Ввиду того, что один из компонентов таких конструкций указывает на объект, в работе М.А. Ганшиной и М.В. Василевской такие конструкции называются «objective genative» [124,38].

Как верно подметила И.В.Тропинова, в этих конструкциях посессивные отношения раскрываются на уровне абстрактных грамматических значений, а объектные – на уровне субкатегориальных признаков имен и их лексических значений.

Если сравнить конструкции John's arrival (бозгашти Ҷон) и John's arrest (ҳабси Ҷон), то следует признать, что они являются однотипными на уровне инвариантных значений, ибо в данном случае речь идёт об абстрактном значении притяжательности как отнесенности субстанций arrival (бозгашт) и arrest (ҳабс) к лицу – John. Варианты данного значения оказываются разными: конкретные дифференциальные признаки этих конструкций вскрываются трансформационным анализом, который подтверждает, что перед нами различные единицы: в первом случае имеют место агентивные отношения (John arrived – Ҷон баргашт), во втором – пациентивные (John was arrested – Ҷон баргардонида шуд) [99,79].

4. Между компонентами английских конструкций $N_1^s N_2$ и их таджикскими эквивалентами может проявиться описательное или квалификативное отношение. В качестве примера можно привести следующие образования: children's coat(180,85) – палтои бачагона; ифтихори падар(155,123) - father's pride; stepmother's cruelty(195,324) - золимии модари ӯгай; лонаи парранда (169,267) - bird's nest (*перевод информантов*);

В этих конструкциях сопоставляемых языков притяжательное отношение усложняется квалификативным отношением, о чём могут свидетельствовать трансформации вышеуказанных образований: children's

coat – палтои бачагона = the coat is for children – Ин палто барои бачагон аст;
ифтихори падар – father’s pride = падар ифтихорманд аст - father is pride;
stepmother’s cruelty – золимии модари ӯгай = the stepmother is cruel – модари
ӯгай золим аст.

В сопоставляемых языках в качестве квалифицируемого предмета могут выступать не только одушевленные, но и неодушевленные имена существительные. Например: Зебогии табиат (151,78) – nature’s charm;
зебогии духтар (151,95) – the girl’s charm.

О наличии квалификативной семантики между компонентами словосочетаний этих двух языков могут свидетельствовать следующие трансформации: зебогии табиат = табиат зебост- nature’s charm = the nature is charming; зебогии духтар – духтар зебост, the girls’ charm - the girl is charming.

5. Между компонентами рассматриваемых конструкций сопоставляемых языков может существовать, наряду с посессивным значением, отношение состояния. В английском языке второй компонент, а в таджикском языке первый компонент рассматриваемой конструкции обозначает некое состояние, в котором находится субъект. Например: хоби Эргаш (151,319)– Ergash’s sleep; бемории Курбон (155,333)– Qurbon’s illness; Mr.Smeeth excitement (189,163) – ошуфтаҳолии чаноби Смит; the young man’s jealousy(187,160) - бадрашкии чавонмард (*перевод информантов*);

Для подтверждения наличия обобщенного отношения между компонентами подобных конструкций можно использовать трансформационный метод, т.е. эти номинативные конструкции можно заменить соответствующими предикативными образованиями: Хоби Эргаш = Эргаш хоб аст; Ergash is sleep = Ergash is asleep или Ergash is sleeping; бемории Курбон = Курбон бемор аст, Qurbon’s illness = Qurbon is ill; The young man’s jealousy = the young man is jealous, бадрашкии чавонмард = чавонмард бадрашк аст;

Как видно из этих трансформаций, существительные, функционирующие как прилагательное, обозначают состояние предметов, которые номинируются вторым компонентом этих образований.

6. Посессивные конструкции сопоставляемых языков, состоящие из двух имён существительных, обозначающих конкретные предметы, могут выражать понятие предназначенности какого-либо предмета какому-либо лицу. Поэтому в английском языке первый компонент таких образований выражается именем существительным, обозначающим лицо. В качестве таджикского эквивалента таких существительных английского языка выступают большей частью относительные прилагательные или имена существительные, указывающие на лицо. Они вопреки английскому языку, занимают вторую позицию в структуре посессивных конструкций. Например: Officer's cap – сарпӯши афсарӣ; student's hostel – хобгоҳи донишҷӯён (донишҷӯӣ); boy's book – китоби бачагона;

Предназначенность одного предмета другому ярко ощущается при трансформации данных примеров в предложную конструкцию с предлогом *for* – барои. Officer's cap = a cap for officers, кулоҳи афсарӣ – кулоҳ барои афсарон; students' hostel = a hostel for students, хобгоҳи донишҷӯён, (донишҷӯӣ) - хобгоҳ барои донишҷӯён; boys' book = a book for boys, китоби бачагона - китоб барои бачагон;

7. В английском языке встречаются образования типа New York's sights – тамошоҷойҳои Нью-Йорк; England's newspapers – рӯзномаҳои Инглистон; Dushande's image – симои Душанбе; the dissert's birds – парандагони биёбон;

Употребление форманта -'s с неодушевленными существительными представляет собой необычное явление для английского языка, но подобные образования встречаются в устной и письменной речи англичан. Очевидно, такое употребление -'s является продуктом более позднего развития современного английского языка, а в таджикском языке эквиваленты этих конструкций английского языка не отличаются от эквивалентов конструкций, в которых -'s употребляется с одушевленными существительными.

И.В. Тропинова между компонентами таких конструкций находит локативное отношение [99,84] Нам представляется, что здесь нельзя говорить о локативном значении в полном смысле этого слова, так как в её примерах типа «England's lands, Denmark's Image» и «the city's center» значение локативности отсутствует. Эти два примера можно трансформировать следующим образом: England's lands = the lands which refer to England; Denmark's Image = The Image which is inherent to Denmark, the city's center = the center part of the city. Поэтому нам представляется, что здесь следует говорить о реальной принадлежности какого-либо предмета неодушевленному предмету. Такая принадлежность может быть большей частью отторжимой. Таджикские эквиваленты этих английских конструкций также проявляют значение конкретной принадлежности. В частности, словосочетания «England's lands, Denmark's Image, the city's center» переводятся на таджикский язык - заминҳои Инглистон, симои Дания, маркази шаҳр. Из этих переводов видно, что первый компонент приведённых конструкций обозначает некий предмет, который принадлежит другому предмету. У словосочетаний с существительными «lands» и «center» незначительно проявляется значение локативности, которое привносится лексическим значением этих слов, а не структурой всего словосочетания. В словосочетании «Denmark's Image»- симои Дания вовсе отсутствует локативное значение, так как у содержательной структуры слова «Image - симо» отсутствует понятие локативности.

8. В английском языке встречаются случаи, когда -'s употребляется с существительным, обозначающим единицу времени или пространство. В таких конструкциях значение принадлежности доводится до минимума. На передний план выносятся обстоятельственное значение или значение тождества [14,90-91]. Например: a half miles' drive (175,40)- ҳаракати ним-мила; their day's work (182,119) - кори якрӯзаи онҳо; at arm's length(187,145) - дар масофаи як қади даст; Night's candles (195,134) - шамъҳои шабона. В этих примерах благодаря наличию имён существительных, обозначающих

время или дистанцию, между компонентами возникает темпоральное локативное отношение. В таджикском языке в этих примерах -'s передаётся изафетом *-и*, а существительные, обозначающие время или расстояние, передаются либо именем существительным, либо относительным прилагательным.

Нам представляется, что ввиду ничтожности посессивной семантики структуры этих словосочетаний, их следует разместить на периферии ФСК притяжательности.

Близки к этим конструкциям образования типа *today's newspaper* – *рӯзномаи имрӯза*, *tomorrow's task* – *вазифаи фардоина*, *sunday's sermon* – *вазъгӯии якшанбегӣ*; В английском языке в таких конструкциях в качестве подобного компонента выступает не существительное, а наречие, которое заменяется в таджикском языке прилагательным. И в этих образованиях значение посессивности занимает мизерную долю.

9. Согласно И.В Тропиновой, в пределах структуры $N_1^s N_2$ можно выделить некоторые понятия, такие как: 1) физическая характеристика субъекта: *father's health* – *саломатии падар*, *the uncle's weakness* – *хастагии амак*; 2) интеллектуальные возможности субъекта: *the poet's talent* – *истеъдоди шоир*, *the teacher's knowledge* – *дониши омӯзгор*; 3) характеристика психико-эмоциональной сферы: *Marry's mood* – *табъи Мэри*, *doctor's excitement* – *таачуби духтур*.

10. Между компонентами рассматриваемой конструкции сопоставляемых языков может существовать такое отношение, которое указывает на происхождение объекта обладания. Например: *mother's present* – *тӯҳфаи модар*; *Germany's cars* – *автомашинаҳои истеҳсоли Олмон*; *The sun's rays* – *нурҳои офтоб*; Подтверждением данной мысли могут служить следующие трансформации этих конструкций: *mother's present* = *The present was given by mother*, *тӯҳфаи модар* = *тӯҳфаро модар додааст*; *Germany's cars* = *cars were produced by Germans*, *автомашинаҳои истеҳсоли Олмон* = *мошинаҳо дар*

Олмон истехсол шудаанд; sun's rays = the rays comes from the sun, нурҳои офтоб = нурҳо аз офтоб медурахшанд;

11. Рассматриваемые конструкции сопоставляемых языков могут служить также для выражения описательного значения. Например: a women's college – коллежи занона; children's garden – боғи бачагон;

В названных конструкциях сопоставляемых языков выражается не идея обладания, а идея предназначенности какого-либо объекта определенному классу лиц.

В английском языке встречаются случаи, когда друг за другом два существительных принимают -'s. В этом случае субъект обладания, согласно И.Х. Рустамову, одновременно выступает и объектом обладания для другого субъекта, т.е. образуется цепочка последовательного притяжательного подчинения. [87] Например: ...he could tell of that boy's father's death (178,46) – ӯ метавонист дар хусуси марги падари он бача маълумот диҳад (*перевод информантов*); We arrived at Jim's mother's place (192,213) – Мо ба манзили модари Чим расидем (*перевод информантов*); Fleur's father's first wife had been very foolish (179,156) – зани якуми падари Флер ҷоҳил буд (*перевод информантов*).

В образованиях этого типа первое существительное английского языка обозначает обладателя второго предмета, номинируемого вторым существительным, которое функционирует, в свою очередь, в качестве посессора следующего за ним предмета, обозначаемого третьим существительным.

В таджикском языке широко распространены конструкции подобного типа. Если в английском языке в образовании посессивной конструкции участвуют три имени существительного, то в таджикском языке число таких существительных может достигать пяти – шести или более: донишҷӯи Донишгоҳи шаҳри Хучанди Ҷумҳурии Тоҷикистон. Перевод указанных многокомпонентных посессивных конструкций английского языка на

таджикский язык следует начинать с последнего компонента конструкций.
John's uncle's brother – бародари амаки Чон.

В этих английских конструкциях и их таджикских эквивалентах явно выражается идея посессивности.

В английском языке встречаются и случаи, когда два существительных употребляются в функции однородного члена предложения. В таких случаях, по данным И.Х. Рустамова [87,59], оба члена могут иногда принимать -'s, либо -'s добавляется ко второму существительному. Например:

1. We visited Peak and Pike's typewriter factory last week (129,134) -
Ҳафтаи гузашта мо ба фабрикаи истехсоли мошинкаи чопии Пик ва Пайк
ташриф овардем (*перевод информантов*).

2. So Cowperwood and Rita's state was quite comfortable. (177,432) –
Ҳамин тавр, ҳолати Коппервуд ва Рита комилан ором буд (*перевод
информантов*).

3. ....He went straight up to his mother's and father's bedroom (180,56) - Ў
рост ба хобгоҳи модар ва падараш рафт (*перевод информантов*).

4. I sit here in my room in Rose's and Lawford's house (174, 67) - Ман дар
ин ҷо дар як хучраи хурд, дар ҳавлии Роуз ва Лофорд сукунат дорам (*перевод
информантов*).

Как явствует из переводов этих конструкций, в таджикском языке
изафет **-и** всегда используется один раз, и прибавляется к
существительному, обозначающему не субъект, а объект обладания,
который, вопреки английскому языку, занимает первую позицию в структуре
подобных словосочетаний. Сравните:

..... He went straight up to his mother's and father's bedroom (180,56) - Ў
рост ба хобгоҳи модар ва падараш рафт (*перевод информантов*).

В составе подобных конструкций таджикского и английского языков -
's и изафет **-и** служат для выражения реальной принадлежности.

В английском языке употребляются также конструкции, которые
содержат и предлог «of», и «-'s» или «of» с абсолютной формой

притяжательных местоимений. Например: a neighbor of Mr. John's – яке аз хамсояғони ҷаноби Ҷонс; a friend of mine – яке аз дӯстони ман.

В указанных конструкциях в качестве посессора выступает второе имя существительное, употребляемое с -'s или абсолютной формой притяжательного местоимения. В качестве номинанта предмета обладания выступает существительное, стоящее перед предлогом *of*. Употребление такой конструкции преследует коммуникативные цели, т.е. внимание слушающего акцентируется на предмете обладания, если скажем Mr. John's neighbor, то выделяется субъект обладания *John*. А в образовании a neighbour of Mr. John – *A neighbor* составляет рему высказывания. То же самое можно сказать, в отношении к конструкции *a Friend of mine*, где *a friend* носит выделительную функцию, т.е. один из моих друзей.

Наш фактологический материал из сопоставляемых языков, свидетельствует о том, что и первый, и второй компонент рассматриваемой конструкции сопоставляемых языков могут определяться другими лексико-грамматическими классами слов. Эти модификаторы могут иметь облигаторный или факультативный характер. В качестве таких модификаторов могут выступать следующие разряды слов:

1. Имя прилагательное: His eldest son's anger rose so high at these objections (191, 40) – Аз ин эътироз ғазаби писари калониаш хеле баланд шуд (*перевод информантов*).

Здесь прилагательные «*eldest*» и «*калонӣ*» модифицируют существительные «*son*» и «*писар*» и выступают в качестве облигаторных компонентов эквивалентных словосочетаний сопоставляемых языков. Они являются облигаторными потому, что опущение слов «*eldest*» и «*калонӣ*» приведёт к тому, какой из сыновей данного лица (**his**) имеется ввиду;

2. Имя числительное: After Paul's fifth birthday the family moved to Wortley (172, 8) – Баъди панҷумин мавлуди Паул, ин оила ба Вортли кӯчид (наш перевод). В этом примере числительное «*fifth – панҷум*» является полуоблигаторным модификатором, так как при его опущении предложение

не теряет свой общий смысл, но остаётся непонятным, в каком возрасте Паула их семья переехала на другое место.

3. Различные виды местоимений, среди которых наиболее часто употребляются притяжательные местоимения английского языка и их таджикские эквиваленты. Например:

When we came here I took my farher's name of Burgess (172,9) – Вақте ки мо ба ин чо омадем, ман номи падарам – Бӯргесро қабул кардам.

Здесь английский *my* и таджикский формант – ам (падарам) можно легко опустить. Поэтому эти единицы являются факультативными модификаторами;

4. Английское причастие I и его таджикский эквивалент причастие одновременности: All of a sudden Ann's running son fell down (195, 65) – Ногаҳон писари давидаистодаи Анна ба замин афтид (*перевод информантов*).

В этом примере причастия «*running*» и «*давидаистода*» составляют факультативные модификаторы соответствующего компонента посессивных конструкций сопоставляемых языков.

5. Причастие II английского языка и его таджикский эквивалент причастие предшествования или имя прилагательное: The woman did not like her daughter's unexpected question (182, 98). – Ба зан ин саволи ғайричашмдошти духтараш маъқул нашуд. В данных примерах причастие unexpected и прилагательное ғайричашмдошт модифицируют слова question и савол. Они являются необлигаторными модификаторами.

2.3. Реализация значения посессивности местоимениями в таджикском и английском языках

В английском языке функционирует особый разряд местоимений, которые служат для выражения категории посессивности. Их называют притяжательными местоимениями. Они имеют две формы: 1) связанная форма; 2) абсолютная форма.

У этих местоимений имеются три лица и два числа. В третьем лице единственного числа обнаруживаются родовые различия. Эти местоимения приводятся в следующей таблице.

Единственное число		Множественное число	
Связанная форма	Абсолютная форма	Связанная форма	Абсолютная форма
I лицо My	Mine	Our	Ours
II лицо Your	Yours	Your	Yours
III лицо His(муж.род), о лицах	His	Their	Theirs
Her(жен.род), о лицах	Hers		
Its о нелицах	Its		

Иллюстрируем эти местоимения в составе предложения.

Единственное число

I. He always forgets my birthday (185, 819).

I think that book is mine (185, 787).

II. Do you like your new job? (185, 787)

Is that book yours? (185, 1488)

III. He claims it was his idea (185, 590).

Learning to ski has always been an ambition of his (185, 590).

Fiona has broken her leg (185, 583).

My mother has a lot of hats so I borrowed one of hers (185, 583).

We wanted to buy the table, but its surface was damaged (185, 667).

Абсолютная форма этого местоимения не употребляется.

Множественное число.

I. Our youngest child is six (185, 975).

Their house is similar to ours, but ours has a big garden (185, 875).

II. Второе число множественного числа совпадает со вторым лицом единственного числа.

III. Their own car is being mended this one is hired (185, 1329).

It's a favorite place of theirs (185, 1329).

Разница между связанной и абсолютной формой притяжательных местоимений заключается в том, что связанная форма употребляется всегда с субстантивным словом, подобно прилагательному, и находится с этим субстантивным словом в атрибутивном отношении, заключающемся в указании на принадлежность какого-либо предмета, говорящему (говорящим), слушателю (слушающим) или лицу (лицам), не участвующим в беседе. Поэтому данную форму называют адъективной формой, и здесь речь идёт об адъективном притяжательном местоимении.

Абсолютная форма притяжательных местоимений употребляется самостоятельно. Она может выполнять функцию подлежащего (Your book is old. My is new), дополнения (My pencil has broken, I take yours), предикативной части (This book is hers). Такая форма может употребляться с предлогом (I saw her a friend of yours). Как видим, она функционирует как имя существительное, поэтому её называют субстантивной формой притяжательного местоимения.

В качестве средства выражения значения притяжательности широко употребляется связанная форма притяжательных местоимений английского языка. Например:

You can see that my beard is too young to trim a mantle with (188,31).

..... and he made his horse swim over the river (188,52).

“Sir, shall your son Arthur be king after you?” (188, 18).

Then both took their shields and fought together (188,52).

We stayed two days at streatley, and got our clothes washed (186,191).

В первом примере между словами «beard» и «my» имеются посессивные отношения, заключающимися в указании на отнесенность бороды говорящему. Также во втором примере между словами horse и his имеются

посессивные отношения, т.е. речь идёт о принадлежности коня лицу, не участвующему в беседе. В третьем предложении между словами son и your имеются посессивные отношения. Местоимение «you» указывает на принадлежность сына говорящему. В четвёртом предложении слова their и shields образуют словосочетания с посессивным отношением. Здесь имеется ввиду принадлежность щитов двум лицам (both), не участвующим в беседе. В последнем примере конструкция our clothes обозначает принадлежность одежды говорящим.

Следует отметить, что в таджикском языке нет особого разряда слов под названием «притяжательные местоимения». Отношение принадлежности в таджикском языке выражается четырьмя способами:

1. При помощи личных местоимений (ман- I, ту-You, ӯ – He, she, вай – he, she, it, мо – we, шумо – you, онҳо – they), которые располагаются после имени существительного и связываются с ним при помощи изафета **-и**, в результате чего образуется субстантивное словосочетание с атрибутивным отношением. Содержанием этого отношения является указание на принадлежность какого-либо предмета или предметов говорящему (говорящим), слушателю (слушающим) или лицу (лицам), не участвующим в беседе. Например:

Ана, Асои ман хам гоҳо ду шабу ду рӯз, се шабу се рӯз ғоиб шуда меравад.(150, 19)

-Чаро духтари ту мешудааст?! (150, 37)

Фурсате аз миён рафт ва нохост чашми ӯ ба касе афтод..... (169,201)

Ангишткан қоҳ- қоҳ хандид, чавони беларус аз чашмони вай тарсида рӯяшро ба тарафи дигар гардонд (169,348).

Дар қишлоқи мо одами хатнок нест (147,76).

-Баъзе вақт кори хайр хам кардан даркор, - гуфт ӯ,- ахлию улфатии шумо (ду акою укои меҳрубон. - Ш.С) маро ҳайрон кард (169,92).

Ба колхозии онҳо як нафар марди Бухороӣ, Маъруф Маҳдизода раис таъйин гашт (164,32).

В высоком стиле речи вместо «онҳо» может употребляться местоимение третьего лица множественного числа «онон»:

Гӯё калонон ба ҷаҳон нишон додан мехостанд, ки мамлакати онон аз ҷанг харобу беҳол нагаштааст, балки ба сохтмони ҷунин иншооти азим қодир аст (164,86)

В этих примерах существительные «Асо, духтар, чашм, чашмон, қишлоқ, аҳлию улфатӣ, колхоз» и «мамлакат» являются первыми компонентами посессивных конструкций, и они обозначают предметы обладания. А личные местоимения «ман, ту, ӯ, вай, мо, шумо, онҳо» и «онон» обозначают посессоров благодаря изафету **-и**, который связывает их с соответствующими существительными. Нам представляется, что изафет **-и**, кроме своей связочной функции, выполняет и другую функцию – функцию выражения отношения притяжательности, так как местоимения, входящие в состав этих посессивных конструкций, без изафета – **и** не могут выражать понятие посессора.

В качестве эквивалентных структур этих образований выступает и сочетание связанной формы притяжательных местоимений английского языка с каким-нибудь именем существительным. Для подтверждения сказанной мысли переводим эти словосочетания таджикского языка на английский язык:

Асои ман – my Aso

Духтари ту – your daughter

Чашми ӯ – his (her) eye

Чашмони вай – his (her) eyes

Қишлоқи мо – our village

Аҳлию улфатии шумо – Your harmony and friendliness

Колхозии онҳо – their collective farm

Мамлакати онон – their country

Следует отметить, что в таджикском языке, в отличие от английского языка, у личных местоимений III лица нет форм рода, а дифференцируется

значение лица и нелица, т.е. «ў» и «вай» замещают лицо, а «вай» указывает и на лицо и на нелицо. Кроме того, подобно английскому языку, слово «шумо» употребляется в отношении и одного лица и больше одного лица.

2. При помощи особых формантов, которые в источниках по таджикскому языку называются либо энклитическими местоимениями, либо лично-притяжательными связочными местоимениями (бандакчонишинҳои шахсӣ - соҳибӣ). Ещё раз подчеркиваем, что эти единицы, о которых пойдёт речь ниже, никак нельзя считать местоимениями, что подробно было аргументировано во втором параграфе нашей работы (с.33-34). Эти единицы имеют две функции:

Они указывают на принадлежность, лицо и число.

Они определяют посессора к какому лицу или числу относится предмет обладания, о чем свидетельствуют следующие примеры:

Оҳ, пулакам!...- гӯён бо ҳамон вазъияте, ки ба гӯянда гӯш медод, якпахлӯ ба замин ғалтид (147,176).

Табъат хира барин..... - нафаси чавон гирифта, изтиробӣ дилашро маълум мекард (164, 63).

....Хату саводаш ҳаст, акнун хонданҳо осон_ шудагӣ, ана - мана нагуфта як муаллими доно мешавад (164, 304).

- Биё, корамонро иваз кунем? (164,142)

- Шумоён дер омадетон, бинобар он ҳуччатҳоятонро ба архив супоридем (169, 176).

Гумонашон Сталин мурад, авзои замон тағйир меёбад (164,142).

Следует отметить, что морфема **-атон** употребляется не только для указания на принадлежность предмета собеседникам, но и по отношению к одному лицу, которая связана с этическими соображениями, т.е. служит для выражения уважительного отношения к собеседнику.

Эти морфемы притяжательности таджикского языка передаются в английский язык посредством связанной формы притяжательных

местоимений, для подтверждения чего даём перевод таджикских словоформ, обозначающих понятие посессивности.

Пулакам – my money

Табъат – your mood

Саводаш – his (her) literacy

Корамон – our work

Хуччатҳоятонро – your documents

Гумонашон – their mind

Как явствует из этих примеров и их переводов на английский язык, морфема **-ам** указывает на принадлежность предмета говорящему, морфема **-ат** обозначает принадлежность предмета одному собеседнику, морфема **-аш** является показателем принадлежности какого-либо предмета к одушевленному или неодушевленному предмету. Формант **-амон** выражает принадлежность говорящим. А форманты **-атон** или **-ятон** указывают на то, что предмет относится к одному собеседнику при уважительном обращении или к собеседникам. Морфема **-ашон** или **-яшон** является формантом притяжательности указывающим на принадлежность предмета к лицам, не участвующим в беседе.

Возникает вопрос: «В чём разница между образованиями типа «дасти ман» и «дастам» в смысловом плане?» Как отмечает К.Усмонов, в конструкции «дасти ман» акцентируется местоимение ман, а при «дастам» выделяется слово «даст». Эти два смысла передаются на английский язык при помощи логического ударения. При переводе «дасти ман» на английский язык слово «my» получает логическое ударение, а при переводе «дастам» такое ударение ставится на слово «hand» [101,48].

3. В таджикском языке функционирует одно возвратное местоимение «худ», которое является русским эквивалентом местоимения «свой». Это местоимение ставится после имени существительного и связывается с ним при помощи изафета **-и**. Данное местоимение в образованиях типа «китоби худ» не дифференцирует отнесенность или принадлежность предмета тому

или иному лицу или лицам, т.е. «китоби худ» означает и *my book*, и *your book* и *her book*, и т.д., поэтому принадлежность тому или иному лицу определяется либо по окончанию лица и числа глагола-сказуемого, либо по форме подлежащего.

Лекин дар ин маҷлис ҳозир аз хусусҳои дигар, аз дарди дили худ гуфтани ҳастам (168,346).

Насихататро ба хамдеҳағони худ бигӯй, ки монанди рамаи гӯсфанд ба кучо ҳай кунӣ, рафтан мегиранд (168,59).

ӯ таҷриба ва ҳикмати авлод ба авлод гун кардаи халқи худро хуб медонист ва бо ҳамин мантиқ, ба дили ҳар як ҳамсӯҳбати худ нур мепошид....(164,77)

Мо бо хоҳиши худ ба Шӯроб омадем (169,59).

Шумо дар кори худ бояд масъулият ҳис кунед (165,42).

Гурзамар барин ин бекасон бачаи парвардаи худашонро мехӯранд (164,95).

Как видно из этих примеров, во всех подчеркнутых посессивных конструкциях посессор выражен местоимением «худ». Однако предмет обладания относится к разным лицам. В частности, в первом примере обладателем является первое лицо, о чём сообщает морфема глагола-сказуемого *-ам*. Во втором примере предмет «хамдеҳағон - односельчане» относится ко второму лицу, что определяется морфемой лица глагола-сказуемого «бигӯй», где употреблена нулевая морфема, обозначающая второе лицо единственного числа повелительного наклонения. В третьем примере обладателем выступает лицо, не участвующее в беседе, что исходит из формы подлежащего «ӯ» и форманта лица глагола-сказуемого *-ист*. В четвёртом примере посессором являются говорящие, о чём сообщают подлежащее «Мо» и формант *-ем* глагола-сказуемого. В пятом предложении «кор-работа» относится к собеседникам, что определяется формой подлежащего «шумо» и показателем лица и числа глагола – сказуемого *-ед*. В последнем примере посессор определяется на основе формы подлежащего «нокасон - подлещы» и морфемой лица и числа глагола-сказуемого *-анд*.

Следовательно, в первом примере словосочетание «дили худ» переводится на английский язык «my heart», во втором примере «хамдехагони худ» должно переводиться your countrymen, в третьем примере «халки худ» должно переводиться на английский язык «his people», в четвёртом примере «хохиши худ» следует переводить «our will» (desire), в предпоследнем примере конструкцию «кори худ», следует переводить «your job», в последнем примере слово «бачагони худ» переводится «their children».

Возникает вопрос: «Какая разница между двумя предыдущими и последним способом выражения посессивности в таджикском языке?» Нам представляется, что в последнем случае акцентируется слово «худ», поэтому его называют в таджикском языке чонишини нафсӣ-таъкидӣ, которое означает возвратно- выделительное или подчёркивающее местоимение. Нам представляется, что при использовании «худ» в качестве адъюнкта субстантивных словосочетаний целесообразнее называть его притяжательно- возвратным местоимением.

4. В таджикском языке для выражения принадлежности употребляется конструкция, которая похожа на конструкцию третьего типа с местоимением «худ», но к этой конструкции добавляются морфемы притяжательности таджикского языка: китоби худам – my book, китоби худат - your book, китоби худаш – his (her) book, китоби худамон – our book, китоби худатон – your book, китоби худашон – their book. Здесь происходит как бы двойное выражение значения притяжательности, т.е. при помощи и местоимения «худ», и суффикса притяжательности. Дублирование значения притяжательности преследует, очевидно, две цели: с одной стороны, сильно подчёркивается принадлежность какого-либо предмета тому или иному лицу, и, с другой стороны, снимается неопределенность значения местоимения «худ», т.е. при добавлении к местоимению «худ» форманта притяжательности появляется возможность без обращения к форме

подлежащего или к морфеме лица и числа глагола – сказуемого точно определить субъект обладания. Сравните:

Ман ин ниҳолҳоро бо дастони худ шинондам (165,64).

Ман ин ниҳолҳоро бо дастони худам сабзонидам (165,66).

Эти предложения на английский язык переводятся по-разному:

Ман ин ниҳолҳоро бо дастони худ шинондам – I planted these seedlings myself. Ман ин ниҳолҳоро бо дастони худам сабзонидам – I cultivated these seedlings with my own hands.

Вот ещё два примера двойного выражения значения притяжательности:

Ман инро ба одамони худамон мегӯям (169,456).

Аммо кори худатон чӣ мешавад? (169, 456)

Первое предложение переводится на английский язык следующим образом:

I shall tell about it to our own people.

Второе предложение следует переводить так:

What will be with your own job?

Как свидетельствует наш фактологический материал, морфема притяжательности при её прибавлении к возвратному местоимению «худ» передаётся на английский язык при помощи слова «own». У прилагательного «own» также имеется усилительное значение. Поэтому права И.М.Сушкова, которая отмечает, что английскому прилагательному «own» присуще усилительное значение, когда данному слову предшествует притяжательное местоимение, и в этой функции «own» передаётся на русский язык при помощи слова собственный [95,54].

Теперь переходим к анализу употребления притяжательных местоимений английского языка и их таджикских эквивалентов с различными семантическими разрядами имен существительных.

Местоимение первого лица единственного числа «му» и его таджикские эквиваленты **....-и ман, -ам, худам** указывают на наличие посессивного отношения между каким-либо объектом и говорящим лицом. Например:

How that personage haunted my dreams, I need scarcely tell you (191,11). - Ин дарёнаварди якпоя ҳатто шабҳо ба хобам медаромад (160,6).

The thought had been mingled in my nightmares with that of the onelegged seafaring man (191, 14). - Дар хобҳои воҳиманоки ман ин сандуқ аксар вақтҳо бо ҳамроҳи дарёнаварди якпоя дар пеши назарам пайдо мешуд (160,10).

А местоимение первого лица множественного числа «our» и его таджикские эквиваленты .....-и мо, -амон (-ямон), худамон указывают на отнесенность какого-нибудь предмета или предметов к некоторым лицам, среди которых есть также и говорящий.

.... And this was for a person who stayed in our house, whom we called the captain (191, 16).- .... Ва ин дастурхон барои мусофири мо, ки ӯро мо капитан меномем, паҳн карда шудааст (160,13).

Our chimney was a square hole in the roof (191,131).- Дудкаши мо шикофии чоркунчае буд дар бом (160,140).

Притяжательное местоимение второго лица единственного и множественного чисел «you» и его таджикские эквиваленты – и ту, (-и шумо), - ат (-атон), худат (-худатон) служат для выражения принадлежности объекта собеседнику или собеседникам. Следует отметить, что во втором лице единственного числа и в отношении одного собеседника, и в отношении нескольких лиц английский язык использует одно и то же местоимение «you». Например: And your poor father sick! (191,20) - Бар акси кор падари бечораат бемор хобидааст (160,18).

...."I'll put your name in the log, you have stood by your duty like a seamen" (191,142) -.... Ман номи туро ба дафтари киштӣ хоҳам навишт. Ту вазифаи худро, чӣ тавре ки ба дарёнавард лоиқ аст, ичро кардӣ (160,150).

"Hawkins, help yourself, and back to your post to eat it" (191,142). - Гокинс, авқотатро гирифта дар пости худ бихӯр (160,151).

Притяжательные местоимения третьего лица единственного числа his,her,its и их таджикские эквиваленты – и ӯ(вай), -аш, худ(худаш), в

составе субстантивных словосочетаний с атрибутивным отношением служат для выражения принадлежности какого-либо объекта или объектов лицу или предмету, который не участвует в беседе. Следует отметить, что в отличие от английского языка в таджикском языке не разграничивается категория рода. Например: The captain had risen earlier than usual, and set out down the beach, his cutlass swinging under the broad skirts of the old blue coat, his brass telescope under his arm, his hat tilted back upon his head (191, 16). - Капитан аз вақти ҳаррӯзааш пештар аз хоб хеста, ба суи баҳр равона шуд. Аз зери домани васеи камзӯли дарози кабуди чигда- чигдаи ӯ шамшери нозук намоён буд. Ва дар таги бағалаш дурбини якмиларо нигоҳ медошт. Телпакашро ба паси сараш тела дода монда буд (160,13).

Then she passed her hand over her eyes several times, and at last turned back into the house. (191,19) – Баъд аз ин, якчанд бор чашмонашро молиду ба хона баргашт (160,17).

The dog was howling – its paw was hurt (185, 667). – Сағ уллос мекашид, зеро пояш ҷароҳатнок шуда буд.

Притяжательное местоимение «their» и его таджикские эквиваленты ...-и онҳо(онон), - ашон, -и худ (-ашон) указывают на принадлежность какого-либо объекта или объектов лицам, не участвующим в акте речи. Например: Their own car is being mended (185,1329) - This one is hired (185,1329) = Автомашинаи худашон таъмир шуда истодааст – Ин автомашина ба ичора гирифта шудааст (наш перевод).

The silly fellows must have thought they would break their shins over treasure (191, 96). – Ин ҷавонони беақл шояд фикр карда бошанд, ки аз паси ин ҷавҳар соқи пояшонро мешикананд (160,103) (перевод информантов).

Данные притяжательные местоимения английского языка и их таджикские эквиваленты в структуре посессивных конструкций выполняют две функции:

1. Они служат для выражения значения принадлежности того или иного объекта или объектов какому-либо лицу, который входит в их

категориальное значение. Например: my house – хавлии ман. Здесь «ту» а также «...– **и ман**» сообщает о том, что этот дом принадлежит мне.

2. Они выполняют связующую функцию, т.е. отсылают слушателя или читателя к предшествующему контексту, где упоминается денотат существительного, к которому принадлежит объект, номинируемый притяжательной конструкцией. Например:

The captain glared at him for a while, flapped his hand again (191, 14) – Капитан ба $\bar{u}$ сахт-сахт нигоҳ кард, баъд аз он, боз мушташро ба стол зад (160,11).

I take up my pen in the year of grace 17 – and go back to the time when my father kept the “Admiral Benbow” inn, and the brown old seamen, with the sabre-cut, first took up his lodging under our roof (191,7) – Инак, дар ҳамин соли 17.... ман қалам ба даст мегираму фикран ба ҳамон замоне, ки падарам соҳиби майхонаи «Адмирал Бенбоу» буд бармегардам, ки он вақт дар он майхона дарёнаварди кӯхнаи рангсӯхтаи дар гарданаш доғи шамшердор манзил гирифта буд (160, 3).

...and we and the people who came about our house soon learned to let him be (191,8) – Дар андак муддат мо ва меҳмонҳоямон ин хислати $\bar{u}$ ро фаҳмида, $\bar{u}$ ро ба ҳоли худ ором мегузоштагӣ шудем (160,5).

В первом примере «his hand» самостоятельно не обозначает, конкретно кому принадлежит «рука», для выяснения обладателя руки приходится обратиться к началу предложения, где стоит существительное «captain», и денотат этого существительного является обладателем руки. Это значит, что «his» отправляет читателя назад, и это называется её анафорической функцией. Благодаря анафоре устанавливается связь между частями предложения или дискурса.

Таковую же функцию выполняет местоимение «ту» во втором примере, оно также отсылает читателя к носителю предметов «ручка» и «отец», которым является говорящий (I).

В третьем примере для выяснения отнесенности «дома» (house) следует обратиться назад, т.е. к началу предложения, где имеются слова «we» и «the

people» к которым относится «дом». Поэтому права И.М.Сушкова, которая пишет: «Притяжательные местоимения (их таджикские соответствия - Ш.С.) употребляются как средство дейксиса и анафоры. В тексте притяжательное местоимение, будучи дейктическим средством, всегда соотносит именную группу с контекстом или ситуацией, эксклицитно указывая на элементы контекста или ситуации и, таким образом, вводит дополнительное указание на актанта».

Наш фактологический материал показывает, что притяжательные местоимения и их таджикские соответствия употребляются не со всеми семантическими разрядами имен существительных, в частности, нельзя говорить «*my weather* – обу ҳавои ман, *his peace*- сулҳи ӯ, *our wolf* - гурги мо» и т.д. Они образуют посессивные конструкции с несколькими семантическими разрядами имен существительных:

1) с существительными, обозначающими родственные и социальные отношения. Например: *My father* kept the “Admiral Benbow” inn (191,7) – Падарам соҳиби майхонаи «Адмирал Бенбоу» буд (160,7)

“Well”, he said, “*my mate* Bill would be called the captain, as like as not”(191,16) – Хайр охир,-гуфт ӯ,- рафиқи ман штурман Биллиро капитан ҳам номидан мумкин аст (160,12-13).

My mother and I were kept busy enough, without paying much regard to *our* unpleasant *guest* (191, 15). – Ман ва модарам серкор будем ва ба мусофири ногуварамон хеле кам диққат медедем (160, 12);

2) с названиями домашних животных. Например: I won £10 on *my dogs* (185,356).- Ман тавассути сағҳоям 10 фунт фоида ба даст овардам.

Soon *his horse* came to the door, and he rode away (191,15) – Бо зудӣ аспи ӯ ба назди дар омад ва ӯ савор шуда рафт;

3) с существительными, обозначающими части тела. Например:He sank daily, and my mother and I had all the inn upon *our hands*; and were kept busy enough, without paying much regard to our unpleasant guest (191, 15) - Ахволи ӯ рӯз то рӯз бадтар мешуд.Майхонаро саришта кардан ба гардани ман ва

модарам афтод. Кор хеле бисёр буд ва мо ба мусофири ногуворамон хеле кам диққат мекардем (160,12).

The expression of his face as he said these words was not at all pleasant (191,17).–

Лекин симои ӯ дар вақти гуфтани ин суханҳо тира буд (160,14).

4) с именами существительными, обозначающими конкретные предметы, которыми может обладать лицо. Например: I remember the appearance of his coat which he pathed himself upstairs in his room, and, which, before the end, was nothing but pathes (191,13) – Нағз дар хотирам ҳаст, ки камзӯли дарози ӯ чӣ гуна чиғда – чиғда шуда буд, дар хонааш нишаста даридаҳои вайро дӯхта, ямоқ мекард, лекин дар охири охирон камзӯлаш лагтаи кӯҳна шуда монд (160,10).

We'll put it, for argument like, that your captain has a cut on one cheek – and we'll put it, if you like, that cheeks the right one (191,16-17) – Капитани шумо ҳам дар рӯяш доғи шамшер дорад. Ва айнан дар тарафи росташ (160,14).

One of the coks of his hat having fallen down, he let it hang from that day, though it was a great annoyance when it blew (191,13) – Як лаби кулоҳи ӯ овезон шуда монда буд; дар вақти шамоли сахт ин хеле ноқулай бошад ҳам, капитан вайро ҳамин тавр дуруст накарда мемонд (160,8);

5) с существительными, обозначающими неконкретные примеры, которым не может обладать субъект. Например: If you do not put that knife this instant in your pocket I promise, upon my honour, you shall hang at the next assizes (191, 15). - Агар шумо худи ҳозир ин кордро ба кисаатон руст нақунед, ба вичдонам қасам ки шумо баъд аз аввалин сессияи суди сайёри мо ба дор қашида мешавед (160,11). His stories were what frightened people worst of all (191, 12). - Лекин ҳикояҳояш аз худаш ҳам воҳиманоктар буданд (160, 7). I am sure the annoyance and the terror he lived in must have greatly hastened his early and unhappy death (191,13). - Ман шубҳае надорам, ки ин ҳаяҷонҳо ва ин воҳимаҳо марги бемаҳал ва аламноки падарамро хеле наздик карданд (160,8). I was very uneasy and alarmed, as you may fancy, and it rather added to my fears to observe that the stranger was certainly frightened himself (191, 17-18).- Ин ба

ман хуш наомад ва хусусан вақте дидам, ки худи шахси ношинос ҳам метарсад, диладро сахл воҳима гирифт (160,15). Suddenly he – captain, that is began to pipe his eternal song (191, 14).- Баногоҳ капитан аррос кашида ашӯлаи хамешагии худро суруд (160,10). It was not very long after this that were occurred the first of the mysterious events that rid us at last of the captain, though not, as you will see, of his affairs (191,15) – Даре нагузашта , якумин воқеа аз ҳамон воқеаҳои муаммодоре, рӯй дод, ки дар натиҷаи он мо дар охир аз капитан халос шудем. Аммо аз худи капитан халос шуда бошем ҳам, чи тавре ки шумо хоҳед дид, аз корҳои серташвиши ӯ халос нашудем.

Таким образом, результаты анализа вышеуказанных посессивных конструкций свидетельствуют о том, что значения этих конструкций определяются семантикой существительного, контекстуальными условиями и описываемой ситуацией.

Теперь следует кратко остановиться на абсолютной форме притяжательных местоимений английского языка и выявить их таджикские эквиваленты. Абсолютные формы притяжательных местоимений (mine,yours,his,her, its, ours and theirs) совсем не похожи на их связанные формы по своей сочетаемости в составе предложения. Они не образуют атрибутивные конструкции и используются самостоятельно, замещая существительное, употребленное ранее или подразумеваемое из ситуативных условий высказывания. Поэтому такую форму местоимения при её употреблении в составе предложения О.Н.Исаева называет самостоятельным посессивом [46,78]. Например: - Whose coat is that? – It is mine. = Он палто аз он кист? – Он аз он ман аст.

В таджикском языке нет подобных местоимений. Такие местоимения английского языка передаются в таджикский язык при помощи конструкций *аз он* *ман*, *аз он* *ту*, *аз он* *ӯ*(*вай*), *аз он* *мо*, *аз он* *шумо*, *аз он* *онҳо*. Например: - Is that book yours?(185,1488) = Он китоб аз он ту-мӣ?(Оё он китоб аз он ту аст?) My address is № 22 Laburnum Close so his must be № 26 (185, 590). = Сууроғай ман кӯҷай Гулдарахти наздик №22 аст, бинобар он аз

они ӯ бояд № 26 бошад. If this isn't Susan's book that one must be hers (185, 583)= Агар ин китоби Сюзан набошад, ана онаш бояд аз они ӯ бошад. Your photos are lovely. – Do you want to see ours?(185,675) = Суратҳои шумо зебо аст. - Шумо суратҳои аз они моро дидан мехоҳед? (наш перевод)

It's a favorite place of theirs (185, 1329) = Ин ҷои дилкаш аз они онҳост.

Во всех этих примерах соответствующие формы лица и числа, абсолютные формы притяжательных местоимений передаются в таджикском языке посредством конструкции *аз они + личное местоимение*. И английский самостоятельный посессив, и таджикская конструкция *аз они + личное местоимение* употребляются вместо какого-либо имени существительного, упомянутого ранее, т.е. вместо «my book», опуская «book», говорят «mine». Следовательно, эти образования английского и таджикского языков служат для замещения какой-либо именной группы.

Следует отметить, что в конструкциях типа «this book is mine. – Ин китоб аз они ман аст». Слово «mine» и его таджикский эквивалент «аз они ман» представляют собой акцентируемые компоненты высказывания.

Как было отмечено выше, самостоятельный посессив сопоставляемых языков замещает какое-либо существительное. В качестве заменяемого имени выступают следующие семантические разряды имен существительных:

1. Существительные, обозначающие антропонимы. Например: What kind of girl was this wife of yours? (179,234) = Ин зани шумо чӣ хел духтар буд?

Как видно из перевода, в таких конструкциях самостоятельный посессив английского языка передаётся в таджикском языке не при помощи оборота *аз они ту ё шумо*, а посредством изафета и личного местоимения. Ср.: This wife of yours – Ин зани шумо.

Как отмечает И.М Сушкова, в таких случаях «выражаются такие типы посессивного отношения родства, социальные связи между объектом и посессором, а также значение морального подчинения объекта посессору»;

2. Существительные, обозначающие части человеческого организма. Например: He was dressed, as I was, in a union suit, and his face and hands, like mine, were stained a butternut brown (187, 181) = $\bar{Y}$ мисли ман либоси тӯёна дар бар дошт, ва рӯю дастонаш чун аз они ман доғдор буданд; (перевод информантов).

3. Существительные, обозначающие конкретные предметы. Например: My flashlight is failing. You'd better take yours (192, 56) - Чароғаки ман нағз кор накарда истодааст, бехтараш аз они худатро гир;(наш перевод)

4. Существительные, обозначающие неконкретные предметы. Например: The selection would be his, so that the advantages would be his (194, 92) – Интихоб аз они $\bar{y}$ ст, аз ин хотир афзалият ҳам аз они $\bar{y}$ ст (перевод информантов)

Как верно подметил К.Усмонов, определенный артикль английского языка иногда выступает для выражения притяжательной определенности. При этом он заменяет притяжательные местоимения. В этих случаях в основном употребляются существительные, обозначающие части тела, а также предметы одежды:

The three of them lifted him by the shoulders (171,36).

He took off the coat.... And hung it on the rack (177, 180)

В подобных конструкциях определенный артикль обычно передаётся в таджикском языке посредством вышеуказанных средств. Ср.: I looked him straight in the eye and didn't say anything (170,20) = Ман рост ба чашмони вай нигоҳ кардаму хомӯш истодам. I was wounded twice .... Once in the arm, the second time in the leg (170,18) = Дар ин муддат ду бор маҷрӯҳ шудам, як бор ба дастам тир расид, бори дигар поям маҷрӯҳ шуд.

Далее он приходит к выводу о том, что разница между сочетаниями с определенным артиклем и притяжательным местоимением заключается в том, что при первом предмет принадлежности представлен не как конкретный, принадлежащий данному лицу, а обобщенно, а при втором - наоборот [100,125-126].

2. 4. Притяжательная конструкция N_1N_2 английского языка и её таджикские эквиваленты

В английском языке значение притяжательности выражается наряду с конструкциями типа N_1sN_2 и N_1ofN_2 посредством сочетания двух имён существительных, связанных путём примыкания. Например: *peasants committee* (174,72). - кумитаи деҳқонон; *California potatoes* (187, 211) – картошкаҳои Калифорния; *baby language* (187,209) – забони кӯдакона; *country ladies*(192, 122)- хонумҳои деҳот; *seminary authorities* (174, 23) – машғулияти амалии масъулон. (наш перевод)

В конструкциях подобного рода первый компонент, выражаемый именем существительным, выполняет атрибутивную функцию и указывает на посессор, т.е. *peasants committee* можно трансформировать в следующие конструкции: *Peasants committee = Peasants' committee*, или *the committee of peasants*; *California potatoes = California's potatoes*, или *potatoes of California*;

Как видно, второй компонент этих конструкций обозначает обладателя, однако, показатель значения посессивности отсутствует, поэтому о данном значении сообщает смысловая связь между составляющими данной конструкции. Из переводов этих конструкций на таджикский язык явствует, что они передаются в таджикском языке при помощи конструкции $N_1^nN_2$. В отличие от английского языка, здесь имеется средство, выражающее значение притяжательности, и им является изафет **-и**. Место расположения компонентов данной конструкции также отличается в сопоставляемых языках. В английском языке посессор занимает первое место, а в таджикском языке - второе.

Наш фактологический материал свидетельствует о том, что в качестве посессора чаще всего употребляются имена существительные, обозначающие конкретные неодушевленные предметы, хотя иногда в качестве такового может выступать существительное, обозначающее лицо. Например:

The Tory and Church patriots were ready to die in defence of a Papist family (192, 483.) – Фидоиёни калисо баҳри ҳимояи оилаи Папист ба мурдан тайёр буданд (*перевод информантов*).

At Petersburg headquarters he must have been given a hearty welcome. (174,103) – Дар ситоди Петербург ӯро аз самими дил қабул карданд. Some called it “The Adams Memorial” (178,200) – Баъзеҳо онро «Ёддори Адамс» меномиданд (*перевод информантов*).

Данная конструкция английского языка и её таджикский эквивалент может выражать отношение части целого. Например: He had to march round the prison square (195,163) – Вай мебоист дар атрофи майдони ҳабсхона рафтуомад кунад (*перевод информантов*).

He had got into conversation with her at the canteen door. (195, 251) – Дар даромадгоҳи ошхона вай ҳамроҳи ӯ сӯҳбате дошт (*перевод информантов*).

Рассматриваемая конструкция сопоставляемых языков может также выражать qualificative отношение. При этом в таджикском языке посессор выражается в форме относительного прилагательного. Например: Letters arrived constantly from the world market (195, 216) – Аз бозори ҷаҳонӣ мунтазам мактубҳо меомаданд.

Women tourists particularly seemed to like these expeditions (195, 275) – Махсусан сайёҳзанон (занони сайёҳ) шояд ин экспедицияро маъқул дониста бошанд (*перевод информантов*).

Следует отметить, что в таджикском языке в отличие от английского широко употребляются относительные прилагательные, и они играют значительную роль в выражении категории посессивности. Например: пагоҳирӯзӣ – morning milk; боғи шаҳрӣ – city garden; машқҳои нимрӯзӣ – midday exercises; либосҳои баҳорона – summer clothes; ҳаммоми занона – women bathroom; нақлиёти шаҳрӣ – city transport;

Как видим, в английском языке вместо имен прилагательных употребляются имена существительные.

Наряду со значением посессивности у рассматриваемых конструкций английского и таджикского языков может проявиться также и субъектное отношение, т.е. один из компонентов конструкций может указать на значение агенса, а второй компонент обозначает объект обладания. Например: The next to that we killed, or practically killed, the climate changes (187, 94). – Пас, баъд аз он мо тағиротҳои обу ҳаворо бадар ва амалан бадар намудем. The contact between Petersburg and the emigre leaders was tenuous (174, 103). - Робитаи байни Петербург ва роҳбарони муҳоҷир кофӣ буд.

В первом предложении конструкцию «climate changes» и его таджикский эквивалент тағйироти обу ҳаво можно трансформировать следующим образом: Climate changes = the climate changes; тағйироти обу ҳаво = обу ҳаво тағйир меёбад.

Как видно, при трансформации слово «climate» и его таджикский эквивалент «обу ҳаво» обозначают исполнителя действия - изменить.

Таким же образом, во втором примере конструкцию emigre leaders и его таджикский эквивалент роҳбарони муҳоҷир можно трансформировать следующим образом: émigré leaders = leaders who emigrated; роҳбарони муҳоҷир = роҳбароне, ки ҳичрат кардаанд;

Это свидетельствует о том, что «leaders» и «роҳбарон» выступают в качестве агенса трансформированной конструкции.

Между компонентами английской конструкции N_1N_2 и её таджикским эквивалентом могут существовать пациентивные отношения. Например: For a time the Communist deputies continued to vote against defence expenditure. (174, 419) – Муддате намояндагони коммунистон зидди хароҷоти дифо овоздиҳиро идома доданд. Trotskiy rejected the proposal to increase tool production (174, 277) – Троцкий таклифи афзоиш додани истеҳсоли яроқро рад кард (*перевод информантов*).

В первом примере слово «defence» обозначает объект обладания, что можно подтвердить при помощи следующей трансформации: defence expenditure = defence was expended, хароҷоти дифо = дифо бо маблағ таъмин

карда мешавад. Такую же функцию выполняет слово «tool» во втором примере, что можно подтвердить следующей трансформацией: tool production = the tool is produced, истеҳсоли яроқ = яроқ истеҳсол карда мешавад.

Между компонентами рассматриваемой конструкции английского и таджикского языков могут обнаруживаться локативные отношения, т.е. первый компонент конструкции указывает на локализацию предмета, называемого вторым компонентом. В таджикском языке слово, обозначающее место, занимает вторую позицию. Например: The Moscow walls were covered with huge portraits (174, 317) – Деворҳои Маскав бо суратҳои калони ӯ пӯшонидани шуда буданд. At school in the Comsomol cells they had learned the stories of those lonely Russian revolutionaries (174,353) – Дар мактаб ва дар зиндонҳои ташкилоти комсомолӣ онҳо таърихи он революционерони бечораи русро омӯхтанд (перевод информантов).

В первом предложении в конструкции «Moscow wall – деворҳои Маскав», наряду с посессивным отношением, чувствуется локативное отношение. Здесь слово «Moscow - Маскав» указывает на локализацию стены. Таким же образом, во втором примере в конструкции «Comsomol cells - зиндонҳои ташкилоти комсомолӣ» слово «Comsomol» и словосочетание «ташкилотҳои комсомолӣ» указывают на место существования застенков.

Не исключены также случаи проявления темпоральных отношений между компонентами конструкции типа $N_1 N_2$ и $N_1'' N_2$ в сопоставляемых языках. Например: One Monday afternoon, the food transports from the northern Caucasus arrived in Moscow as Stalin had promised (174,202) – Як нимарӯзи рӯзи душанбе аз Кавкази шимолӣ нақлиёти озуқадор чунон ки Сталин ваъда карда буд, ба Маскав омад. September negotiations Ribbentrop was again in Kremlin (174, 442) - Ҳангоми мулоқотҳои моҳи сентябр Ребинтроп аз нав дар Кремл хузур дошт (перевод информантов).

В первом примере в конструкции «monday afternoon» и его таджикском эквиваленте «нимарӯзи рӯзи душанбе» слова «monday» и

«душанбе» указывают на время. Таким же образом, во втором примере образования «September negotiations» и «мулоқотҳои моҳи сентябр» слова «september» и «моҳи сентябр» обозначают время проведения переговоров.

В целом, как пишет И.В. Тропинова, конструкции N_1N_2 характеризуются нарушением изоморфизма синтаксических и семантико-синтаксических отношений. Компонент N_1 является определением компонента N_2 , т.е. N_2 является главным, модифицируемым элементом. С точки зрения посессивных отношений основным элементом, посессором, является компонент N_1 : coal production - Attr. +N (→) Possessor – Object (production refers to coal ($N_1 \leftarrow N_2$)).

В английском языке функционирует ещё одна посессивная конструкция, которая занимает периферийное положение в ФСК посессивности. Она состоит из двух имён существительных, связываемых предлогом «with». В этой конструкции первый компонент выражает посессора, а второй указывает на объект обладания. Предлог «with» служит для установления посессивного отношения. Например: the girl with red hair – духтари мӯи сурхдошта; the man with the scar - марди захмдор; a person with a knowledge of European markets – шахси дониши бозори Аврупоидошта; a coat with a belt – палтои тасмадор; a house with a swimming-pool - хонаи хавздор; the man with a wooden leg - марди пои чӯбиндошта; the boy with a camera – бачаи камерадошта; (185, 1467).

В первом, втором и шестом примерах выражена идея неотчуждаемой собственности. В третьем примере проявляется кваликативное отношение, в четвёртом примере имеется отношение части и целого, в пятом имеется локативное отношение, в последнем примере выражена конкретная собственность.

Следует отметить, что в отличие от других атрибутивных конструкций второй компонент данной конструкции всегда акцентируется, т.е. он выполняет рематическую роль.

Как видно из переводов этих конструкций на таджикский язык, предлог «with» передаётся в таджикском языке при помощи двух форм глагола доштан (иметь-to have) - дор и дошта. Недаром в словаре А.С.Хорнби при комментировании словарной статьи, посвященной предлогу «with», второе значение этого предлога комментировано следующим образом: *having or carrying smth. (185,1467)* что означает иметь или носить что – либо. Поэтому вышеприведенные примеры можно трансформировать следующим образом: *a girl who has red hair; the man, who has the scar; a person who has a knowledge of European markets; a coat which has a belt; a house which has a swimming-pool; the man who has a wooden leg; the boy who has a camera.* Такая же трансформация возможна и в таджикском языке: духтаре, ки мӯи сурх дорад; марде, ки захм дорад; палтое, ки тасма дорад и т.д.

В англистике некоторые авторы [95,96 и 99,172] считают, что значение посессивности может выражаться при помощи отдельных лексических единиц типа *owner- сохиб, robber – рохзан, shipowner – сохиби киштӣ, innkeeper – дорандаи меҳмонхона* и т.д. Если согласиться с таким мнением, то таджикские слова типа «заминдор, мактабдор, бой, оиладор» и т.д. следует также включить в сферу категории посессивности. Нам представляется, что такие единицы английского и таджикского языков не входят в парадигму данной категории, так как значение обладания заложено в семантической структуре слов этого типа, т.е. они относятся к сфере языка, а значение посессивности, выражаемое предикативными и непредикативными конструкциями, возникает в потоке речи, поэтому данная категория связана с речевым процессом.

Выводы по второй главе

В реализации ФСК посессивности участвуют предикативные и непредикативные структуры английского и таджикского языков. К непредикативным средствам выражения этой категории в английском языке относятся пять типов конструкций, состоящих из сочетания двух имён

существительных, которыми являются модели N_1 of N_2 , N_1 's N_2 , N_1N_2 , Poss.pr.N, NwithN.

В таджикском языке в группу непредикативных средств выражения ФСП посессивности относятся следующие образования: N_1 " N_2 , Ни Per.pr., N morpheme of Poss., N Ref.pr., NRef.pr.morpheme of Poss., N_1 " N_2 – доp.

Самыми употребительными являются конструкция N_1 of N_2 в английском, и N_1 " N_2 в таджикском языке. Таджикская посессивная конструкция N_1 " N_2 выступает в качестве эквивалента конструкций N_1 of N_2 , N_1 's N_2 и N_1N_2 английского языка.

Английская посессивная конструкция Poss.Pr.N передаётся в таджикском языке посредством четырёх конструкций: N_1 " morpheme of poss., N" Per.Pr., N" Ref.pr., N"Ref.pr. Morpheme of poss.

Английский –'s и таджикский изафет –и являются, с одной стороны, средствами связи компонентов субстантивного словосочетания, и, с другой стороны, они выступают в качестве знаков посессивности. Сфера действия таджикского изафета – и шире, чем у английского -'s.

В таджикском языке функционируют особые морфемы посессивности, которые, присоединяясь к концу существительного, образуют словоформу с посессивным значением. Для каждого лица и числа имеется специальная морфема, о чём шла речь в предыдущей главе.

В английском языке, как правило, номинант посессора располагается на первом месте в составе посессивных атрибутивных конструкций, а в таджикском языке он обычно занимает вторую позицию, за исключением случаев выражения посессивности посредством морфем притяжательности.

Употребление той или иной конструкции тесно связано с факторами личности / неличности, одушевленности / неодушевленности, абстрактности / конкретности посессора и объекта обладания. Понятие обладания большей частью связано с фактором личности / неличности.

Посессивная семантика может осложняться разными типами отношений, проявляемых между компонентами посессивной конструкции.

Наиболее частыми являются отношения агентивности, пациентивности, части и целого, квалификативности, стативности и т.д. Проявление этих отношений во многом связано с содержательной структурой имени существительного, входящего в состав посессивной конструкции, а также с контекстуальными и ситуативными условиями.

Компоненты посессивных конструкций могут модифицироваться облигаторными или факультативными элементами, что зависит от коммуникативных интенций говорящего.

Наряду с основными средствами выражения посессивности в ФСК посессивности входят периферийные единицы, число которых в сопоставляемых языках варьируется.

Глава III. Предикативные средства выражения посессивности в таджикском и английском языках

ФСК посессивности в английском и таджикском языках реализуется не только при помощи номинативных единиц, состоящих из двух или более значимых компонентов, но и посредством предикативных конструкций, под которыми понимаются специальные структурные типы предложений, имеющих финитный глагол. В качестве такого глагола служит, прежде всего, слово «to have» в английском и слово «доштан» в таджикском языке. Кроме того, глаголы to own - соҳиб будан, доро будан, to belong – тааллуқ доштан, мутаалиқ будан ба, to possess – доро будан, соҳиб будан также участвуют в выражении категории посессивности.

Предикативные посессивные конструкции состоят минимум из трёх облигаторных компонентов:

В английском языке: 1) субъект обладания; 2) предикат обладания; 3) объект обладания. В таджикском языке: 1) субъект обладания; 2) объект обладания; 3) предикат обладания. Например:

He has a house (185,572). Зиндагӣ пастию баландӣ дорад (165,78).

I have a son (191, 17) – Ман писар дорам (160,14) (перевод информантов).

You belong to me (177, 231) – Ту ба ман тааллуқ дорӣ (перевод информантов).

I own this country (170, 231) – Ман соҳиби ин диёр ҳастам (перевод информантов).

The family possessed documents..... (185, 965) - Оила хуччатҳо дошт....

Эти ядерные конструкции могут расширяться за счёт модификации каждого из их компонентов, что будет охарактеризовано в последующих страницах нашей работы. Здесь же ограничимся рядом примеров:

He has a cut on one cheek (191,16). – Ӯ дар як рухсорааш доғи шамшер дорад (160, 14). В данных предложениях модифицируются глаголы **has** и **дорад**.

He has a good memory (185,572). – $\bar{Y}$ хотираи хуб дорад. В этом примере расширен объект обладания.

Your boy Brett might have plans of his own.(181, 36) – Бачаи ту Брет мумкин нақшаҳои худро дошта бошад (перевод информантов). В этом предложении расширение получили и субъект, и объект обладания.

В английском языке в структуре ФСК посессивности конструкция smb.(smth) has(has got) smth.(smb) занимает центральное место. Анализ начнём с этой конструкции.

3. 1. Сравнительно – сопоставительный анализ конститuentов ФСК посессивности с глаголами to have и доштан в английском и таджикском языках

Как было отмечено выше, первым конститuentом посессивной конструкции с глаголом «to have» в обоих языках является посессор. Он в сопоставляемых языках может выражаться следующими разрядами слов:

1. В качестве номинанта субъекта обладания больше всего выступают личные местоимения. Например: He has a sharp tongue (181, 21) – $\bar{Y}$ забони тез дорад (наш перевод). They had seven single gentleman (186, 135) – Онҳо ҳафт ҷавонмарди мучаррад доранд (наш перевод). I have two sisters (185,572) – Ман ду хоҳар дорам (наш перевод);
2. Субъект обладания может выражаться существительным, обозначающим одушевленный предмет. Например: This old woman has a cunning heart (175, 79). – Ин пиразан дили маккор дорад. His wife had her settlement, and could live on it perfectly well (171,123).- Зани $\bar{y}$ сарпаноҳ дошт ва метавонист дар он хеле хуб зиндагӣ кунад. The dog which barked last night, has no tail (179, 163). - Саге, ки шаби гузашта аккос зад, дум надорад;
3. В роли субъекта обладания могут быть употреблены собственные имена. Например: Martin had nothing to express (176, 146) – Мартин чизи гуфтание надошт. Miss Pinch has a brother, I know (176, 174) – Ман медонам, ки хонум Пинч як бародар дорад;

4. Посессор иногда может выражаться неодушевленными существительными. Например: The cottage had a big garden in front ... (187, 85) - Коттедж дар пешгаҳаш боғ дошт. The remodeled building dating from 1913 had a certain demented charm.(174, 279)- Бинои бозсозӣ кардашуда, ки соли 1913 бунёд шудааст, як нав зебогии мадҳушкунанда дошт(перевод информантов);

5. Не исключены также случаи выражения посессора посредством абстрактных существительных. Например:....such kindness from one of our generation has the quality of a promise or support (182, 239). - Чунин некӣ аз ҷигон насли мо нақши ваъда ё дастгириро дорад (перевод информантов). Субъект обладания может модифицироваться облигаторными или факультативными модификаторами, в качестве которых могут выступать:

1) притяжательные местоимения английского языка и их таджикские эквиваленты. Например: His wife had no lodgings yet.(176, 375) - Зани ӯ ханӯз манзил надошт.My sister had on the whole an easy task.(195, 214) - Дар маҷмӯъ хоҳари ман супориши осон дошт (перевод информантов);

2) другие виды местоимений сопоставляемых языков. Например:This man has real genius,' said Mrs.Beste-Chetwynde (195, 127) – Ин мард заковати ҳақиқӣ дорад. The other guest had a sweet manner(183, 78) – Меҳмони дигар рафтори дилҷӯ дошт (перевод информантов);

3) имена прилагательные. Например: The young girl had a grey and white kerchief tied up round her head (173, 91) – Духтари ҷавон рӯймоли сафеди хокистарранг дошт, ки ба сараш печонида шуда буд. The poor man had no money to buy food (180, 143) – Марди бечора барои харидани хӯрок пул надошт;

4) имена числительные. Например: We don't criticize their food or their little cottages, because over here three of us haven't had very much ourselves (181, 30). - Мо ба хӯрок ва катеҷчаи онҳо эрод намегирем, зеро ана дар ҳамин ҷо 3-тои мо худамон чизи бисёр надохтем. The two lawyers had opportunities of taking

the measure of one or two women very like my mother (190, 106). - Он ду хукукшинос имконият доштанд, ки нисбати як ё ду зан, ки ба модари ман хеле монанд буданд, чора андешанд. (перевод информантов).

Наш фактологический материал из сопоставляемых языков свидетельствует о том, что модификаторы подлежащего в посессивных конструкциях с глаголом «to have - доштан» в подавляющем большинстве случаев являются факультативными.

Теперь рассмотрим способы выражения объекта обладания и его модификаторов в сопоставляемых языках.

Следует отметить, что употребление того или иного субстантивного слова, номинирующего объект обладания, а также его расширение тем или иным модификатором оказывает влияние на проявление различных субкатегориальных значений понятия обладания.

В качестве номинанта объекта обладания могут выступать следующие субстантивные слова:

1) имена существительные, обозначающие конкретные предметы. Например: We have got the room with the best view in the hotel (190, 31) – Дар ин мехмонхона мо хучрае дорем, ки беҳтарин намуд дорад. Сарулибоси дурустакаки ҷойпӯшак дорӣ?(169, 257) – Have you got a better suit for wearing an official ceremonies? (перевод информантов).

2) имена существительные, называющие различные состояния или свойства человека. Например: You have an untutored mind, Trench, an untutored mind (190, 91). - Ту ақли носолим дорӣ, Тренч, ақли носолим (наш перевод).

I wish I had their luck (190, 124). – Ман мехостам, ки бахти онҳоро дошта бошам. I'm sure, I have no wish to stay (190, 67) – Боварӣ дорам, ки ман майлу хоҳиши инчо мондан надорам. Магар ӯ ба шумо андак хешигарӣ дорад? (152, 133) – Has he got a little bit relationship with you? Ман, ки устои ту ҳастам ва дар тиб маърифате дорам... (157, 30) – I am your master and I have got some knowledge in the sphere of medicine.... (перевод информантов);

3) существительные, которые являются названиями родственников и выражают социальные отношения между людьми. Например: Oh, if only a girl could have no father, no family, just as I have no mother (190,85). - Ох, чӣ мешуд, ки духтаре падаре оилае дошта наметавонист, чунон ки ман модар надорам. He has just an old friend, who comes from my part (189, 195). - Вай фақат як дӯсти кӯхнае дорад, ки ӯ аз ҷониби ман аст.

- Як полковники арманӣ доштем, одами доно буд (152, 183). – We had an Armenian colonel, who was a clever man.

Абӯали ибни Сино дар шаҳри Гургон шогирде дошт, ӯ ёрирасони илмӣ низ буд (163, 64). – In the town of Gurgon Abu Ali ibn Sino had a learner, who was also his disciple and scientific assistant. Мӯйсафед ба ӯ гуфт: «ту ака дорӣ, амаку хола дорӣ, ту ятим нестӣ» (151, 98). - The old man said “You have an eldest brother, you have an uncle and aunt, you are not an orphan” (*наш перевод*);

4) существительные, обозначающие части тела, как человека, так и животного. Например: She has sharp eyes (185,428). – Вай чашмони бино дорад. Rabbits have large ears (185,379). – Харгӯшҳо гӯшҳои дароз доранд (*перевод информантов*). Зиё, натарс, ту бозувони пурқувват дорӣ, чашмони бино дорӣ (151,144) – Ziyο, don’t be afraid, you have strong arms and sharp eyes (*перевод информантов*). The frog had powerful back legs (185,712). – Қурбоққа ду пойи ақибӣ пурқувват дошт (*перевод информантов*);

5) существительные, обозначающие отдельные части конкретных неодушевленных предметов. Например: This car has a new engine. (185,399) – Ин автомашина муҳаррики нав дорад. That tree had a thick stem (185, 1367) – Он дарахт танай ғафсе дошт. Ин хучра болори сабзранг дошт (155, 167) – This room had a green ceiling. Он рӯз офтоб нурҳои зарҳал дошт (159, 63) – That day the sun had golden rays (*перевод информантов*);

б) существительные, которые обозначают различные явления социального характера. Например: I have no objection to sit down and listen (190, 70) – Ман барои нишаста гӯш кардан муҳолифат надорам. (*перевод информантов*). I

won't have any relation between Mrs.Sartorius and myself (190, 92).- Ман байни худ ва хонум Сарториум муносибате нахоҳам дошт (перевод информантов). Ман ба ин касб тавачҷӯхи хоса доштам.(159, 95) - I had a special interest in this profession (наш перевод). Дар Гурганҷ дар назди Абул Ҳусайни Саҳлӣ Ибни Сино иззату икромии баланд дошт (163, 77) – In Gurgang Ibni Sino had a great honour and respect during the life of minister Abul Husain Sahli (наш перевод).

Так же, как и субъект обладания, объект обладания может модифицироваться препозитивными и постпозитивными распространителями, которые могут быть облигаторными или факультативными. В качестве препозитивных модификаторов могут выступать различные разряды слов. Однако следует отметить, что употребление препозитивных модификаторов в таджикском языке крайне ограничено, так как в этом языке определение, как правило, следует за определяемым словом.

В сопоставляемых языках препозитивные модификаторы выражаются следующими частями речи:

1) качественными и относительными прилагательными в сопоставляемых языках, а также формой превосходной степени качественных прилагательных в таджикском. Например: He has a large appetite (185,701). – $\bar{U}$ иштиҳои хуб дорад. She had a horrible fear. ..(173, 95). – $\bar{U}$ тарси беандоза дошт... (перевод информантов). Тоҷикон тоҷи тиллоӣ доштанд(159,67)- Tajiks had a golden crown. He has the best memory (185,777). – $\bar{U}$ беҳтарин ҳофиза дорад (перевод информантов).

Следует отметить, что в сопоставляемых языках прилагательное в качестве модификатора объекта обладания может носить облигаторный характер. Например: Назокат лабони пуртабассум дошт(159, 99). - Nazokat had smiling lips. И в таджикском, и в английском языке нельзя опускать прилагательное «пуртабассум - smiling», так как без них данное высказывание становится нелогичным. Такая тесная сочетаемость

прилагательного наблюдается с существительными, обозначающими части тела. Нельзя сказать « $\bar{U}$ пойҳо дошт», «Мо чашмҳо дорем», «Онҳо дастҳо доранд» и т.д.;

2) числительными. Например: They've got two cars (185, 572) –Онҳо ду автомашинаи сабукрав доранд. We have thirty pupils in the class (185,1014).- Мо дар синф 30 талаба дорем. Ман аллакай даҳ сӯм пул дорам (159,53). – I have already got 10 roubles. Шумо чор нафаред, вале се билет доред (159, 115). – You are four persons, but you have got only three tickets;

3) различными разрядами местоимений. Например: You have got some egg. (Hornby,386) – Ту чанд тухми пухтагӣ дорӣ. She has her own idea (185,885) – $\bar{U}$ фикри шахсии худро дорад. She's got such talent (185,1285). – $\bar{U}$ чунин истеъдод дорад. Ин ҳодиса сабаби дигаре низ дорад (159, 114). – This event has also another reason. Мо инчунин баъзе дигар нақшаҳо доштем (159,99) - We had also some other plans. I haven't enough money to buy everything I wanted (185,1191) – Ман пули кофӣ надоштам, ки ҳамаи чизҳои заруриро бихарам (наш перевод);

4) сочетанием прилагательного с наречием. Например: He has an extremely powerful fist (190,107) - $\bar{U}$ мушти ниҳоят пурқувват дошт. You have very great religious convictions (190,42). - Шумо гуноҳҳои бисе бузурги динӣ доред. Шумо дӯстони ниҳоят вафодор доред (159,113). – You have got very devoted friends. Шумо пиёлаҳои хеле чуқур доштед (151,162). – I see you have had very deep cups.

Как явствует из вышеприведенных примеров, модификаторы имён существительных, обозначающих объект обладания, в отличие от английского языка, в таджикском языке занимают место после номинанта объекта обладания, что является нормой для таджикского языка. Здесь исключения составляют модификаторы, выражаемые именем числительным и формой превосходной степени качественных прилагательных.

В английском языке наряду с препозитивным определением номинанты объекта обладания могут принимать постпозитивные модификаторы, которые реализуются следующими средствами:

1) предложным сочетанием. Например: Mrs.Fred had a daughter in Carrington Villas (189, 252) – Хонум Фред дар Каррингтон Вилас духтаре дошт. (*перевод информантов*) Mr.Golse had beach house in the coast.(189, 89) – Чаноби Голс дар назди сохил хоначае дорад (*перевод информантов*). Қўлдошхоҷа дар кўчаи дигар ҳамсоҷаи ҳалвогаге дошт.(155, 254) – Kuldoshkhoja had a neighbour in the next street, who was a masrer of making halvo (*перевод информантов*);

2) модификатор может обозначать временное отношение и выражается наречием. Например: We have had a meeting a day before (185,775)- Мо як рӯз пеш вохӯрие доштем (*перевод информантов*). Мулло Иброҳим дирӯз сӯҳбате дошт бо мо (155, 195) – Mullo Ibrohim had talk with us yesterday (*перевод информантов*).

В этих предложениях вышеуказанные модификаторы связаны, с одной стороны, с понятием обладания и, с другой стороны, указывают на локализацию или время нахождения объекта обладания в распоряжении субъекта, ибо понятие обладания тесно связано с локально - темпоральными параметрами.

Следует отметить, что вышеуказанные модификаторы занимают разные позиции в сопоставляемых языках. В таджикском языке они стоят после номинанта посессора, а в английском языке они занимают место после имени существительного, обозначающего объект обладания;

3) объект обладания может модифицироваться инфинитивом или инфинитивной конструкцией. Например: He has at least thirty other patients between here and Springwood to visit and he has no time to waste (173, 119). – Байни ин ҷову Спрингвуд ӯ камаш сӣ маризи дигар дошт, ки онҳоро аёдат кунад, аз ин рӯ барои беҳуда сарф кардан вақт нашошт (*перевод информантов*). В этом предложении имеются два инфинитива (to visit and to

waste), которые служат для модификации существительных «больные и время». Эти два инфинитива проявляют некоторые модальные значения необходимости. Кроме того, они имеют пассивное значение и, следовательно, выступают в качестве ретроктивных инфинитивов. Первый инфинитив (to visit) передаётся в таджикском языке не посредством инфинитива, а при помощи придаточного определительного предложения, а второй инфинитив (to waste) соответствует таджикскому инфинитиву «бехуда гузаронидан». Однако таджикский инфинитив в отличие от английского употреблен с предлогом «барои», что вовсе не характерно для английского инфинитива. Оба инфинитива английского языка и их таджикские эквиваленты (придаточное - определительное предложение и предложный инфинитивный оборот) проявляют целевую семантику;

4) объект обладания может модифицироваться определительным придаточным предложением. Например: She had a terrifying sensation that the wall of her chest was being crushed (173, 97) – $\bar{U}$ хиссиёти дахшатноке дошт, ки гӯё сандуки синааш торс кафида истодааст (*наш перевод*).

В этом примере объект обладания «sensation – хиссиёт» модифицируется следующим за ним придаточным предложением. Оно носит ограничительный характер.

В таджикском переводе также объект обладания «хиссиёт» определяется придаточным предложением с той же функцией, что и с английским кюзом;

5) номинант объекта обладания может определяться причастием I. Например: I've got a thermos of coffee waiting for us (173, 175) – Ман як термос қаҳва дорам, ки интизори мост (*перевод информантов*).

She's got all the benefits of science existing in our country (173,150) - $\bar{U}$ тамоми манфиатҳоеро, ки дар илми кишвар мавҷуд буд, дошт (*перевод информантов*).

В первом примере причастный оборот «waiting for us» объект обладания определяет «a thermos of coffee». В таджикском языке этот оборот передаётся при помощи придаточного определительного предложения, в

котором английское причастие I, передаётся при помощи личной формы таджикского глагола.

Во втором примере причастный оборот «existing in the country» модифицирует объект обладания «benefits», и здесь английский причастный оборот, передаётся в таджикский язык посредством придаточного определительного предложения, причём английское причастие соответствует личной форме таджикского глагола;

б) объект обладания может модифицироваться английским герундием. Например: You will have a plenty of opportunity of talking to her about it when she comes (190, 106). – Вакте ки $\bar{u}$ меояд, шумо чандин имкониятҳои бо $\bar{u}$ дар ин бора сӯхбат карданро, хоҳед дошт (перевод информантов).

В данном примере объект обладания «opportunity» модифицируется герундиальным оборотом «talking to her about it». В таджикском языке данный оборот передаётся инфинитивной конструкцией «бо $\bar{u}$ дар ин бора сӯхбат кардан». Английский герундиальный оборот связан с номинантом объекта обладания предлогом «of», а таджикская инфинитивная конструкция устанавливает связь с номинантом объекта обладания при помощи изафета – **и.**

7) объект обладания может модифицироваться и причастием II английского языка. Например: She had a confused picture of her body (173, 97) – $\bar{U}$ сурати чисми ба изтироб афтодаи $\bar{u}$ ро дошт (наш перевод).

В этом примере объект обладания «a picture» модифицируется причастием II «confused», которое передаётся в таджикском языке причастием предшествования «ба изтироб афтода».

Вышеуказанные модификаторы английского языка и их таджикские соответствия большей частью носят факультативный характер и служат для определения различных сторон объекта с определенных позиций.

3. 2. Категориальные значения обладания в посессивных конструкциях с глаголами *to have* и *доштан* в английском и таджикском языках

В первом параграфе данной главы мы коснулись вопроса о структурных особенностях посессивных конструкций с английским глаголом «*to have*» и его таджикскими эквивалентами. Настоящий параграф будет посвящен анализу семантики глаголов «*to have*» и «*доштан*» и влиянию его окружения (номинантов субъекта) на эти глаголы сопоставляемых языков. Под окружением мы понимаем номинантов субъекта и объекта обладания, а также их модификаторов.

Под понятием категориальное значение понимаются те значения, которые присущи непосредственно глаголам «*to have*» и «*доштан*». А термин субкатегориальное значение означает те семантические оттенки глаголов «*to have*» и «*доштан*», которые проявляются благодаря семантической структуре имён существительных, выступающих в функции субъекта и объекта обладания.

Анализ начнём с семантики глаголов «*to have*» и «*доштан*». Эти глаголы сопоставляемых языков обладают обобщенным значением, поэтому они могут в одном случае выражать отношение конкретного обладания, а в другом случае они служат в качестве глаголов почти пустой семантики. В частности, таджикский *доштан* в образованиях типа «дӯст доштан – любить, нигоҳ доштан – сохранять, гиromӣ доштан – уважать, даст доштан – участвовать, хабар доштан – быть осведомленным» абсолютно лишены своего лексического значения, о чём свидетельствует русский перевод этих глаголов, в которых отсутствует слово иметь как эквивалент таджикского *доштан*. В этих примерах глагол *доштан* служит для образования глагольных лексем.

Следует отметить, что в составе глаголов «*нигоҳ доштан*» и «*хабар доштан*» слово «*доштан*» функционирует по-разному. В «*нигоҳ доштан*» вовсе не сохраняется значение обладания, а в составе «*хабар доштан*» этот глагол в незначительной степени сохраняет свою исходную семантику.

Такая же характеристика свойственна и английскому глаголу «to have». В частности, в образованиях типа «to have a swim, to have a ride, to have a walk, to have breakfast, to have coffee» глагол «to have» не выражает понятие обладания, и, подобно таджикскому глаголу «доштан», служит для образования глагольной лексемы, а в предложениях типа «She has a red jacket on - Ў дар бар жакети сурх дошт» и английский *to have*, и таджикский *доштан* обозначают совсем иное понятие – *одеваться*.

В предложениях типа «*I have good neighbor*» глагол «to have» обладает ослабленным лексическим значением. Поэтому Е.Бах относит глагол *to have* к чисто формальным элементам, лишенным значения и необходимым только для выражения грамматических категорий времени, лица и наклонения [112,24].

Такого же мнения придерживался профессор А.И.Смирницкий. По его мнению, в предложениях типа «*He has many friends*» глагол *to have* «представляет собой нечто в роли служебного слова, употребленного для соединения *he man*» и *friends* и для выражения предикации» [94,113].

Нам представляется, что нельзя говорить о полном отсутствии собственного лексического значения у глаголов *to have* и *доштан* во всех случаях их употребления. Действительно, в одних дистрибутивных условиях *доштан* и *to have* лишаются своего лексического значения, а в других окружениях им свойственно некоторое лексическое значение. Мы думаем, что права Л. И.Подольская, которая считает, что «в рамках значения глагола *have* могут выражаться между обладателем и обладаемым: от наличия предмета у некоторого лица до отношения между собственником и его собственностью в юридическом смысле. Может выражаться отношение внутреннего, внешнего временного и внешнего невременного обладания. Однако сам глагол *have* не несет информации о наличии того или иного конкретного отношения между обладателем и обладаемым. Не всегда достаточным контекстом для уточнения значения глагола является и конструкция $N_1 \text{ } ^V \text{ } N_2$ » [83,33-34].

В лингвистической литературе выражена также мысль о том, что у глагола «to have» имеется общее специальное значение. Под общим значением понимается существование какого-либо отношения между двумя предметами. В частности, данное значение обнаруживается в предложениях типа «John has an opportunity», где почти отсутствует отношение конкретного обладания между понятиями «John» и «opportunity». То же самое можно сказать о глаголе «доштан» в таджикском языке. В предложении «Дар он вақт дар Эрони Фарбӣ се амир аз як хонадон – аз хонадони Бухайв ҳукумат доштанд» (163,87) глагол «доштан» проявляет своё общее значение, так как здесь отсутствует отношение собственного обладания.

У глагола «to have» имеется также специальное значение, под которым понимается наличие внутренней связи между двумя предметами [116,38].

В предложении «She has an excellent brain» (185,133) глагол «to have» проявляет своё специальное значение, так как между субъектом «she» (она) и объектом «brain» (мозг) существует неразрывное отношение, т.е. внутренняя связь.

О наличии специального значения можно говорить также в отношении таджикского глагола доштан. В частности, в предложении «Низомиддини булҳавас бо вучуди доштани чашмҳои тезбин, рӯи занҳоро дида наметавонист» (150,41-42) глагол «доштан» употреблён в своём специальном значении, так как между объектом обладания (чашмон) и субъектом обладания (Низомиддин) имеется внутренняя связь, т.е. глаза нельзя отделить от их обладателя Низомиддина. В содержательной структуре английского глагола «to have» и его таджикского эквивалента «доштан» имеется также значение существования, бытия. В частности, в предложении «Ин ҳавлӣ дарахтони зиёди мевадор дорад» (165,97) у глагола «доштан» имеется оттенок значения бытия, что можно подтвердить следующей трансформацией этого предложения: «Дар

ин ҳавлӣ дарахтони зиёди мевадор ҳаст». По смыслу эти два предложения являются почти тождественными.

Экзистенциальную семантику проявляет также и английский глагол «to have». В предложении «The house has three bedrooms» (185,572) глагол «to have» употреблен в значении находиться, о чём свидетельствует следующая трансформация: The house has three bedrooms = There are three bedrooms in the house.

Проявление значения экзистенциальности у глаголов «доштан» и «to have» имеет понятийную основу, которая связана с онтологическим фактором, т.е. мы обладаем тем, что существует в объективном мире. На понятийном уровне это означает, что всё то, чем мы обладаем, находит своё отражение в сознании носителя языка, поэтому права Л.И.Подольская, которая пишет: «обладать» значит «иметь в наличии»; обладание – это наличие предмета у обладателя. «Наличие» же определяется в словарях через «существование», «нахождение», «присутствие», поэтому, учитывая случаи совмещения понятий обладания и существования в семантике глагола to have – доштан, Дж. Лайонз считает, что в английском языке существует некоторый параллелизм между экзистенциальными, локативными и посессивными предложениями [60,416].

Проанализировав параллелизм между предложениями трёх вышеуказанных типов, Дж. Лайонз приходит к заключению о том, что «стоит только вспомнить о разнообразии английских предложений, в которых употребляется have в качестве «главного глагола», чтобы понять, что сама категория так называемых «посессивных» предложений весьма сомнительна. Единственное, что есть общего у «предложений с have», - это то, что в поверхностной структуре «субъект» глагола «have» получает свою реализацию. С трансформационной точки зрения синтаксис этих предложений очень сложен, но представляется совершенно очевидным, что have не является глубинным глаголом (а если и является им, то не в большей степени чем be)» [60,419].

Действительно, «to have» не является глубинным глаголом, так как он самостоятельно не выражает предикацию, но, тем не менее, у него имеется определенное лексическое значение, которое может быть слабым или несколько заметным, что зависит от его дистрибуции, благодаря чему в предикативных посессивных конструкциях проявляются те или иные его субкатегориальные значения, о чём пойдёт речь ниже.

3. 3. Субкатегориальные значения посессивных конструкций с глаголами *доштан* и *to have*

Предикативная посессивная конструкция состоит минимум из трёх значимых лексических единиц. Первая единица - это субстантивное слово, которое обозначает субъект обладания. Вторая значимая единица – это другое субстантивное слово, обозначающее объект обладания. Третья единица - это глагол доштан – to have, который устанавливает посессивное отношение между этими двумя субстантивными словами, т.е. доштан и have репрезентируют предикат. Например: Далер саг дорад.- Daler has a dog. Здесь Далер(Daler) – субъект обладания, саг(a dog) – объект обладания, дорад(has) – предикат.

В зависимости от того, каким именем существительным или субстантивным словом выражаются субъект и объект обладания, посессивная конструкция проявляет различные оттенки понятия обладания, и каждый оттенок называется субкатегориальным значением посессивной конструкции.

В посессивной конструкции субъект обладания может выражаться именем существительным, обозначающим лицо. Объектом обладания может выступать имя существительное, обозначающее конкретный предмет. В этом случае посессивная конструкция выражает значение собственного обладания, и такое значение является ведущим, центральным среди других посессивных конструкций с глаголом доштан – to have. Например:

He had two girls on the seat with him(183,138). - Дар он чо $\bar{y}$ ҳамроҳаш ду духтар дошт (перевод информантов).

-Yes. I've still got my passport(183,173) – Ман то ҳол шиносномаи худро дорам (перевод информантов).

Солдатҳои немис дар тан либоси озодаи ҳарбии сабзранг доштанд(156, 207) – German soldiers had clean, green, military uniforms (перевод информантов).

Ман китоб ва дигар ашёҳо дорам(155, 149).- I have a book and some other things.

Для уяснения смысла этих посессивных конструкций сопоставляемых языков следует обратить внимание на денотаты вышеуказанных имён. В этих четырёх примерах денотатами, обозначающими субъектов этих высказываний являются конкретные лица – говорящий, солдаты и лицо, не участвующее в беседе. Эти денотаты являются определенными конкретными одушевленными предметами.

Денотатами объектов этих высказываний являются одушевленный предмет «girls» (духтарон) и неодушевленные предметы «шиноснома» (passport), либоси ҳарбӣ (military uniform), китобҳо,(books) и т.д., которые обозначают неопределённые предметы и лишены конкретной референции, так как читатель или слушатель не представляет себе, о каких девушках, о какой одежде, книгах и паспортах идёт речь. О данном значении сообщает отсутствие артикля в английском языке, что по значению равноценно с употреблением неопределённого артикля существительными в единственном числе. Как только с именем объекта обладания употребляется определенный артикль, то денотат такого имени представляет собой конкретный известный предмет для слушателя и читателя. Например: They had the complete marble bust (183, 21). –Онҳо он мучассамаи соф мармаринро доштанд (перевод информантов). В таджикском языке о конкретности и определенности объекта обладания сообщает послелог –ро. Таким образом, следует разграничивать два типа значения собственного обладания. В первом случае денотат субъекта посессивной конструкции обозначает конкретное

определенное лицо или лица, а денотат объекта обладания представляет собой некое понятие о неопределенном предмете, т.е. у него нет своего конкретного определенного референта. При собственном обладании в подавляющем большинстве случаев посессивная конструкция сообщает именно о таких денотатах. А во втором случае денотат субъекта обладания также является конкретным определенным лицом или лицами. Денотат объекта обладания также представляет собой конкретный определенный предмет, т.е. у имени имеется свой референт. В первом случае английский язык использует артикль **a(an)** или его значащее отсутствие с номинантом объекта обладания. В таджикском языке перед таким именем ставится артикль - **е** (ман китобе дорам) или этот артикль вовсе не употребляется. Во втором случае в английском языке перед названием объекта обладания ставится артикль «the» или какое-либо указательное местоимение (I have the book – I have that book). В таджикском языке такое имя получает какое-либо указательное местоимение и послелог **-ро** (Ман ин китобро дорам). Такая конструкция в обоих языках употребляется редко. Следует отметить, что внесение какого-то изменения при заполнении позиции субъекта и объекта в структуру рассматриваемых конструкций становится причиной изменения его значения. Поэтому М.Ю.Сюткина правильно подметила, что в предложениях типа «I have a book» речь идёт о факте владения вообще, а в предложении «I have the book» сообщается о временном обладании[96,135]. Из этих двух вариантов первый вариант составляет центр категории посессивности. Как было отмечено выше, изменение одного семантического типа существительного, обозначающего объект обладания, в другой семантический тип приводит к появлению иного субкатегориального значения обладания. В частности, употребление имён существительных, обозначающих родственные и социальные отношения, в качестве номинанта объекта обладания приводит к появлению субкатегориального значения обладания семейно-родственными, социальными и некоторыми другими отношениями. Например: I had good mates before, among my cobbbers (173,268)

– Пештар ман аз байни рафиқонам дӯсти хуб доштам (перевод информантов).

I have many patients both in Sydney and the country (173,215). - Ҳам дар кишвар ва ҳам дар Сидней ман беморони зиёд доштам(наш перевод).

Барака духтару домод дошт (155, 401) – Baraka had a daughter and son-in-law.

Мархабо падари беҳаё ва золим дошт (158, 172) – Markhabo had a shameless and impudent father (перевод информантов).

В английском примере объекты обладания (mates and patients) обозначают предметы, связанные социальными отношениями с субъектом. Такое обладание называется внешним, так как предмет обладания не является собственностью субъекта и не связан кровнородственными узами, а находится с субъектом в определенных социальных отношениях. Наоборот, в таджикском языке два объекта обладания (духтар и падар) обозначают родственные отношения с субъектом и связаны с ним кровнородственными отношениями, поэтому такое обладание носит внутренний характер, т.е. они неотторжимы от своих субъектов.

Посессивная конструкция может обозначать также некоторые другие значения обладания, которые связаны с эмоциональными, психическими, физическими и другими человеческими свойствами. Такое значение возникает в тех случаях, когда объект обладания выражается именами существительными, обозначающими физические или умственные способности индивида. Например: You haven't got strange feelings in the head (183,150). – Шумо дар каллаатон ҳиссиётҳои аҷиб надоред (перевод информантов).

For a small woman she has surprising strength (185,1271) – Аҷиб, ки як зани хурдҷусса ин қадар қувваи тааҷҷубовар дорад (наш перевод).

Шумо ҳофизаи хуб доред(158,109). –You have a good memory (перевод информантов).

Шумо истеъдоди беҳамто доред (158,190). – You have got an uncomperable ability (наш перевод).

Как видно из этих примеров, объекты этих синтаксических конструкций выражены существительными, обозначающими внутренний мир индивида, и этот мир неотделим от своего носителя, поэтому в данном случае следует говорить о внутреннем обладании, которое носит неотчуждаемый характер. Существительные, обозначающие эти понятия, носят полуабстрактный характер, тем не менее, подобные существительные занимают позицию существительного, обозначающего конкретный предмет. Данные имена могут модифицироваться словами, обозначающими признаки или качество таких предметов. В наших примерах в качестве таких модификаторов выступают прилагательные *strange, surprising*, *хуб, беҳамто*, причём без этих модификаторов эти конструкции становятся ущербными в смысловом плане, т.е. нельзя сказать *Шумо ҳофиза доред* или «*You haven't got feelings in the head*». Следовательно, в подобных конструкциях субкатегориальным значением является не обозначение предмета обладания, а указание на признаки данных объектов, т.е. здесь значение характеристики пересекается со значением обладания.

Следующим субкатегориальным значением обладания является указание на человеческий орган, его части и на внешний облик индивида. В этом случае, позицию объекта обладания занимают имена существительные, обозначающие части тела, внутренние и внешние органы, а также внешность человека. Например:

- *You have beautiful hair, I said* (183,14) – *Ту мӯйҳои зебо дорӣ, ман гуфтам.*

She has straight legs (185,712) – *ӯ пойҳои рост дорад* (перевод информантов).

Ойшахони ман қаду қомати зебо дорад (155,9) – *My Oishakhon has a beautiful figure*(наш перевод).

Гулҷамол чашмони сиёҳи калон-калон ва абрӯвони пайваст дошт (151, 157).

– *Guljahon had large black eyes and connected eyebrows* (наш перевод).

Как видно из этих примеров, объекты обладания выражены именами существительными, обозначающими части тела, которые могут быть постоянными или переменными. Когда речь идёт о носе, глазах, ушах, губах,

сердце, шею и других частях человеческого тела, то объект обладания считается неотчуждаемым. Но когда в качестве объекта обладания выступают имена существительные, обозначающие ногти, усы, волосы человека, то следует говорить об отчуждаемом обладании, и здесь конструкции с глаголами «доштан» и «to have» проявляют значение собственного обладания. В конструкциях этого типа также название объекта обладания употребляется вместе с каким-то определением. Например: Harris had long eyebrows and the straight nose (186,111). – Ҳаррис абрӯвони дароз ва бинии рост дошт(наш перевод). Если в этих двух предложениях опустить прилагательные long – дароз и straight-рост, то эти предложения становятся нелогичными. Следовательно, в предложениях такого типа указание на объект обладания отступает на задний план. На передний план выходит идея указания на свойства этого объекта. По мнению М. Ю.Сюткиной, в данном случае значение обладания и партативности пересекаются со значением характеристики [96,141].

Следующее субкатегориальное значение предикативных посессивных конструкций связано с идеей обозначения какого-либо явления или события в жизни субъекта. Например:

- You will have plenty of opportunity of talking to her about it when she comes (190,106). – Вақте ки ӯ меояд, ту имкониятҳои зиёди бо ӯ гуфтугӯ карданро хоӣ дошт (перевод информантов).

- I've had a grand rest (183,198). – Ман истироҳати бошукӯҳе доштам (перевод информантов).

Инсон таърихи чандинҳазорсола дорад (155,103) - The humanity has a history of thousands years(перевод информантов).

Дина Зиёдулло ва Заррина як сӯҳбати дурударозе доштанд (155,62). – Ziyodulo and Zarina had a long talk yesterday (перевод информантов).

В приведённых конструкциях говорящий сообщает об определенных событиях, произошедших в жизни одного или более лиц. Здесь значение собственного обладания отсутствует. Те события или явления, которые

вошли в жизнь субъекта, носят временный характер. В данном случае нельзя также говорить об отчуждаемой и неотчуждаемой собственности, здесь можно говорить только о внешнем обладании, а субъект характеризуется как участник какого-то события или явления.

В английском языке функционирует также и предикативная структура обладания с глаголом *to have*, в которой объект обладания детерминируется при помощи двух видов инфинитива: 1) активный инфинитив; 2) ретро-активный инфинитив. Оба типа инфинитива и инфинитивных конструкций служат для определения существительного, выступающего в функции объекта обладания. Содержанием этого определения является то, что возникла необходимость самому объекту совершать какое-либо действие или же кто-то над ним совершил определенное действие. Например:

We had one thing to be done (172, 57). - Мо як коре доштем, ки мебоист ичро карда шавад(перевод информантов).

She had tasks to learn, and needl work to do (175,81). - Ў супоришҳое дошт, ки бояд омӯзад ва сӯзанидӯзие дошт, ки бояд ба сомон расонад (перевод информантов).

В первом примере объект обладания one thing имеет после себя инфинитив to be done, который стоит в форме страдательного залога, так как дело не совершает никакое действие, а над делом совершается действие со стороны кого-либо, в данном случае с нашей стороны. Здесь глагол *to have* значительно теряет своё лексическое значение, так как значение обладания почти отсутствует. Основной акцент делается не на идею обладания, а на то, что над объектом следует обязательно совершить действие. Здесь у инфинитива имеется модальное значение необходимости. В таджикском переводе данное значение находит явное выражение, т.е. употреблен модальный глагол «бояд», а пассивный инфинитив «*to be done*» передаётся при помощи личной формы глагола в страдательном залоге, и в таджикском языке глагол «доштан» не выражает значение собственного обладания. Этот глагол проявляет значение экзистенциальности, о чём свидетельствует

следующая трансформация: Дар пеши ман коре ҳаст, ки онро ман бояд ичро кунам. Во втором примере имеется также два инфинитива, которые определяют свои объекты «tasks» и «needle work». У этих инфинитивов также имеется модальное значение необходимости, т.е. задачи должны изучаться кем-либо и ручное вышивание должно выполняться кем-либо. У этих инфинитивов имеется пассивное значение, но они стоят в форме действительного залога. Такой инфинитив называется ретроактивным. И в данном примере идея собственно обладания полностью отсутствует, здесь больше чувствуется значение экзистенциальности, т.е. есть задачи, есть ручные вышивания, которые должны изучаться и выполняться. На таджикский язык инфинитивы английского языка переведены личными формами глаголов «омӯхтан» и «ичро кардан», при этом они также стоят в форме действительного залога. В таджикском языке модальное значение английского инфинитива передаётся с помощью модального глагола «бояд». Глагол «доштан» также проявляет значение экзистенциальности, которое можно подтвердить следующей трансформацией: Ёро вазифаҳое буд, то омӯзад ва сӯзание буд, то онро дӯзад.

В английском языке также имеется и инфинитивная конструкция с предлогом for. Например: Linda had some milk in the jug for Bard to drink (173,151). - Линда дар кӯза каме шир дошт барои Бард, то бинӯшад (*наш перевод*).

Doreen had a crystal ball for Jan to give on her birthday (173,128) - Дорин барои Чен сакқои булӯрине дошт, то рӯзи мавлудаш ҳадя кунад (*наш перевод*).

В этих синтаксических конструкциях глагол to have не обозначает понятие обладания предметом, упомянутым после глагола «to have». Этот объект будет принадлежать тому лицу или предмету, которые будут названы при помощи конструкции с предлогом «for». Инфинитив указывает на то, что данное лицо должно делать после получения этого объекта. В первом примере в качестве объекта выступает milk. Это молоко становится достоянием Барда. А Бард должен выпить это молоко. Во втором примере

объект хрустальный шар временно находится в обладании субъекта(Doreen). Он становится объектом обладания Джейн. А Джейн должна получить этот шар в виде подарка и распоряжаться им.

В таджикском языке, как явствует из перевода этих предложений, употреблена совсем иная конструкция, которая представляет собой не простое предложение, как это наблюдается в английском языке, а сложноподчиненное предложение. Здесь так же, как в английском языке, объекты (Бард и Джейн) находятся во временном обладании субъектов (Линда и Дорин). В результате определенных действий этих субъектов указанные объекты становятся достоянием других лиц (Бард и Джейн), и они будут распоряжаться этими объектами.

В этих конструкциях сопоставляемых языков наблюдаются черты локативности и темпоральности. Это значит, что указанные объекты существуют, но они существуют временно у субъектов этих высказываний. Более того, они носят отчуждаемый характер.

В английском языке функционирует и другая предикативная посессивная конструкция, где объект обладания модифицируется причастием I английского языка, которая может занимать позицию перед или после существительного, обозначающего объект обладания. При этом постпозитивное причастие может иметь своих компонентов. Например: Robert has a good secretary working with him for some years (173,129). - Роберт котибаи хубе дошт, ки ҳамроҳи ӯ тӯли чанд сол кор мекард (наш перевод). The wounded man had also a limping leg (192, 197) – Марди маҷрӯҳшуда инчунин пойи ланг дошт (наш перевод).

Данная конструкция отличается от конструкции без модификатора тем, что слушающий или читающий, услышав высказывание с подобной конструкцией, получает понятие не о предмете вообще, а о предмете, носящем конкретный характер. Такой предмет обладания характеризуется наличием особых свойств, и на основе этих свойств он выделяется среди других представителей класса. В наших примерах на наличие определенного

свойства у предмета обладания указывают модификаторы «working with him for ten years» и «limping». Это значит, что у объектов «secretary» и «leg» имеются свои референты.

Как показывает перевод этих двух предложений на таджикский язык, и в таджикском языке объекты обладания соотносятся с конкретными предметами (котиб и пой). Такая соотнесенность проявляется благодаря употреблению не причастной конструкции, а придаточно-определятельного предложения в первом примере и существительного «ланг» во втором примере. Следовательно, в смысловом плане между сопоставляемыми языками обнаруживается тождество, а по структуре в этих посессивных конструкциях сопоставляемых языков наблюдается различие.

В предикативных посессивных конструкциях с глаголом «to have» предмет обладания может расширяться за счёт употребления придаточного определятельного предложения. Между объектом обладания и его модификатором существуют определяющие отношения. Номинант объекта обладания получает характеристику посредством этого придаточного предложения, поэтому такой структурный тип посессивной конструкции сообщает не только о наличии определенного предмета у посессора, но и о том, каким является этот предмет. Например: They had a warm hollow in the sandhills where the wind did not come (180, 255) – Онҳо дар куллаи регин ковокии гарме доштанд, ки ба он шамол намеदारомад (наш перевод). I've got some cheerful news for you, that make you happy (173,147) – Ман чанд хабарҳои хурсандиовар дорам, ки туро хушбахт мегардонад(перевод информантов).

В приведённых предложениях в качестве объектов обладания выступают существительные «hollow- ковоки» и «news – хабар», которые определяются придаточно-определятельными предложениями. В смысловом плане в обоих языках разница между предложениями без придаточных или придаточно-определятельных заключается в том, что в случае отсутствия модификатора у объекта обладания обозначается общее понятие «норы» и

«новостей», а в случае употребления придаточно-определяющего предложения объём понятия «норы» и «новостей» сужается и происходит частичная конкретизация объектов обладания, т.е. имеется в виду не всякая нора и не всякая новость, а такая нора, которая защищает её обитателей от ветра, и такая новость, которая сделает субъект счастливым.

В нашем материале имеются такие посессивные предикативные конструкции, в которых объект обладания модифицируется причастием II. Например: *Martin had the cottage garden, crowded with flowers of very rich and beautiful tint, sparkled in the heavy dew* (176, 126). – Мартин дар коттечаш боге дошт, ки бо гулҳои хеле зебову чилодор ороиш ёфта буданд, ки онҳо аз шабнами зиёд медурахшиданд (перевод информантов).

Joseph had a house recessed from the road (182, 123).

Данное предложение переводится на таджикский язык двояко:

1. Чозеф ҳавлие дошт, ки аз роҳ панаҳ карда шуда буд.
2. Чозеф ҳавлии аз раҳ панаҳ кардашудае дошт (перевод информантов).

В первом английском примере имеется один объект обладания – «a garden», у которого есть свой модификатор, выраженный причастием II (*crowded*). В таджикском переводе этому причастию соответствует придаточно-определяющее предложение. И причастие II английского языка и придаточно-определяющее предложение таджикского языка характеризуют объекты этой предикативной конструкции, т.е. объект «garden» (боғ) получает конкретизацию. Это значит, что в данном случае имеется в виду собственное обладание некоторым конкретным предметом.

Во втором примере английского языка также объект обладания получает конкретную характеристику, т.е. сужается объём понятия дом, в результате чего глаголы «to have» и «доштан» выражают конкретное обладание.

Анализ вышеуказанных примеров на двух языках приводит нас к заключению о том, что в случае отсутствия модификатора у номинанта

объекта обладания он (номинант) не соотносится с конкретным предметом, даётся только информация о понятии предмета. Поэтому имя объекта лишено конкретной референции. Но когда объект обладания модифицируется при помощи слов отдельного разряда или некоторыми синтаксическими конструкциями, объект обладания в определенной степени конкретизируется, и глаголы «to have» и «доштан» обозначают собственное владение.

3. 4. Предикативные посессивные конструкции с глаголами *to possess, to belong, to own* и их таджикские соответствия

Как было отмечено, глагол «to have» занимает центральное место в выражении предикативной посессивности. Кроме него значение обладания выражается глаголами «to belong, to possess, to own» и др. Отдельные лингвисты, в частности И.В Тропинова [99,22], в группу посессивных глаголов включают слова типа to keep, to take, to contain, to include, to gain, to win, to get, to rub, to steal, to occupy, to catch, to buy, to receive, to gather, to borrow и десятки других. С таким мнением трудно согласиться. Во-первых, глагол to have тесно связан с определенным субъектом, во владении которого имеется кто-либо или что-либо, т.е. у этого глагола имеется статичное значение. Во-вторых, в содержательной структуре глагола to have отсутствует сема - как, когда, каким образом он стал владельцем данного предмета. Если взять глагол to keep, то он не означает владеть чем-либо, он обозначает держать, сохранять какой-то предмет, который может находиться в чужом владении, и собственностью субъекта он не является. Или же глагол «to contain» также не сообщает о том, что какой-то предмет находится во владении субъекта. Глагол «to hold» не означает иметь, а указывает на то, что субъект держит какой-либо предмет у себя, который может быть либо его собственностью, либо собственностью другого лица. В-третьих, в значении этих глаголов имеется сема кратности или длительности, что отсутствует в содержательной структуре глагола «to have». В - четвёртых, в участии этих

глаголов есть некий семантический оттенок, связанный с тратой усилия субъекта для того, чтобы овладеть каким-либо предметом. В частности, глаголы «to gain, to mean, to earn, to obtain, to acquire, to get, to take» и др., как пишет сам автор, обозначают понятие «начинать, иметь» путём приложения усилий, а у глагола «to have» абсолютно отсутствует такое значение. В-пятых, большинство глаголов этой группы обозначают динамический процесс, что в целом не характерно для глагола «to have». Только у глаголов «to possess, to own, to belong» имеются основные значения, которые свойственны глаголу «to have», поэтому мы считаем их основными синонимами глагола «to have», и они будут проанализированы в сравнительно-сопоставительном плане с их эквивалентами в таджикском языке, а остальные глаголы, называемые И.В Тропиновой, посессивными исключаются из нашей работы.

3. 4. 1. Глагол «to possess» и его эквиваленты в таджикском языке.

В словаре А.С.Хорнби даётся два толкования значения данного глагола:

- 1) иметь что-либо как чьё-то владение, т.е. владеть. Например:
  1. He decided to give away everything he possessed and become a monk(185,965).
  - 2.The family possessed documents that proved their right to ownership (185,965);
- 2) иметь что-либо о качестве свойства, признака. Например: 3. Does he possess the necessary patience and tact to do the job well? (185,965);

Для выявления эквивалента «to possess» переведём вышеуказанные примеры на таджикский язык:

1. $\bar{U}$ қарор дод, ки ҳамаи он чӣ ки дорад, тақсим кунад ва роҳиб шавад.
2. Оила ҳуччатҳое дошт, ки ба моликият ҳуқуқ доштани онҳоро собит мекард.
3. Магар $\bar{u}$ барои иҷрои ин кор сабру тоқат ва одоби зарурӣ дорад? (*наш перевод*)

Как видно из переводов, английский глагол «to possess» соответствует таджикскому глаголу «доштан». В словаре А. Мамадназарова даются ещё и

следующие значения глагола «to possess – соҳиб будан, доро будан, дар тасарруф доштан, бархурдор будан, аз они худ кардан». Кроме того, в предложениях типа «He possessed several languages – Ū чанд забон медонист», этот глагол переводится как «донистан» [67,624]. Нам представляется, что в последнем примере целесообразнее переводить предложение как – «донанда будан» или «соҳибзабон будан», а не «донистан».

Глагол «to possess», употребляясь в форме страдательного залога, проявляет другой оттенок значения. Например: 1. He is possessed with the idea that he is being followed (185,965). 2. What possessed you to do that? (185,965) Для выяснения значения «to possess» в пассиве переводим эти два примера на таджикский язык: 1. Ū шефтаи фикре аст, ки гӯё касе аз паи ӯ афтодааст. 2. Ту гирифтори чӣ шудӣ, ки он корро кунӣ? (наш перевод)

Как видно из этих переводов, в форме пассива глагол «to possess» передаётся в таджикский язык при помощи сочетания «*гирифтори чизе шудан*» или «*шефтаи чизе будан*». И в форме пассива «to possess», и в таджикском эквиваленте этой словоформы чувствуется ослабленное значение владения, т.е. «to be possessed» означает «охватывать или овладевать каким-либо чувством, настроением».

Английский глагол «to possess» встречается в следующих синтаксических моделях:

1. N_1vN_2 . В этой модели N_1 выражается именем существительным, обозначающим лицо, а позицию N_2 занимает имя существительное, обозначающее конкретный предмет. Например: They possess property all over the world (185,965) – Онҳо дар тамоми ҷаҳон моликият доранд. Другой вариант перевода: Онҳо дар тамоми ҷаҳон соҳиби молу мулканд; 2. Do you possess a driver's license? (186, 17) – Оё шумо шаҳодатномаи ронандагӣ доред? Другой вариант перевода: Оё шумо дорои шаҳодатномаи ронандагӣ ҳастед? (наш перевод)

Как явствует из этих примеров и их перевода на таджикский язык, в них в качестве посессора выступают лица «they» и «you» в английском языке и «онҳо» и «шумо» в таджикском языке. Объектами обладания выступают конкретные имена существительные «property» и «license» в английском языке, а также «молу мулк» и «шаҳодатнома» в таджикском. Глагол «to possess» соответствует либо глаголу «доштан», либо глаголу «соҳиб будан». Разница между ними заключается в том, что глагол «to possess» занимает в предикативной конструкции второе место, а его таджикский эквивалент стоит в позиции конца предложения;

2. В качестве субъекта могут выступать даже абстрактные существительные, и при этом объект реализуется при помощи существительного, обозначающего конкретный предмет. Например:

1. Strange what sudden stillness possessed the ship (194, 14).

2. What an uncanny loneliness possessed these streets. (188, 97).

1. Аҷиб аст, ки кадом як хомӯшии ногаҳонӣ киштиро фаро гирифт.

2. Кадом як беодамии ғайриоддӣ ин кӯчаҳоро ҳукмфармо шуд (фаро гирифт).

В данном случае глагол «to possess» почти теряет значение «овладения» и приобретает значение «охватывать», т.е. какое-либо свойство или явление охватывает определенное пространство. Такое свойство является отличительным и выделяет данный объект среди других объектов того же класса. Поэтому глагол «to possess» в этом случае переводится не как «доштан» или «соҳиб будан», а как «фаро гирифтан», «ҳукмфармо шудан». Проявление этого значения связано с тем, что абстрактные понятия типа *тишина, одиночество, дух, проблема* и т.д. могут распространяться лишь на определенном пространстве или охватывать какое-либо место;

3. Глагол «to possess» может употребляться и в тех конструкциях, в которых позицию посессора занимает существительное, обозначающее лицо, а объект реализуется при помощи имени существительного, обозначающего абстрактное понятие. Например: He possessed some vitality and beliefs (194, 56.) - Ӯ ба зиндагӣ каме нерӯ ва эътиқод дошт. All of his children possess

amazing musical talents.(195,43) -Тамоми фарзандони $\bar{u}$ дорои истеъдодҳои наҷиби мусикавӣ буданд. Другой вариант перевода: Тамоми баҷағони $\bar{u}$ истеъдодҳои наҷиби мусикавӣ доштан (перевод информантов).

В конструкциях данного типа глагол «to possess» переводится на таджикский язык как «*дорои хосияте будан*» или «*хосияте доштан*». Английский глагол «to possess» и его два таджикских эквивалента обозначают владение каким-то качеством, признаком или свойством;

4. Изредка глагол «to possess» употребляется в таких предикативных конструкциях, в которых позицию и посессора, и объекта занимает имя существительное, обозначающее лицо. В таком случае, как утверждает Л.И. Подольская «часто денотатами N_1 и N_2 являются лица разного пола. В этом случае глагол possess служит для передачи интимных отношений: There is a woman in the room out of there. Will I ever possess her? (170, 180) – Мана дар он хучра зане ҳаст. Оё ба $\bar{u}$ боре мушарраф мешуда бошам?

It's asking us to see Jon joined to the flesh and blood of the man who possessed Jon's mother against her will» (178,109). - Он моро пурсида истодааст, ки Ҷонро бинем, ки ба ҷону ҷигари марде, ки бар хилофи хоҳишаш модари Ҷонро аз они худ кард (перевод информантов).

В конструкциях этого типа глагол «to possess» не обозначает понятие обладания, а указывает на понятие временного пользования кем-то или чем-то. В данном случае, как явствует из перевода вышеуказанных примеров на таджикский язык, глагол «to possess» передаётся на таджикский язык при помощи глаголов «*мушарраф шудан* и *аз они худ кардан*»;

5. Предикативная посессивная конструкция N_1 v N_2 с глаголом «to possess» может расширяться за счёт модификации последнего компонента данной конструкции при помощи инфинитивной конструкции английского языка. Например: There were other writers who possessed steam yachts to spent their free time in the sea (190, 47). –Дигар нависандаҳое буданд, ки киштиҳои буғӣ доштан, то дар баҳр сайру гашт намоянд(перевод информантов). He possessed a really exceptional morality to become a teacher and to bring up the

rising generation (170,123). – Ў соҳибӣ маънавиёти ҳақиқатан ғавқулодда буд, то омӯзгор шавад ва насли наврасро тарбия кунад. Другой вариант перевода: Ў маънавиёти ҳақиқатан ғавқулодда дошт, то омӯзгор шавад ва насли наврасро тарбия кунад (наш перевод).

В первом примере в качестве объекта обладания выступает «steam yachts», а субъектом обладания является словоформа «writers», которую замещает местоимение «who». Объект «yachts» модифицируется инфинитивным оборотом «to spent their free time in the sea», ограничивающим значение объекта. Благодаря этому обороту, данная посессивная конструкция приобретает дополнительный смысл, суть которого заключается в том, что объект обладания предназначен для проведения свободного времени, а не для перевозки пассажиров, т.е. объект, получает свою целевую установку.

В таджикском переводе «possessed» соответствует словоформе «доштанд», и объект модифицируется придаточным определительным предложением, а не инфинитивной конструкцией. Данное придаточное предложение лимитирует значение объекта и придаёт ему дополнительную семантику о его предназначенности. Следовательно, несмотря на разницу в структуре предикативных конструкций сопоставляемых языков, в содержательном плане между языками наблюдается сходство.

Во втором примере существительное «morality» обозначает объект обладания, и он модифицируется инфинитивными оборотами «to be a teacher» и «to bring up the rising generation». Благодаря этим двум инфинитивным конструкциям глагол «to possess» выражает понятие обладать таким объектом, который характеризуется как особое свойство субъекта, и это свойство конкретизируется не только при помощи прилагательного «exceptional», но и посредством этих двух инфинитивных оборотов.

В таджикском языке глагол «to possess» передаётся либо глаголом «соҳиб будан, либо доштан», а инфинитивные обороты соответствуют таджикским личным формам глагола «шудан (шавад)» и «тарбия кардан

(тарбия кунад)», которые являются сказуемыми придаточного определительного предложения. Это значит, что весь инфинитивный комплекс переводится на таджикский язык при помощи придаточного предложения. Эквиваленты глагола «to possess» (доштан и сохиб будан) также обозначают обладание неким свойством, и данное свойство получает конкретизацию при помощи придаточного определительного предложения.

Следовательно, можно прийти к заключению, что и здесь между данными конструкциями сопоставляемых языков наблюдается структурное различие, хотя в содержательном плане в обоих языках выражается идея обладания неким особым свойством.

6. Глагол «to possess» употребляется также в конструкции $N_1 v R_p$ (Reflexive pronoun) of N_2 . Например: Kate possessed herself of the beautiful house on the bank of the river. (184,67) – Катя худро сохиби хонаи зебои лаби дарё гардонид (перевод информантов). Как видно из перевода, глагол to possess передаётся в таджикском языке при помощи глагола «сохиб гардонид», а возвратное местоимение «herself» соответствует таджикскому эквиваленту «худ». Объектом обладания в обоих языках является «house» (хона). Английская словоформа «possessed» и таджикская «сохиб гардонид» обозначают не состояние обладания, а процесс приобретения.

Следует отметить, что глагол «to possess» и его вышеуказанные эквиваленты могут выражать различные типы обладания. В частности, эти глаголы сопоставляемых языков могут выражать обладание таким предметом, который является собственностью посессора. Например: The family possesses a great deal of money (192, 78) – Оила пули зиёде дорад. Другой вариант перевода: Оила сохиби пули калон аст (перевод информантов).

He possesses his father's wealth (192, 93)- Ӯ сохиби боигарии падараш мебошад (перевод информантов). В приведённых примерах существительные «money – пул» и «wealth – боигарӣ» обозначают конкретные предметы, которыми обладают соответственно посессоры «family- оила» и «he- ӯ».

Глагол «to possess» и его таджикские эквиваленты в зависимости от семантики существительных, выполняющих функцию объекта, могут обозначать овладение особыми внутренними свойствами со стороны субъекта. Например: The dog possesses a keen sense of smell (171, 89). - Саг хиссиёти тези бӯйгирӣ дорад. “You possessed intelligence and rectitude”, he said. (184, 45) – Ту соҳиби вичдон ва ақли расо будӣ, – гуфт ӯ. Другой вариант перевода: Ту вичдон ва ақли расо доштӣ, - гуфт ӯ (*наш перевод*).

Глагол «to possess» и его таджикские эквиваленты могут выражать также внутреннее обладание. Например: She possesses a wonderful calm temperament (185,965) - Вай табӣи ором дорад. Другой вариант перевода: Ӯ соҳиби табӣи ором аст (*наш перевод*).

Согласно О.Н. Исаевой, глагол «to possess» употребляется в тех случаях, когда говорится об овладении посессором мелкими предметами или же о таких предметах, как машина, велосипед и т.д., но в случаях, когда речь идёт о понятиях типа «house, mill, land, factory» и т.д., нельзя употребить глагол «to possess» [46,57]

В целом глагол «to possess» во многих случаях может замещать глагол to have, но to possess не является абсолютным синонимом глагола to have. Данный глагол передаётся на таджикский язык главным образом при помощи глаголов доштан, соҳиб будан.

3. 4. 2. Глагол «to belong» и его таджикские соответствия

Глагол «to belong», согласно словарю А.С.Хорнби (185,98), имеет следующее значение: 1) быть чьей-то собственностью; например:

These books belong to me (185,98). - Ин китобҳо ба ман тааллуқ доранд. В данном значении «to belong» соответствует глаголу «тааллуқ доштан»;

2) быть связанным с чем-либо или с каким-либо местом. Например:

I belong to Glasgow (185, 98) – Ман ба Гласго дахл дорам. Данное значение глагола «to belong» передаётся в таджикском языке при помощи глагола «тааллуқ доштан»;

3) быть членом какой-либо группы, семьи, организации и т.д. (Ibid), например:

He has never belonged to any Trade Union – Ў ҳаргиз ба ягон Иттифоқи касаба тааллуқ надошт (мансуб набуд). Данное значение глагола «to belong» передаётся в таджикском языке при помощи глаголов «тааллуқ доштан», «мансуб будан». Он имеет и некоторые другие значения, которые не связаны непосредственно с понятием обладания.

Глагол «to belong» в отличие от других предикативных посессивных конструкций образует совсем иную синтаксическую структуру, при других глаголах обладания посессор занимает первую позицию, а предмет обладания стоит на третьем месте. А в таджикском языке предмет обладания занимает вторую позицию. С глаголом «to belong» наблюдается совсем другая картина. Первую позицию предложений занимает не субъект, а объект обладания. Посессор занимает место после предиката. Таким же образом в таджикском языке объект обладания называется первым, за которым следует субъект обладания. Например: Well, it belonged to my father (181, 22) – Хӯш, ин ба падари ман тааллуқ дорад. That lid belongs to this jar (185, 98) – Он сарпӯш ба ин кӯза тааллуқ дорад (перевод информантов). В первом предложении позицию подлежащего в обоих языках занимает слово «it – ин», но они не обозначают посессора. Наоборот, слова «it» и «ин» указывают на объект обладания. Предложные обороты «to my father – ба падари ман» являются косвенными дополнениями. Они обозначают посессоров, т.е. указываемым, местоимением it (ин) принадлежит отцу говорящего. Следовательно, в логическом плане данное предложение образует следующую структуру: в английском языке: объект обладания, предикат, субъект обладания. В таджикском языке: объект обладания, субъект обладания, предикат.

Во втором примере существительное «lid» и его таджикский перевод «сарпӯш» являются подлежащими этих предложений, но они не обозначают субъекты, а называют объекты обладания. В качестве субъектов обладания выступают «jar» и «кӯза». Это значит, что логика в семантическом плане между сопоставляемыми языками наблюдается полное соответствие. Разница

между языками наблюдается в структуре вышеуказанных предложений. В английском языке предикат стоит на втором, а в таджикском языке-на третьем месте.

Теперь рассмотрим, какие семантические группы имён существительных занимают позицию объекта и субъекта обладания.

Согласно нашему фактологическому материалу большей частью позицию посессора–обладания занимают неодушевлённые существительные. В частности, в этой функции выступают следующие имена существительные:

1. Существительные, обозначающие конкретные предметы. Например: Ин модагови ало ба модари Дилбар тааллуқ дошт(152,30) – This motley cow belongs to Dilbar's mother. A new packet of cigarettes belonged to Jan. (173,45) – Ба Ҷен як қуттии нави сигор тааллуқ дошт (перевод информантов).

В первом примере в обоих языках слова «гов» и «cow» обозначают конкретные одушевленные предметы, которые представляют собой объекты обладания. А во втором примере в качестве объекта обладания выступают существительные «cigarettes» и «сигор», которые являются конкретными неодушевленными предметами. В таджикском языке во втором примере, вопреки вышеуказанному правилу, объект обладания (ба модари Дилбар) занимает вторую позицию, что связано с актуальным членением предложения. В таджикском языке подлежащее, обычно обозначая известный предмет, занимает первую позицию предложения, но когда подлежащее обозначает рему высказывания, то оно переносится ближе к концу предложения. А в английском языке маркером ремы является неопределенный артикль a, поэтому, несмотря на то, что объект обладания занимает первую позицию предложений, «a packet» обозначает рему;

2. Существительные, обозначающие абстрактные понятия. Например: Чунин интизом ба ҳарбиён мутааллиқ аст.(152,162) – Such a discipline belongs to military men. The idea of moving to some other place belonged to Magdha, who was busy now with breakfast preparations(173,168) – Фикри ба чои дигар

кӯчидан ба Магда тааллуқ дошт, ки ҳоло нонушта тайёр мекард(перевод информантов).

В первом примере в качестве объекта обладания выступает абстрактное существительное «интизом- discipline». Во втором примере объект обладания выражен абстрактным существительным «idea - фикр».

3. В нашем материале встречаются случаи, когда в качестве номинанта объекта обладания выступают имена существительные, обозначающие лицо: She belonged to another world (173,191) – Вай ба чаҳони дигар тааллуқ дорад. Ин кӯдакони бегуноҳ ба шаҳидони ҷанг тааллуқ доранд (153, 92).- These innocent kids belong to sacrifices of the war (перевод информантов).

В английском примере объект обладания выражен личным местоимением «she», указывающим на лицо. Таджикским эквивалентом этого местоимения является «ӯ», которое также обозначает объект обладания. В примере на таджикском языке номинантом объекта обладания является слово «кӯдак», обозначающее лицо. Его английский эквивалент «kid» также обозначает объект обладания, которым является лицо(kids).

4. Существительные, обозначающие части тела: The suit and the smile, the cheeks and jowls, belonged to the fat man. (194,56) - Ин костюм ва ин табассум, ин рухсораҳо ва манаҳо ба марди фарбеҳ тааллуқ дошт.

ӯ ба расм такроран нигоҳ кард, ба ӯ чунин вонамуд шуд, ки гӯё ин чашмони дурахшон ва рӯйҳои зебо ба ӯ мансуб нест.(153,98) – She looked at the picture again, its to her that these shining eyes and beautiful face do not belong to her.

В этих примерах существительные «cheeks» и «jowls» в английском языке и существительные «чашмон» и «рӯй», обозначая части человеческого тела, выступают в качестве номинантов объекта обладания.

В конструкциях этого типа не следует говорить о партативном отношении, так как части тела неотделимы от тела человека за исключением бороды, усов, шрамов, ногтей и т.д. Здесь следует говорить о неотчуждаемой собственности.

5. Позицию подлежащего - объекта обладания могут занимать имена существительные, обозначающие внутренний мир человека, психические процессы, происходящие в его сознании: *Such evil spirits belonged to that people* (185, 1233) – Чунин рӯхи шайтонӣ хоси он мардум буд. Ин иродаву часорат инчунин ба Қурбонмоҳ хос буд (153, 99).-*This will and courage belonged to Qurbonmoh as well* (наш перевод).

В английском примере слово «spirits» обозначает «дух человека», и данное слово, будучи подлежащим, в предложении обозначает объект, которым обладают люди. А в таджикском языке существительные «иродаву часорат», обозначающие психические свойства человека, также функционируют как подлежащее и обозначают объекты, которыми обладает Курбонмох. Такие предметы обладания относятся к сфере неотчуждаемой собственности.

6. В качестве объекта обладания могут быть употреблены имена существительные, которые обозначают названия человеческих актов: *Such acts could belong only to courageous young men* (173,119)- Чунин амалиётҳо ба чавонони часоратнок хос аст. Меҳмоннавозии падар ба писар ҳам хос буд.(153,103) – *Father's hospitality belonged to his son as well* (перевод информантов). В первом примере слово «acts», будучи подлежащим, обозначает объект, присущий молодому человеку. Во втором примере слово «меҳмоннавозӣ» также обозначает процесс, и этот процесс представляется как объект, который принадлежит сыну.

В примерах такого типа объект репрезентируется не как реальный объект, а как свойство, характерное субъекту, в качестве которого выступают в наших примерах слова «young men» и «писар».

Теперь перейдём к анализу тех семантических разрядов имён существительных сопоставляемых языков, которые обозначают субъект обладания в рассматриваемых предикативных посессивных конструкциях с глаголом «to belong». Выраженность субъекта обладания тем или иным лексико-семантическим разрядом имён существительных оказывает влияние

на семантику принадлежности. Наш фактологический материал свидетельствует о том, что в конструкциях рассматриваемого типа в качестве субъекта обладания могут употребляться следующие семантические разряды имён существительных:

1) с существительными обозначающими антропимы. При этом перед таким именем существительным употребляется предлог to. Такое сочетание предлога и существительного, выполняя синтаксическую функцию косвенного дополнения, обозначает субъект обладания. Например: *My baby belongs to me* (183,76) – Кӯдакам ба ман тааллуқ дорад.

Ин хизматгорон ба Мавлонбой тааллуқ доранд (153, 58)- *These servants belong to Mavlonboy* (наш перевод). В английском примере «*to me*» выступает в функции дополнения, но обозначает принадлежность ребёнка говорящему. В таджикском примере в качестве субъекта обладания выступает существительное «Мавлонбой», которое так же, как в английском языке, употреблено с предлогом **ба**, являющимся эквивалентом английского предлога **to**. В английском примере выражена неотчуждаемая принадлежность, а в таджикском языке - наоборот; 2) В качестве субъекта обладания могут выступать денотаты имён существительных, обозначающих животный мир (зоонимы). *I think, these silken wings belong to the great birds lifting themselves from the water.* (173, 51)-Ман фикр мекунам, ки ин болҳои пурчило ба паррандагони калончусса тааллуқ доранд, ки аз об ба фазо самт гирифта истодаанд. Ин шири бомазза ва ширин ба гови Дилбар хос аст.(152, 30) –*This tasty and sweet milk belongs to Dilbar’s cow.* В английском примере зооним «*birds*» обозначает субъект обладания, а в синтаксическом плане «*birds*» в сочетании с предлогом **to** выполняет функцию косвенного дополнения. В таджикском примере зооним «гов» обозначает субъект обладания молоком, и данное существительное в сочетании с предлогом «ба» является косвенным дополнением;

3) В качестве номинанта субъекта обладания могут выступать имена существительные, обозначающие конкретные неодушевленные предметы.

Например: Ин хиштҳо ба цехи мо тааллуқ дорад.(153,102). – These bricks belongs to our shop. These hidden graces belong to especially books of poetry.(192,48).- Чунин хусусиятҳои чолиби ниҳонӣ махсусан ба асарҳои назмӣ хос мебошанд.

В таджикском примере слово «цех» (shop), будучи косвенным дополнением, обозначает субъект обладания. А в английском примере такую функцию выполняет словосочетание «books of poetry» (асарҳои назмӣ). И в таджикском, и в английском языке, эти существительные обозначают конкретные исчисляемые предметы;

4) В предикативных конструкциях рассматриваемого типа субъект обладания может быть выражен абстрактными именами существительными. Например: He always felt a subdued pride because he belonged to a fellowship that was unique in this world (174, 102) - Вай ҳамеша пинҳонӣ ифтихор мекард, ки ба чунин табақаи яккаю ягона дар ҷаҳон тааллуқ дорад. Ҳамаи ин ҳикояту ривоятҳо ба эҷодиёти даҳонакии халқи тоҷик тааллуқ дошт (158,89). – All these stories and legends belong to the Tajik folk-lore. В английском примере в качестве субъекта обладания выступает абстрактное существительное «fellowship» (табақа), а в таджикском примере роль субъекта выполняет имя существительное – «эҷодиёти даҳонакии халқ» (Tajik folk-lore).

5) Субъект обладания в сопоставляемых языках может выражаться также, при помощи существительных, обозначающих период времени. Например: Маҷмӯаи «Ҳикояҳо»- и Ҳаким Карим ба давраҳои пешазчангӣ тааллуқ дорад (158,28).- Н.Karim's collections «Stories» belongs to the pre-war period. То Эрик, Реган ба он замони фаромӯшшудае тааллуқ дошт, ки мардон ба бари рӯяшон риш (бакенбард) мемонданд(перевод информантов). В таджикском примере словосочетание «давраи пешазчангӣ» в плане синтаксиса выполняет функцию дополнения, а в логическом плане оно представляет собой субъект обладания. А в английском примере в качестве такого выступает

словосочетание «to a forgotten era». Оба эти словосочетания обозначают период времени.

Таким образом, глагол «to belong» выражает понятие отнесенности какого-либо неодушевленного предмета одушевленному или наоборот. Данный глагол имеет в таджикском языке следующие эквиваленты: тааллук доштан; дахл доштан; мансуб будан и др.

В отличие от других глаголов обладания глагол «to belong» и его таджикские эквиваленты образуют такие предикативные синтаксические конструкции, в которых первое место занимает имя, обозначающее объект обладания. Субъект обладания в английском языке стоит на третьем месте, а в таджикском языке - на втором.

3.4.3. Глагол «to own» и его таджикские эквиваленты

Согласно толковому словарю А.С.Хорнби (185,886) у глагола «to own» имеются три значения, и только его первое значение связано с понятием посессивности. Таким значением является иметь что-либо как чью-либо собственность, т.е. владеть. Например: This house is mine; I own it (185,886).- Ин ҳавлӣ аз они ман аст; ман соҳиби он мебошам. Who owns this land? (ibid) – Кӣ соҳиби ин замин аст?

Глагол «to own» переводится на таджикский язык: доштан; соҳиб будан; соҳиб шудан; молик будан; доро будан;

Глагол «to own» и его таджикские соответствия образуют, как правило «трёхчленную предикативную синтаксическую конструкцию». В такой конструкции первое место занимает в обоих языках субъект обладания. В английском языке предикат расположен на втором месте, а в таджикском эту позицию занимает объект. Третье место занимает в английском языке объект, а в таджикском - предикат. Например: Her father owned a large firm (195,89). - Падари ӯ як ширкати калоне дошт. Это значит, что глагол to own образует следующую конструкцию: N_1VN_2 . Данная конструкция соответствует

таджикской конструкции N_1N_2V . N_1 в обоих языках обозначает посессора, а N_2 объект обладания.

Наш фактологический материал из сопоставляемых языков свидетельствует о том, что в отличие от других глаголов обладания, глагол «to own» и его таджикские соответствия характеризуются тем, что они употребляются с ограниченным разрядом имён существительных. В частности, глагол «to own», в основном, употребляется с такими субъектами, которые номинируются одушевленными существительными. Например: *She owns a car, but a rarely drives it (185,886)* – *ӯ машинаи сабукрав дорад, вале онро аҳён-аҳён меронад* (наш перевод). В данном примере субъект выражен местоимением «she», который указывает на лицо. В таджикском языке употреблён глагол «*доштан*», который употребляется безразлично и с названиями лиц и нелиц.

Изредка, в качестве субъекта обладания глагола «to own» могут употребляться и существительные, обозначающие неодушевленные предметы. Например: *The palace owned a copper gate knocker (179, 84)* - *Қаср дарвозае дошт,ки ҳалқааш мисин буд*. В этом примере субъектом является «gate» (дарвоза) (наш перевод).

В качестве объекта обладания при глаголе «to own» могут выступать существительные, обозначающие конкретные предметы, при этом объект обладания не может представлять собой мелкие предметы. Поэтому нельзя сказать «*I own a book. She owns a new costume. They owned hens and cocks*» и т.д. Наоборот, как верно подметила О.Н. Исаева [46,57], среди глаголов обладания выбор глагола «to own» является наиболее верным, когда позицию объекта занимают имена существительные, обозначающие большие и крупные предметы, как *factory-фабрика, mill- завод, house-ҳавлӣ, land-замин, horse – асп, tractor – трактор* и т.д. С глаголом «to own» нельзя употреблять в качестве объекта существительное «*money - пул, compact-куттичай упо, a pencil – қалам*» и т.д. А синоним глагола «to own» глагол «to have» может свободно употребляться со всеми этими разрядами имён

существительных. То же самое можно сказать в отношении таджикского глагола «дошта»н. В таджикском языке, так же как в английском, с существительными, обозначающими крупные предметы, употребляется глагол «соҳиб будан». He owns a big house.- ӯ соҳиби хавлии калон аст. He owns a factory. - ӯ соҳиби фабрика аст. She owns a big property.- ӯ соҳиби молу мулки зиёд аст. Глагол «соҳиб будан» чаще употребляется в книжном стиле речи. В разговорной речи большей частью употребляется глагол «доштан».

Однако, согласно Л. И.Подольской[83,73], в предикативных структурах с глаголом «to own» позицию объекта могут занимать имена существительные, обозначающие мелкие предметы, которые являются собственностью субъекта. Сюда относятся существительные типа «suit, gun, jacket, toy» и т.д. Например: Cleet did not own a dinner jacket (175,119) - Клит либоси расмӣ надорад (*перевод информантов*).

They never played at killing things, nor owned toys guns (187,144) - Онҳо ҳаргиз бо асбобҳои кушторӣ на бозӣ мекарданд, на онҳоро доштанд (наш перевод).

Casey dressed in a dark blue light weight suit, the only civilian summer suit he owned (194, 38) .-Кэси дар бар костюми сабуку рангаш кабудӣ баланд дошт, ки он ягона костюми тобистонаи шаҳрвандии ӯ маҳсуб меёфт (*перевод информантов*).

Таджикский эквивалент глагола «to own» - «соҳиб будан» почти не употребляется с существительными типа «костюм, жакет, бози, милтиқча» и т.д. Предложения типа «ӯ соҳиби костюм буд», «Вай соҳиби жакет буд», «Вай соҳиби бозича буд» и т.д. не выражают идею обладания этими предметами, а указывают на идею принадлежности. Предложение «ӯ соҳиби костюм буд» означает, что он был владельцем этого костюма, а не у него имелся костюм.

Глагол «to own» и его таджикский эквивалент «соҳиб будан», обозначают понятия распоряжаться, пользоваться.

В целом, в контекстах глагол «to own» и его таджикский эквивалент «соҳиб будан» проявляют три оттенка значения: 1) принадлежность без права обладания. Например: George owned a tenement on Tenth Avenue (186,188) – Чорч дар хиёбони даҳум хонаи ичора дошт; 2) обладание без права принадлежности. In short, I owned a piece of land. (189,100) – Хуллас, ман соҳиби як порча замин ҳастам; 3) субъект юридически обладает предметом, и ему этот объект принадлежит. He owned the Baines – Povey shop (194, 299) – Ў дар Бейнес –Пов соҳиби мағоза буд. He owned the car we were trying to steal (195,94) – Ў соҳиби машинаи сабукраве, буд ки мо онро кӯшиши дузиданӣ кардем(перевод информантов).

Таким образом, одному глаголу «to own» в таджикском языке соответствует три глагола. В употреблении глагола «to own» имеются некоторые ограничения, что менее характерно для его таджикских эквивалентов. Во-первых, «to own» требует употреблять с ним существительное, обозначающее лицо, во-вторых, он связан с понятием обладания крупными предметами, что иногда свойственно его таджикским эквивалентам.

Глагол «to own» и его таджикские эквиваленты образуют в основном трёхкомпонентные конструкции, которые могут определяться именем прилагательным или некоторыми прилагательными.

Выводы по третьей главе

Кроме глагола «to have» и его таджикского эквивалента «доштан» в сопоставляемых языках в качестве глаголов обладания выступают английские глаголы «to possess – соҳиб будан, доро будан, дар тасарруф доштан, бархурдор будан, аз они худ кардан, to belong – тааллуқ доштан, мансуб будан, to own–соҳиб шудан, молик будан, доро будан». Следовательно, количество глаголов обладания в таджикском языке больше, чем в английском языке.

Эти глаголы обладания сопоставляемых языков образуют трёхчленные посессивные конструкции, в состав которых входят субъект обладания, объект обладания и предикат обладания. В сопоставляемых языках в занимаемой позиции этих компонентов обнаруживается различие. Предикат обладания в английском языке занимает позицию между субъектом и объектом, а в таджикском языке предикат обладания занимает - конечную позицию. В обоих языках субъект занимает первую позицию за исключением глагола «to own» и его таджикских эквивалентов. При них на первом месте располагается объект, а субъект ставится в английском языке на третье место, а в таджикском языке - на второе.

С глаголами «to possess» и «to belong» и их таджикскими эквивалентами субъект и объект обладания могут модифицироваться различными частями речи и синтаксическими оборотами, которые влияют на проявление различных оттенков понятия обладания. Число таких модификаторов у конструкций с глаголом «to own» и с его таджикскими эквивалентами значительно меньше. Эти модификаторы могут быть облигаторными или факультативными.

Не все семантические разряды имён существительных могут быть употреблены в качестве номинантов субъекта и объекта обладания. В зависимости от данного фактора разграничивается 21 конструкция с этими глаголами:

I. С глаголом “to possess” и его таджикскими эквивалентами употребляются следующие предикативные конструкции:

- 1) N₁ (лицо) V N₂ (конкретный предмет)
- 2) N₁ (абстрактное существительное) N₂ (абстрактный предмет)
- 3) N₁ (лицо) V N₂ (абстрактный предмет)
- 4) N₁ (лицо) V N₂ (лицо)
- 5) N₁ V N₂ Infinitive
- 6) N₁ V Reflexive Pronoun of N₂

II. С глаголом “to belong” и его таджикскими эквивалентами, в качестве объекта обладания могут выступать следующие существительные:

- 1) N₁ (название конкретных предметов)
- 2) N₁ (название абстрактных предметов)
- 3) N₁ (антропонимы)
- 4) N₁ (названия частей тела)
- 5) N₁ (названия внутреннего мира человека)
- 6) N₁ (название человеческих актов)

С глаголом “to belong” и его таджикскими эквивалентами в качестве субъекта могут выступать следующие разряды имён существительных:

- 1) VN₂ (антропонимы)
- 2) VN₂ (зоонимы)
- 3) VN₂ (названия конкретных предметов)
- 4) VN₂ (названия абстрактных предметов)
- 5) VN₂ (названия периодов времени)

III. Глагол “to own” и его таджикские эквиваленты образуют следующие предикативные структуры. Субъект обладания выражается следующими разрядами существительных:

- 1) N₁ (названия одушевленных существительных)
- 2) N₂ (изредка названия абстрактных)

Объект обладания с глаголом “to own” и его таджикскими эквивалентами может выражаться:

- 1) VN₂ (названия конкретных крупных предметов)
- 2) VN₂ (изредка названия конкретных мелких предметов)

Эти посессивные конструкции в определенной степени оказывают влияние на проявление отдельных семантических видов и оттенков категории посессивности в сопоставляемых языках.

Заключение

1. В онтолого-логическом и лингвистическом планах разграничиваются два понятия: экзистенциальность и посессивность. Понятие экзистенциальности связано с существованием материальных и идеальных объектов в реальной действительности, которые, отражаясь в сознании людей, фиксируются в их памяти в виде представлений и понятий. Они в языке получили названия категории экзистенциальности и категории посессивности. Под последней категорией понимается принадлежность какого-либо предмета или предметов материального мира какому-либо одушевленному или неодушевленному предмету. Понятие принадлежности тесно связано с тремя факторами. По первому фактору предмет принадлежит другому предмету как - Божий дар. Второй фактор предполагает прилагаемые усилия посессора для обладания другим предметом. Третий фактор связан с социальными параметрами. Первично понятие экзистенциальности, вторично понятие посессивности (обладание).
2. Следует разграничивать три вида посессивности: 1) установленная (сохибияти бунёдӣ), под которой следует понимать закрепленность одного предмета другому изначально; 2) приобретённая посессивность (сохибияти дастовардӣ), что означает обладание предметом в результате усилий и других действий посессора; 3) релятивная посессивность (сохибияти нисбӣ), т.е. не собственное обладание, а владение в результате социальных взаимоотношений двух субъектов, каждый из которых может быть и объектом, и субъектом.
3. Объект обладания может носить временной и невременной характер. Он может быть отторжимым / отчуждаемым или неотторжимым / неотчуждаемым. Однако эти две пары посессивности не имеют в сопоставляемых языках специальных грамматических средств выражения. Их проявление зависит от лексического значения номинанта объекта обладания или от определенных синтаксических конструкций.

4. Концепт обладания носит общечеловеческий характер. Он пронизывает даже сферу нечеловеческого пространства, так как у индивида имеются части тела, имущество, мысли, идеи и т.д. Животные также имеют различные органы (тело, глаза и др.) и т.д. У солнца есть лучи, теплота, у растительного мира есть корни, ствол, листья и т.д. Поэтому отношения обладания носят универсальный характер. Понятие обладания находит своё отражение в сознании индивида, поэтому оно составляет категорию мышления.

5. Данная мыслительная категория находит свою реализацию в различных средствах языка. В частности, в языках мира в её выражении участвуют морфемы, слова отдельного разряда, номинативные синтаксические конструкции, предикативные синтаксические образования и даже сложное синтаксическое целое. Это говорит о том, что лингвистические средства, которые соотносимы с понятием посессивности, являются крайне гетерогенными. Эти средства образуют особое поле, компоненты которого в языках мира разнообразны. Поэтому данное поле составляет особую функционально-семантическую категорию.

6. В функционально-семантическую категорию посессивности в таджикском и английском языках входят два ряда языковых единиц: 1) непредикативные, 2) предикативные. Под непредикативными единицами следует понимать субстантивные словосочетания сопоставляемых языков, ядро которых выражается именем существительным, а в качестве их адьюнкта выступает определенный разряд местоимений или другое существительное. Они носят номинативную функцию. В таджикском языке отдельные словоформы с посессивной функцией входят в разряд этих средств. К непредикативным единицам относятся в английском языке –*'s*, предлог *of*, словосочетание $N_1 + N_2$, где связываются два существительных путём примыкания, притяжательное местоимение в сочетании с именем существительным, сочетание двух имён существительных, связанных при помощи предлога *with*. В таджикском языке к ним относятся специальные

морфемы притяжательности, сочетание имени существительного и личного местоимения, связываемое при помощи изафета *-и*, имя существительное с возвратным местоимением, которые связываются изафетом *-и*, четырёхкомпонентная конструкция существительное+и+возвратное местоимение+морфемы притяжательности. Предикативные единицы предполагают синтаксические конструкции, в составе которых имеется финитный глагол с двумя актантами - субъектом и объектом, которые могут модифицироваться облигаторными или факультативными компонентами. Эти средства имеют коммуникативную функцию. К предикативным средствам выражения посессивности относятся: в английском языке - глаголы *to have, to possess, to belong* и *to own*, которые образуют трёхкомпонентную конструкцию; в таджикском языке - глаголы *доштан, тааллуқ доштан, доро будан, дар тасарруф доштан, соҳиб будан, аз они худ кардан, мансуб будан, молик будан*.

7. Существуют два понимания посессивности: узкое и широкое. Его узкое понимание сводится к тому, что некий объект действительно является собственностью определенного субъекта. Широкое понимание означает то, что определённый предмет временно или постоянно находится во власти какого-либо лица или предмета, или же какой-либо элемент составляет часть другого предмета.

8. Функционально-семантическая категория посессивности может быть бицентричным или моноцентричным. Данная категория в английском языке рассматривается как моноцентрическая категория с наличием приядерной зоны. В центр поля посессивности входит конструкция $N_1 \text{ of } N_2$, а конструкция $N_1 + N_2$ занимает приядерную зону. В таджикском языке в центре поля посессивности находится конструкция $N_1^{\text{н}} + N_2$. В посессивной конструкции с предлогом *of* в английском и с изафетом *-и* в таджикском языке посессор занимает первую или вторую позицию в английском и только вторую позицию в таджикском языке, что зависит от семантического разряда имени существительного, занимающего эти две позиции.

Образования с предлогом *of* и с изафетом –и не являются закрытыми структурами. Каждый из компонентов этих номинативных образований может расширяться облигаторным или факультативным компонентом. Факультативный модификатор даёт дополнительную информацию об объекте или субъекте обладания, а облигаторный модификатор составляет содержательную структуру номинанта объекта или субъекта обладания, и поэтому его опущение искажает смысл данной конструкции.

9. Между компонентами рассматриваемой конструкции сопоставляемых языков обнаруживается ряд отношений, таких как отношение конкретной принадлежности, статальное отношение, агентивное отношение, локативное отношение, пациентивное отношение, партативное отношение, квалификативное отношение, темпоральное отношение, авторское отношение, дескриптивное отношение и т.д. Объект обладания может носить кратный или частотный характер, может быть запланированным или незапланированным, постоянным или временным.

10. Вторую зону ФСК посессивности занимают английские субстантивные словосочетания, связываемые при помощи форманта –‘s, и их таджикские соответствия. Формант –‘s не является морфемой падежа имён существительных английского языка, так как в отличие от падежных флексий других языков мира способен перемещаться с одного места на другое, т.е. может присоединяться к модификатору имени существительного, к которому относится –‘s. Исходя из этого, –‘s считаем формантом или синтаксической единицей, служащей для установления связи между компонентами словосочетаний или предложений. Содержанием этой связи большей частью является выражение отношения притяжательности, которое может в определенных случаях усложняться некоторыми другими типами семантических отношений. Таджикским эквивалентом –‘s является изафет –и, который также выполняет связующую функцию между словами, содержанием которой большей частью является значение притяжательности.

К конструкциям с формантом –'s и изафетом –и приобщается ряд подкатегориальных значений таких, как: отношения реального обладания, агентивное отношение, пациентивное отношение, квалификативное отношение, статальное отношение, отношение предназначенности того или иного предмета какому-либо лицу, значение физической характеристики субъекта или его интеллектуальных возможностей, значение происхождения объекта и т.д.

11. В сопоставляемых языках номинанты субъекта и объекта обладания могут модифицироваться различными словами, оборотами или конструкциями, которые носят либо облигаторный, либо факультативный характер. В качестве таковых могут выступать имена прилагательные, имена числительные, некоторые виды местоимений, английское причастие I и его таджикский эквивалент - причастие одновременности, английское причастие II и его таджикский эквивалент - причастие предшествования и т.д.

12. Третью зону поля посессивности занимают в английском языке субстантивные словосочетания, адьюнкты которых выражаются связанной формой притяжательных местоимений. В качестве эквивалента данной конструкции в таджикском языке выступают четыре типа образований: конструкция N^и +Personal pronoun, конструкция N+ morphemes of possession, конструкция N^и+Reflexive pronoun «худ», конструкция N^и+Reflexive pronoun «худ» +morpheme of possession. Единицы **-ам, -ат, -аш, -амон, -атон** и **-ашон** следует считать формообразующими морфемами, служащими для выражения отношения притяжательности. В отличие от английского языка эти единицы образуют не словосочетание, а словоформу: китобам – my book. У них имеются две функции: одновременно указывают и на принадлежность, и на лицо и число посессора. Разница между конструкциями таджикского языка с формантами притяжательности и без них заключается в том, что при употреблении этой морфемы акцентируется объект, а при употреблении личного или возвратного местоимения в качестве средств выражения посессивности акцент делается на посессора. В английском языке эти две

цели достигаются при помощи логического ударения. При акцентуации объекта логическое ударение принимает существительное, а при выделении посессора оно падает на притяжательное местоимение.

13. В поле посессивности входят также конструкции английского языка, состоящие из двух имен существительных, связанных путём примыкания. Они соответствуют таджикскому словосочетанию, состоящему из двух существительных, связанных изафетом *-и*. Первый компонент такой английской конструкции обозначает посессора, а в её таджикском эквиваленте посессором является второй компонент. Значение притяжательности в таких конструкциях исходит из смысловой связи между их составляющими. Эти конструкции могут выражать также отношения квалификативные, отношения части целого, пациентивные отношения, локативные отношения и др. При проявлении квалификативного отношения первый компонент английской притяжательной конструкции может передаваться в таджикском языке относительными прилагательными.

14. Другую зону ФСК посессивности занимает в первую очередь английский глагол «to have» и таджикский «доштан». Они образуют, как минимум, трёхчленную конструкцию. Ею является в английском языке: N_1vN_2 ; в таджикском языке: N_1N_2V . Первый компонент конструкции в обоих языках обозначает субъект обладания, другой компонент номинирует объект обладания, а глагол называет предикат обладания. Субъект обладания может выражаться в обоих языках личными местоимениями, одушевленными существительными, собственными именами и изредка абстрактными существительными. Номинант субъекта может модифицироваться в обоих языках различными разрядами местоимений, прилагательным и числительным, которые играют факультативную роль. Объект обладания может выражаться существительными, обозначающими конкретные предметы, различные состояния или свойства лица, родственников или социальные отношения между людьми, части тела одушевленных

предметов, отдельные части конкретных неодушевленных предметов, явления социального характера и т.д.

15. Глагол «to possess» также образует предикативную посессивную конструкцию и переводится на таджикский язык глаголом *доштан*. Эти глаголы образуют трёхчленную синтаксическую конструкцию N_1VN_2 в английском, и N_1N_2V в таджикском языке. В конструкциях такого типа первый субстантивный компонент обозначает посессора, а второй - объект обладания. В качестве номинантов субъекта в обоих языках выступают личные местоимения; конкретные и абстрактные существительные; существительные, обозначающие лицо; а объект обладания может выражаться различными семантическими разрядами имён существительных. Оба субстантивных компонента данной конструкции могут модифицироваться облигаторными или факультативными компонентами. В составе таких конструкций *to possess* и его таджикские эквиваленты могут выражать различные виды обладания, такие как внутреннее и внешнее обладание и т.д.

16. Глагол «to belong» и его таджикские соответствия *дахл доштан*, *мансуб будан*, *тааллуқ доштан* и др. образуют трёхчленную конструкцию, которая отличается от других посессивных предикативных конструкций. Здесь первую позицию занимает не субъект, а объект, субъект вводится при помощи предлога *to* в английском и предлога *ба* в таджикском языке. Позицию объекта обладания занимают неодушевленные существительные и изредка названия лиц. Позицию субъекта обладания могут занимать антропонимы, зоонимы, существительные, обозначающие конкретные предметы, и иногда даже абстрактные существительные.

17. Последним глаголом обладания является «to own», который переводится на таджикский язык: «*доштан*, *соҳиб будан*, *молик будан*» и т.д. Эти глаголы образуют как минимум трёхчленную конструкцию, в которой первое место занимает номинант субъекта, а номинант объекта в таджикском языке занимает вторую позицию, а в английском языке он занимает третью

позицию. Эти глаголы в обоих языках употребляются с ограниченным семантическим разрядом имён существительных. В качестве субъекта могут выступать личные местоимения и названия лиц. Объект обладания чаще всего выражается существительными, обозначающими конкретные крупные предметы. Глагол «to own» и его таджикские эквиваленты в контекстах проявляют три оттенка значения: 1) принадлежность без права обладания; 2) обладание без права принадлежности; 3) обладание и принадлежность с юридической точки зрения.

В целом, между сопоставляемыми языками в сфере ФСК посессивности обнаруживается больше алломорфизма в структурном плане, и почти полный изоморфизм в содержательном плане, так как данная категория имеет общую онтологическую и понятийную основу.

Список использованной литературы:

1. Абдурахимов, С. Ибораҳои исми бо исм /С. Абдурахимов // Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. ҷ.II. Душанбе: Дониш, 1986.-С.29-34.
2. Анохина, С.П. Бытийные и посессивные предложения в германских языках (структурно-семантический и функционально-прагматический аспект) Автореф. дисс. доктора филол.наук: 10.02.04 /С.П.Анохина. Тольяти.- 1993.-40с
3. Аношкина, Т.Е. О семантическом аспекте в изучении русских предложений со значением посессивного наличия / Т. Е. Аношкина //Предложение как многофункциональная единица языка (русский язык): Межвузовский сборник научных трудов.-М.:МГПИ им.В.И.Ленина, 1983.- С.65-76.
4. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д.Аракин.-Л.: Просвещение, 1979.-254с.
5. Арефьева, Т.Л. Соотношение смысла и формы в пределах функционально- семантического поля посессивности в современном русском языке / Т. Л. Арефьева // Языковая системность при коммуникативном обучении.- М.: Русский язык,1988.-С.95-103.
6. Арзуманов, С.Дж. Ҷонишин.Забони адабии ҳозираи тоҷик: қисми I./С.Ҳалимов.- Душанбе: Ирфон, 1973.-С.215-230.
7. Арсланов, В.Ш. Актуализация центробежности глагольно-именными конструкциями типа «to have a smoke» в английском языке.-Автореферат дисс...канд. фил.наук.: 10.02.20.М.,1984.-16с.
8. Арутюнова, Н.Д. Предложения и его смысл: Логико-семантические проблемы /Н.Д.Арутюнова. М.: Эдиториал УРСС, 2005.-384с.
9. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов/ О.С.Ахманова. - М.: Советская энциклопедия,1966.-608с.

10. Бабина, Т.П. Субъект посессивности и способы его выражения./ Т.П.Бабина // Идеографические аспекты русской грамматики.- М.: Изд-во МГУ, 1988.-С.35-47.
11. Балашова, С.П. Изменение значений приименного родительного падежа существительных в английском языке // Ученые записки. Новая серия. Труды по английской филологии / С.П.Балашова.-Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1956.-Вып.Ш .-С. 39-60.
12. Баранова, К. М. Разноструктурные средства выражения посессивности в современном английском языке / К. М. Баранова.-М.:Школьная книга, 2000.-104с.
13. Баранова, К. М. Категория посессивности в языковых картинах мира и способы его выражения/ К. М. Баранова .Филология и культура: . Материалы IV Междун. науч. конф.-Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003.-С.160-163.
14. Бархударов, Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка / Л.С.Бархударов.-М.: Высшая школа, 1975.-156с
15. Бенвенист, Э. Общая лингвистика /Э.Бенвенист. М.,- 1974.-446с.
16. Бирюкович, Р.М. Именованье ситуации существования и обладания в языках различных структурных типов / Р. М. Бирюкович // Номинативные свойства языковых единиц.-Саратов: Изд-во Саратовского унв-та,1990.-С.3-13.
17. Болдырев, Н.Н. Когнитивный аспект семантики притяжательных местоимений / Н. Н. Болдырев // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы/ Под общ. ред. М. Л. Ремневой и А.А. Поликарпова. - М.: Изд-во МГУ, 2001.-С.89-90.
18. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика /А.В. Бондарко. - Л.: Наука. 1984.-136с.
19. Бондарко, А.В.Посессивность: (вступительные замечания) / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.- С.89-100.

20. Булыгина, Т.В. «Быть» или «Иметь»: (о некоторых фреквенталиях, связанных со способом выражения посессивных отношений). Т.В. Булыгина // *Сущность, развитие и функции языка* / отв. ред. Г. В. Степанов. - М., 1987. - С.12- 24.
21. Бухаризаде, А. Л. Функция местоименных суффиксов в современном таджикском языке. Автореферат канд. дисс.: 10.02.02. / А. Л. Бухаризаде. Сталинобод. 1954-22с.
22. Вайс, Д. Смысловый потенциал посессивного отношения и его текстуальная обусловленность в современном русском языке /Д.Вайс//*Сокровенные смыслы: слово. текст. культура: Сб. статей в честь Н.Д.Арутюновой* /Отв.ред.Ю.Д. Апресян .М.: Языки славянской культуры, 2004 -С.283-295.
23. Вальдман, О. А. Развитие приименного родительного падежа в английском языке /Авторефер. канд.дисс.: 10.02.04.О.А.Вальдман. Львов.- 1964-16с.
24. Васильченко, Н.А. Посессивность и референция: Монография. /Н.А.Васильченко. - Уфа: РИЦ БашГУ,-2007. - 127с.
25. Виноградова, Г.И. Параллельное употребление притяжательного местоимения и артикля в современном английском языке: Автореф. дис.... канд.филол.наук. Г.И.Виноградова.Горький.- 1962.-17с.
26. Виноградова, Г.И. Английское притяжательное местоимение и соответствующие ему способы выражения притяжательности в русском языке/Г.И.Виноградова // *Уч.зап.Горьковского ГПИИЯ.*- Горький: 1963.-Вып. XXIV.- С.32-35.
27. Волоцкая, З.М. К вопросу о прагматическом аспекте категории посессивности (её роль в организации текста загадки) /З.М. Волоцкая// *Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии, категории посессивности.*- М.: Наука, 1986.-С.230-240.
28. Вольф, Е.М. Некоторые особенности местоименных конструкций. // *Категория бытия и обладания*/ Е.М. Вольф - М., 1977.- С.144-194.

29. Воронцова, Г. Н. Об именном форманте-‘s в современном английском языке /Г.А. Воронцова // Иностранные языки в школе.1948.-№3,4.
30. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. ҷ.II. Душанбе: Дониш, 1986. - 372с.
31. Головачева, А. В. Семантико-синтаксический способ выражения категории посессивности/А.В.Головачева // Структура текста: Тез. симпозиума – М.,1981.-813с.
32. Головачева, Л.Н. Категория посессивности в плане содержания/Л. Н. Головачева // Категория посессивности в славянских и балканских языках.- М.,1989.-С.45-111.
33. Гращенков, П.В. Типология посессивных конструкций/П.В.Гращенков // Вопросы языкознания.2007. № 3. / П.В. Гращенков. С.25-54.
34. Григалюнене, Й. Й. Некоторые проблемы синтаксического посессива в английском языке// Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. Т.48.-1989.- №3 С.8-16.
35. Григалюнене, Й.Й. Синтаксический посессив и коррелирующие с ним модели: Дис.канд.фил.наук: 10.02.04/ Григалюнене Й.Й. - М., 1976 – 176с.
36. Давлетшина, С.М. Некоторые средства выражения динамического аспекта посессивных отношений//Коммуникативно-функциональное описание языка. Сборник научных статей.4.2.- Уфа: РИО Баш ГУ, 2005. - С. 42-45.
37. Давлетшина, С.М. О функциях посессивных конструкций в тексте// Лингвистика методика и литературоведение в учебном процессе: Материалы региональной научно-методической конференции. - Уфа: БГПУ, 2006.- С.43-47.
38. Долинина, И.Б. Высказывания с посессивными актантами // Теория функциональной грамматики: локативность, бытийность, посессивность, обусловленность.- СПб.: Наука, 1996.- С. 127-137.
39. Ежкова, Р.Е. К проблеме падежа существительных в современном английском языке: Дис. канд. фил.наук: 10.02.04. /Р.Е.Ежкова.- Л.,1962-160с.

40. Есперсен, О. Философия грамматики. (перевод с английского В. Н. Пасседа и С. Сафроновой) / О. Есперсен. М., Изд-во иностранной литературы, 1958.-440с.
41. Иванова, Т.А. О содержании категории притяжательности Т. А. Иванова //Вестник Ленинградского ун-та./ - апрель 1975. - Т. 8. -Сер. История, язык, литература.- Вып.2.-С.171-174.
42. Иванов, В.В. Типология посессивного спряжения и посессивного типа конструкции.// Славянское и балканское языкознание: Проблемы диалектологии. Категория посессивности. / В.В.Иванов.-М.,1986.- С.132-141.
43. Иванов, С. Н. К использованию категории принадлежности. / С. Н. Иванов //Советская тюркология - 1973-№1 С.26-36.
44. Иванова, И. П. История английского языка / Учебник. Хрестоматия. Словарь. Л. П. Чахоян, Т.М.Беляева. СПб., 2001.-510с.
45. Ирискулов, М.Т. Анализ системы личных, притяжательных и возвратных местоимений современного английского языка (в сопоставлении с узбекскими местоимениями).-Автореф. канд.фил. наук: 10.02.20. /М.Т.Ирискулов. - М., 1970.- 43с.
46. Исаева, О.Н. Реализация категории посессивности в русском и английском языках: Дис.канд.фил.наук:10.02.20./ Ольга Николаевна Исаева. М., 2007.-164с.
47. Журиная, М.А. Именные посессивные конструкции и проблемы неотторжимой принадлежности // Категория бытия и обладания в языке /М.А. Журиная - М.:Наука,- 1977.-252с.
48. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1 - Душанбе: Ирфон, 1973. - 451с
49. Калиущенко, В.Д. Типология локативных, посессивных и атрибутивных отсубстантивных глаголов / В.Д. Калиущенко // Вопросы языкознания.-1987.-№ 1.-С.93-105.
50. Категория бытия и обладания в языке. М.: Наука, 1977.-259с.

51. Кибрик, А.Е. Внешний посессор как результат расщепления валентностей / А. Е. Кибрик Слово в тексте и словаре. Сб.ст.к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна /Отв. ред .:Л. Л. Иомдин, Л.П. Крысин.-М.: Языки русской культуры, 2000.- С.435-446.
52. Копров, В.Ю. Выражение отношений обладания и принадлежности в современном русском языке // Методическая разработка для занятий по грамматике с иностранными учащимся / В.Ю.Копров.-Воронеж: ВГУ, 1983.- 24с
53. Копров, В.Ю. Изучение русских посессивных конструкций в англоязычной аудитории (Методический практикум)/ В.Ю. Копров.// Мир русского слова.-2001.-№ 4.-С.67-72.
54. Копров, В.Ю. Национально-культурная специфика языков в синтаксическом концепте «посессивность»/В.Ю. Копров// Реальность, язык и сознание: Межвузовский сборник научных трудов. Вып.2.-Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2002. – С.145-152.
55. Короткова, А. В. Категория посессивности и её реализация в сложном синтаксическом целом: автореферат кандидатской диссертации: 10.02.04/ А. В. Короткова. - Ставрополь, 2011. -16с
56. Корсаков, А.А. Лексическое и грамматическое содержание и употребление глагола «to have» в английском языке. Афтореф. канд. дисс.:10.02.04. - Одесса,1979.-25с
57. Красильникова, Л.В. Выражение принадлежности/Л.В. Красильникова// Книга о грамматике: Материалы к курсу: «Русский язык как иностранный» / Под ред. А. В. Величко. - М.: Изд-во Моск. ун-ва, 2004.- С.575-581.
58. Кумахов, М.А. К теории и истории категории посессивности./ М.А.Кумахов // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов секционных заседаний.-М.: ИЯ АН СССР, 1974.-С.94-97.
59. Краткий курс философии. М.,2000.-318с.

60. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую грамматику /Дж. Лайонз.М.: Прогресс, 1978.-540с.
61. Латышев, Л.К. Лексико-семантическая сочетаемость глаголов «обладания» с именами существительными: Автореф. канд. дис.: 10.02.04. Л. К. Латышев. - М., 1978.-18с.
62. Лихошерст, Н.И. Субстантивные словосочетания типа N1ofN2 с обязательно дистрибутивной связью компонентов в современном английском языке: 10.02.04. Автореф. дис.....канд. фил. наук .- Киев,1971.-16с.
63. Лутин, С.А. Русский генетив в функционально-семантическом аспекте. Монография /С.А. Лутин.- М.: РУДА, 2007. - 143с.
64. Лухт, Л.И. Категория бытия и обладания // Категория бытия и обладания.-М.: Наука, 1977.-С.125-143.
65. Марсель, Г. Быть и Иметь /Г.Марсель.- Новореченск: Агенство Сагуна, 1994.- 159с.
66. Магомедова, М.А. Категория посессивности в аварском и английском языках: Дис. канд. филол. наук: 10.02.20./ М.А.Магомедова.- Махачкала, 2011.- 174с.
67. Мамадназаров, А. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ./Абдусалом Мамадназаров.- Душанбе: Эр-граф, 2011- 1015с.
68. Матвеева, Н. Н. Сопоставительный анализ атрибутивных словосочетаний с 's и of в современном английском языке. канд. дис. : 10.02.20. / Н.Н.Матвеева.- Л.,1965.-179с
69. Метакса, В.Д. Семантико-синтаксическая характеристика притяжательных местоимений в современном английском языке. Афтореф. кан. дисс.: 10.02.20./В.Д.Метакса.- М.,1974.-30с .
70. Мешков,О.Д. О композитном значении (на материале английских сложных слов N+N //Слово в грамматике и словаре.- М.: Наука, 1984.-С.124-128.

71. Миллионщикова, О. П. Притяжательные местоимения (опыт семантико-функционального анализа). Авторефер. дисс. канд. фил.наук: 10.02.01./ О.П. Миллионщикова.- М.: МГПИ им. В.И.Ленина. 1990.-16с.
68. Милованова, М.В. Лингвокультурологические характеристики категории посессивности в русском и немецком языках: автореф. докт. дисс: 10.02.20 / М.В. Милованова. - Волгоград, 2007 – 42с.
72. Молошная, Т.Н. План выражения категории посессивности. / Т. Н. Молошная // Категория посессивности в славянских и балканских языках. - М., 1989.-С.112-115.
73. Молчанова, Е.К. Анафора и притяжательность.(на мат.таджикской разговорной речи) // Вопросы языкознания./ Е.К.Молчанова.- 1987,-№1.- С.121-132.
74. Мусаева, Д. Атрибутивные словосочетания со значением индивидуальной принадлежности в разносистемных языках (на материале английского и узбекского языков): Автореф. канд. дисс.: 10. 02. 20. / Д. Мусаева. - Ташкент,1978.-25с
75. Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса./А. Мустайоки.М.: Языки славянской культуры, 2006.-509с.
76. Мухин, А.М. О категории падежа в современном английском языке /А.М.Мухин. МЯ.- М.,1957.- С.19-30.
77. Нечаева, Е.Ф. Концепт «Обладание» как предельное понятие во французской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. канд. филол.наук : 10.02.20./ Е.Ф.Нечаева.- Тверь, 2008.-17с.
78. Николаева, Т.М. Средства различения посессивных значений: языковая эволюция и её лингвистическая интерпретация /Т.М.Николаева// Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии, категории посессивности.-М.: Наука, 1986.-С.167-178.
79. Николаева, Т.М. Об одном подходе к интерпретации посессивных значений / Т. М. Николаева // Язык: система и функционирование.-М.: Наука,1988.-С.181-190.

80. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. - М.: Наука, 1982. - 570с.
81. Падучева, Е.В. Посессивы и имена способа действия // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции /Е.В. Падучева.- Диалог 2009, № 8 (15) С. 365-372.
82. Писаркова, К. Посессивность как грамматическая проблема/К. Писаркова // Грамматическое описание славянских языков.- М.: Наука, 1974.- С.171-176.
83. Подольская, Л.И. Семантико - синтаксические свойства обладания и приобретения: канд.дис.фил.наук: 10.02.04. /Л.И. Подольская.- Горький, 1979-163с.
84. Раппопорт, Э. Г. Послелог 's и предлог of как оформителя атрибутивных отношений в английском языке / Э. Г. Раппопорт // Иностранные языки в школе.- № 1. 1950.- С.33-34.
85. Рахилина, Е.В. Посессивность и вопрос /Е.В.Рахилина // Теория функциональной грамматики: локативность, бытийность, посессивность, обусловленность.- СПб.: Наука,1996.-С.118-127.
86. Рипинская, Л.В. Словосочетания типа «существительного в притяжательном падеже + существительное» в современном английском языке / Автореф. канд.дисс.10.02.19.- Л.В.Рипинская. Л.,1969.-36с.
- 86.(а) Розенталь, Д. Э. Словарь - справочник лингвистических терминов / М. А. Теленкова.-М.: Просвещение,-1976.-544с.
87. Рустамов И.Х. Средства выражения принадлежности в разносистемных языках: дис.... канд. фил.наук: 10.02.19/ И.Х.Рустамов. - Киев, 1984. -179с.
88. Селиверстова, О.Н. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций со словом быть //-ВЯ.- 1973.-№ 5.-С.95-105.

89. Селиверстова, О.Н. Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке / О.Н. Селиверстова // Категория бытия и обладания в языке. - М.: 1977. - С.5-68.
90. Селиверстова, О.Н. Пространственно-экзистенциальные предложения в русском и английском языках (их соотношение и перевод) / О.Н.Селиверстова, А.Д.Швейцер // Текст и перевод. - М.: Наука, 1988. - С.130-144.
91. Селиверстова, О.Н. Экзистенциальность и посессивность в языке и речи: дис... доктора фил. наук: 10.02.19/ О.Н.Селиверстова. - М., 1983. - 412с.
92. Серебренников, Б. А. Развитие человеческого мышления и структура языка // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания / Б.А.Серебренников. - М.: Наука, 1970. - С.320-384.
93. Сиёев, Б. Чонишин./ Б.Сиёев. // Забони адабии хозираи тоҷик. Ҷ. I. Мухарири масъул: Рустамов Ш., Фафоров Р., Душанбе. - 1982. - С.156-168.
94. Смирницкий, А.И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. - М., Литературы на иностранных языках. - 1957. - 287с
95. Сушкова, И.М. Принадлежность в семантико-функциональном поле посессивности: дис.... канд. фил.наук.:10.02.19/Сушкова Ирина Михайловна Воронеж. – 2007, -185с.
96. Сюткина, М.Ю. Межкатегориальные связи экзистенциальных и посессивных конструкций: дис.... канд. фил.наук.10.02.19 /Марина Юрьевна Сюткина. – Ижевск. – 2004,-181с.
97. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность /А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, В. Г. Гак и др. под. ред. Бондарко .- СПб.: Наука, 1996. - 230с.
98. Топоров, В.Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности / В.Н.Топоров // Славянское и балканское языкознание.

Проблемы диалектологии проблемы посессивности.- М.: Наука, 1986.- С.142-167.

99. Тропинова, И.В. Функционально-семантическое поле посессивности в современном английском языке: дис....канд. филол.наук: 10.02.04 / Инна Васильевна Тропинова. - Киев, 1988. - 191с.

100. Усмонов, К.У. Категория определенности-неопределенности имени существительного в современном таджикском и английском языках: дис.... канд. фил. наук: 10.02.20/10.02.04 /Каримджон Усмонов. - Ленинабад, 1979. - 169с.

101. Усмонов, К.У. Морфологияи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ / Каримджон Усмонов.- Хучанд 2015. – 232с.

102. Цейтлин, С.Н. Семантическая категория посессивности в русском языке и её основание // Семантические категории в детской речи / С.Н.Цейтлин.- СПб.: Нестор - история, 2007. - С.201 -219.

103. Чинчлей, К.Г. Типология категории посессивности / К.Г.Чинчлей. - Кишинёв: Штинца,1990. – 154с.

104. Чинчлей, К.Г. Принадлежность в семантико-функциональном поле посессивности /К.Г.Чинчлей. - СПб.: Наука, 1996. - С. 100-118.

105. Чинчлей, К.Г. Некоторые аспекты типологии категории посессивности (на материале романских, германских, балтийских и славянских языков): автореф. дисс. канд. наук: 10.02.04/ К.Г.Чинчлей. - АН СССР ИЯ. М.,- 1984. – 23с.

106. Чинчлей, К. Г. Поле посессивности и посессивные ситуации / К.Г.Чинчлей // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. - СПб.: Наука, 1996.- С.100-118.

107. Шухардт, Г. Посессивность и пассивность / Г.Шухардт. пер. с нем //Эргативная конструкция предложения. - М.: Изд-во иностр.литературы, 1950.- С.143-151.

108. Ярцева, В.Н. Введение/ В.Н.Ярцева // Категория бытия и обладания в языке.- М.: Наука, 1977.- С.3-5.
109. Ahlgren, A. On the use of the Definite Article with Nouns of possession in English/A. Ahlgren. - Uppsala, 1946.- 108p.
110. Allen, W.S. Transitivity and possession //Language /W.S. Allen/-V. 40.- 1964.-n.3 part.1.1.P.337-343.
111. Altenburg, B. The genitive vs. of-construction: A study of syntactic variation in the 17-th century English.- Lund, 1982 (Lund studies in English,92).
112. Bach, E. "Have" and "Be" in English syntax-language / E. Bach. 1967, V. 43. № 2. Pp.22-34.
113. Baron, I. Possession in Noun Phrases: A Functional Analysis //I. Baron, M.Herslund (eds) //Possessive structures in Danish KLIMT3.- Copenhagen,1997.-Pp.115-130.
114. Baron, I. The Danish verb have and the Notion of Possession / I. Baron. M. Herslund // Possessives Structures in Danish KLIMT 3-Copenhagen, 1997 a. - Pp.131-157.
115. Barber, Ch. Linguistic Change in Present Day English / Charles Barber. Edinburg- London. 1964. - Pp.129-145.
116. Bendix, E. Componential analysis of general vocabulary /E. Bendix // International journal of American linguistics.- 1966,V.32 №2. P.38.
117. Blokh, M.Y. A Course in Theoretical English Grammar / M.Y. Blokh.- M., 1983.- 384p.
118. Clark, E.V. Locationals: Existential, locative and possessive constructions / E. V. Clark, J. Greenberg (ed.) // Universals of human language. Vol . 4. Syntax., Stanford, 1978.- Pp.85-126.
119. Cook, W.W. Ownership and Possession, Encyclopedia of the Social Science, V.11,Macmillon &Co.LTd,MCMXXX111,London 1933. Pp. 521-525.
120. Copel, A. The concept of ownership in the languages of Austrolic and the Pacific Southwestern journal of Antropology,V. № 3.1949.-304p.

121. Cooper, R.W. Inalienable possession in Finish and English: The use of possessive pronouns / Suffixes with Nouns Designing parts of the body // The Electronic journal of the Department of English at the University of Helsinki.
122. Close, R.A. The new English Grammar / R.A.Close. Harvard University Press, Cambridge, Mass.,1984.-184p.
123. External possession/ Edit. by D. L. Payne / I. Barshi /-Amsterdam; Philadelphia, 1999.-186p.
124. Ganshina, M.A. English grammar /M.V.Vasilevskaya. M.: Higher school. Publishing House, 1964. -544p.
125. Givon, T. Topic, pronoun and grammatical agreement //Subject and topic/ T.Givon. New Times Academic Press, - 1976. -188p.
126. Hawkins, R. Towards an account of the possessive constructions: NP's and N or NP // Journal of linguistics.1981,Vol.17, № 2, Pp. 247 – 269.
127. Helke, M. On reflexive in English / M. Helke // Linguistics,1973/-№2.- Pp.37-49.
128. Herslund, M. Baron, I. Sorenson, F. Introduction: Dimensions of possession. Typological studies in language, 47 /I. Baron. - Copenhagen, 2001- Pp. 48-62
129. Hornby, A.S. A Guide to patterns and usage in English/A.S.Hornby/ Oxford University Press. - 1962. –261p.
130. Ilysh, B. The Structure of Modern English / B.Ilysh.- Leningrad: Prosveshenie, 1971. - 366p.
131. Ikegami,Y. A set of basic patterns for the semantic structure of the verb./Y.Ikegami.Linguistics,V.117.1973.-Pp.17-18.
- 131(a) Isačenko,A.V. “On “Have”and “Be”Languages”/M.S.Flier /Slavic Forum Essays in Linguistic and literature,Paris,1974,-P.43-77.
132. Lanacker,R.W. Possession and possessive constructions/R.W. Lanacker// Language and the cognitive construal of the world / J.R. Taylor, R.E. Maclaury eds.- B.,N.Y.,1995.- Pp. 51-79.

133. Lander, J. A. Dealing with Relevant Possessors // Possessives and beyond. Semantics and Syntax / J.A.Lander, J. Kim, B. H. Partee (eds). - GLSA Publications, Amherst, Mass.,USA, 2005.- Pp.21-40.
134. Leech, G.N. Meaning and the English verb /G.N.Leech. - London, 1971.- 186p.
135. Lyons, J. A note on possessive, existential and locative sentences // Foundations of language/ J. Lyons. - V-3, № 4,1967. - 396p.
136. Lichtenberk, F. Attributive possessive constructions and the relational – non- relational noun distinction in Oceanic languages and in English.CRLC Seminar series, ANU, 2006. <http://ciic.anu.edu.au/seminars/series2006.html>
137. US.Nikiforidou K. The meanings of the genitive: a case study in semantic structure and semantic change/US.K. Nikiforidou // Cognitive Linguistics. - 1991.- p.149-205.
138. Mutt, O. Some Recent Development in the use of Nouns as Premodifiers in English/O.Mutt. - Zeitschrift fur Anglistik und Amerikanistik.-1967.-Vol.14.-№ 4.-P.402-403.
139. Quirk, R. A university grammar of English / S.Greenbaum, G. Leach. edited and abbreviated by I.P. Verkhovskaya. - M.: Vysshaya Shkola, 1982. -392p.
140. Seiler, G. Possession as an operational dimension of language / G.Seiler.- Gubengen: Narr,1983. -91p.
141. Swartik,J .L. A Communitive Grammar of English /J.Leech.Swartik.- M.: Prosveshenie,1983. – 304p.
142. Taylor, J.R. Possessives in English. An Exploration of Cognitive Grammar / J.R.Taylor.- Oxford University press. 2000. - 368p.
143. Taylor, J.R. Possession/ J.R.Taylor // Concise encyclopedia of grammatical categories. Ed.by Keith Brown, Jim Miller. Elsevier.1999. Pp. 300-301.
144. Ultan, R. Toward a typology of substantival possession. Working papers on language universals”/ R. Ultan.- California. № 3, 1970.- Pp.25-33.
145. Warren, R. P. Handbook of English grammar / R. P. Warren. London.- 1957-351p.

Источники иллюстративного материала:

146. Акбаров, Ю. Шӯхрати чаҳони Айнӣ // Ҳаёт, қаҳрамон ва адабиёт / Ю.Акарбаров. - Душанбе: Ирфон, 1977. -С. 154-164.
147. Айнӣ, С. Марги Судхӯр /Садриддин Айнӣ. Душанбе: Адиб, 2010.- 219с.
148. Афзаҳзод, А. Ҳаёт, қаҳрамон ва адабиёт/А.Афзаҳзод //Ҳаёт, қаҳрамон ва адабиёт/ Ю.Бобоев.- Душанбе: Ирфон,1977. - С. 239-256.
149. Бобоев, Ю. Ҳақиқати револуция ва нигоришҳои роман // Ҳаёт, қаҳрамон ва адабиёт / Ю.Бобоев. Душанбе: Ирфон,1977. - С.107-153
150. Икромӣ, Қ. Тахти Вожгун /Қалол Икромӣ. Душанбе: Ирфон,1974. - 337с
151. Икромӣ, Қ. Асарҳои мунтахаб / Қалол Икромӣ.қ.2. Душанбе: Адиб, 1989. - 380с.
152. Икромӣ, Қ. Асарҳои мунтахаб / Қалол Икромӣ. Шодӣ. қ.3.- Душанбе: Адиб,1989.- 380с.
153. Лолаҳои кӯҳсор. Очеркҳо.- Душанбе: Адиб, 1987. -222с.
154. Мирзозода, Х. Тараннуми ғояҳои инқилобӣ дар назми солҳои бистуми тоҷик // Ҳаёт, қаҳрамон ва адабиёт.- Душанбе: Ирфон,1977. - С.179-197.
155. Муҳаммадиев, Ф. Кулӣёт. қ.2. / Ф.Муҳаммадиев.- Душанбе: Адиб, 1990. - 446с.
156. Ниёзӣ, Ф. Ҳар беша гумон мабар ки холист/ Фотех Ниёзӣ. - Душанбе: Ирфон,1975. -517с.
157. Осимӣ, М. Воқеияти хилофӣ афсона аст // Ҳаёт, қаҳрамон ва адабиёт /М. Осимӣ. Душанбе: Ирфон,1977-С. 21-43.

158. Сайфуллоев, А. Ташаккули умумияти таърихӣ одамон дар романҳои инқилобӣ / Атахон Сайфуллоев // Ҳаёт, қаҳрамон ва адабиёт/ Душанбе: Ирфон, 1977 –С.74-106
159. Саттор, Т. Камони Рустам /Турсун Саттор.- Душанбе: Маориф, 1982-140с.
160. Стивенсон, П.Л. Қазираи Қавохирот / Пол Луиз Стивенсон.- Сталинобод, 1952-257с.
161. Табаров, С. Масъалаи мазмуну шакл дар як намунаи лирикаӣ граждании /С.Табаров // Ҳаёт, қаҳрамон ва адабиёт / Душанбе: Ирфон, 1977 – С. 219-236.
162. Турсунзода, М. Роҳ ба сӯи ояндаи дурахшон /Мирзо Турсунзода //Ҳаёт, қаҳрамон ва адабиёт / Душанбе: Ирфон,1977. С. 3 – 20.
163. Улуғзода, С. Пири ҳақимони машриқзамин /Сотим Улуғзода.- Душанбе: Маориф, 1980-140с.
164. Фирӯз, Б. Фафлатзадагон /Баҳром Фирӯз.- Душанбе: Адиб, 1999-375с.
165. Фирӯз, Б. Агар ӯ мард мебуд /Баҳром Фирӯз.- Душанбе: Адиб, 1987-384с.
166. Худойдодов, Б. Мавзӯи байналхалқӣ, дӯстии халқҳои СССР ва интернационализм дар назми советии тоҷик /Б.Худойдодов // Ҳаёт, қаҳрамон ва адабиёт / Душанбе: Ирфон, 1977. –257-285с.
167. Шукуров, М. Жанри таърихӣ ва ҳудогоҳии халқ / Муҳаммадҷон Шукуров // Ҳаёт, қаҳрамон ва адабиёт / Душанбе: Ирфон,1977 – С.62-73.
168. Ҷалил, Р. Асарҳои мунтахаб. ҷ.2. / Раҳим Ҷалил.- Душанбе: Адиб, 1988-464с.
169. Ҷалил, Р. Асарҳои мунтахаб / Раҳим Ҷалил.- Душанбе: Адиб, 1988-464с.
170. Carter, D. Fatherless sons / D.Carter.- Moscow, 1957-605p.
171. Carter, D. Tomorrow Is with us / D.Carter.- Moscow,1953 – 334p.

172. Cronin, A. Beyond this place /A.Cronin.- Москва: Высшая школа, 1972-90p.
173. Cusack, D. Say no to death / D.Cusack.- Kiev: Dnipro Publishers,1976-382p.
174. Deutcher, I. Stalin.A political Biography / I.Deutcher.- New York /vintage books: a division of random house,1960-610p.
175. Dickens,Ch. American Notes /Charles Dickens. -M.: Foreign languages publishing house,1950.-256p.
176. Dickens, Ch. Martin Chuswellit / Ch.Dickens.- M., Foreign languages Publishing House,1951.-481p.
177. Dreiser, Th. The sister Carrie / Th.Dreiser.Moscow,1968-595p.
178. Galsworthy,J. Two white monkey. A modern comedy. book 1 / J.Galsworthy. - Moscow, 1976-203p.
179. Galsworthy, J. The Silver spoon. A modern comedy.book 2 / J.Galsworthy.- Moscow: 1976-278p.
180. Galsworthy, J. Swan song. A modern comedy. Book 3 /J.Galsworthy.- Moscow, 1976-302p.
181. Gow,J. Deep are the roots /A.D'usseau.- Москва: Литературы на иностранных языках, 1951-110p.
182. Hardy, T.Far from the Madding crowd /Thomas Hardy. - London: Smith, Elder &Co, 1874-308p.
183. Hemingway, E.A farewell to arms / E.Hemingway. L., 1971. - 264p.
184. Hemingway E. The old men and the sea / Ernest Hemingway. - Moscow: Foreign languages publishing house,1963.-110p.
185. Hornby, A.S. Oxford advanced learners' dictionary/ A.S.Hornby.- Oxford university Press, 1989.-1578p.
186. Jerome K.Jerome. Three men in a boat /K. J.Jerome.- M.: Foreign languages publishing house, 1959.-248p.
187. Leacock, S. Perfect lovers'guide / Stephan Leacock.- M.: Foreign languages publishing house, 1963.-344p.

188. Malory, T. Morte D'Arthur / T. Malory.- Ленинград: Просвещение,1968-232с.
189. Prestley, J. B. Angel Pavement /J.B.Prestley. -М.: Progress Publishers,1974-504р.
190. Shaw, B. Widowers' Houses. Mrs. Warrens profession /Bernard Shaw.- М.: Foreign languages publishing house.1950-171р.
191. Stivenson, P.L. Treasure Ireland /P.L.Stivenson. - Moscow,1963-277р.
192. Thackeray, W. M. The history of Henry Esmond,esq / W. M. Thackeray.- Moscow: Foreign languages publishing house, 1954.-596р
193. Voynich, E.L. The Gadfly /E.L. Voynich.- М.: Foreign languages publishing house, 1954. – 332р.
194. Waugh, E. Prose, memories, essays / E.Waugh.- М.: Progress publishers, 1980- 446р.
195. Wilson, M. Live with lightning /M.Wilson.-Moscow,1953-384р.

